

Джоанна Кэтлин Роулинг.
Гарри Поттер и философский камень.

Глава первая. Мальчик, который остался жив.

Мистер и миссис Дурсли [1], проживающие в доме №4 по Оградному проезду, были совершенно нормальными, благодарим покорно, и этим гордились. От них менее всего можно было ожидать чего-нибудь странного или таинственного, поскольку подобной ерунды за ними попросту не водилось.

Мистер Дурсли работал управляющим в фирме, которая называлась "Грюннингс" и занималась производством отбойных молотков. Он был крупный, мясистый мужчина; шеи у него почти не было вовсе, зато были длинные усы. Миссис Дурсли была тощая, со светлыми волосами и двойной, против обычного, порцией шеи – что было очень удобно, так как большую часть времени она проводила, подглядывая через забор за соседями. У четы Дурсли был маленький сыночек по имени Дадли и, по их мнению, лучшего ребёнка было просто не найти.

У семьи Дурсли было, в общем, всё, чего им хотелось, но ещё вдобавок к этому у них была тайна, и больше всего на свете они боялись, что кто-нибудь эту тайну откроет. Если бы кто-то узнал про Поттеров, они бы этого скорее всего не перенесли. Миссис Поттер приходилась миссис Дурсли сестрой, но они уже несколько лет как не общались; более того, миссис Дурсли старалась делать вид, что никакой сестры у неё нет и никогда не было, потому что сестра эта, на пару со своим оборотом-муженьком, вела себя настолько не по-Дурслийски, насколько вообще можно было себе представить. Семейство Дурсли прямо дрожь пробивала, если им вдруг случалось подумать, что сказали бы соседи, если Поттеры объявились бы на их улице. У Поттеров тоже был маленький сын, Дурсли это знали, но никогда его не видели. Этот неизвестный мальчишка только прибавлял им решимости держаться от Поттеров подальше – они не хотели, чтобы их Дадли попал в подобную компанию.

Когда одним серым утром мистер и миссис Дурсли проснулись, ничто в затаянном низкими облаками небе не предвещало тех странных и таинственных событий, которые в скорости должны были разнестись по всей округе. Мистер Дурсли, мурлыча себе под нос, выбирал для служебного костюма галстук поскучнее, а миссис Дурсли самозабвенно сплетничала, запикивая орущего Дадли в высокое креслице.

Никто не заметил, как большая неясность протрепетала крыльями под самым окном.

В половине девятого мистер Дурсли взял свой портфель, чмокнул миссис Дурсли в щёчку и попытался поцеловать на прощание Дадли, но промахнулся, потому что Дадли к тому времени уже бился в истерике и швырял свою кашу в стену горстями. "Шалунишка", удовлетворённо хмыкнул мистер Дурсли, выходя из дому. Он залез в машину и вывел её на улицу.

Первый знак того, что вокруг творится что-то странное, он заметил на углу – там кошка сверялась с картой. Сперва мистер Дурсли не осознал, что это такое он только что увидал; потом он быстро повернул голову и посмотрел снова. Пёстрая кошка на углу Оградного проезда и в самом деле стояла, но никакой карты и в помине не было. И что это ему в голову взбрело? Не иначе как обман зрения. Мистер Дурсли сморгнул и уставился на кошку. Тогда она уставилась на него. Он продолжал наблюдать за ней в зеркальце после того, как повернул за угол. Теперь она читала надпись "Оградный проезд" на табличке – то есть, конечно же, просто смотрела на табличку, ведь кошки не понимают ни уличных знаков, ни тем более карт. Мистер Дурсли встряхнулся и прогнал кошку из головы. Всю дорогу к городу он думал о крупном заказе на отбойные молотки, который он собирался в тот день протолкнуть.

Однако на окраине отбойным молоткам пришлось уступить в его голове место ещё одному обстоятельству. Сидя в обычной утренней пробке, он не мог не обратить внимания на то, что вокруг наблюдалось необычное скопление странно одетого народа. В мантиях, можете себе представить. Мистер Дурсли

терпеть не мог людей в дурацкой одежде – а уж что молодежь-то себе позволять стала! Не иначе как ещё одна идиотская мода. Барабанив пальцами по рулю, он остановил свой взгляд на ближайшей кучке этих клоунов. Они возбужденно перешёптывались. Что совершенно вывело мистера Дурсли из себя, так это то, что некоторые из них были не такими уж молодыми; да вот, скажем, этот, в изумрудно-зелёном плаще – как бы не постарше его самого! Вот так наглость! Только потом мистер Дурсли догадался, что всё это, должно быть, просто чьи-то глупые фокусы – демонстрация какая-нибудь... ну да, что-то в таком роде. Машины впереди наконец сдвинулись с места, и через несколько минут мистер Дурсли уже въезжал на стоянку "Грюннингса", и отбойные молотки снова заняли положенное место в его мыслях.

К окну своего кабинета на девятом этаже мистер Дурсли всегда сидел спиной. Если бы не эта его привычка, тяжело было бы ему в тот день отдать всё своё внимание отбойным молоткам. Он не видел множества разнообразных сов, круживших над городом среди бела дня, но люди на улицах их без сомнения видели; они, раскрыв рты, тыкали пальцами в небеса, глядя, как совы, одна за другой, бесшумно проносились над их головами. Большинство из них сов никогда не видали, даже ночью. Но для мистера Дурсли утро выдалось совершенно обычное и совершенно бессовное. Он наорал на пятерых подчинённых. Потом он сделал несколько чрезвычайно важных телефонных звонков, и поорал ещё немного. К обеду настроение у него было прямо-таки превосходное, и он решил слегка поразмяться и сходить через дорогу в булочную, купить себе чего-нибудь сладенького.

Про всех этих в плащах и мантиях он уже забыл – пока не наткнулся на нескольких прямо около булочной. Проходя мимо, он смерил их злобным взглядом. При виде их ему, неизвестно по какой причине, стало не по себе. Эта компания тоже оживлённо перешёптывалась, и никаких флагов или транспарантов было не видать. Только когда он уже направлялся обратно, сжимая пакет с большой свежей булкой, он наконец ухватил пару фраз.

– Поттеры, ну да, я сам слышал...

– ... Гарри, их сын...

Мистер Дурсли остановился как вкопанный. Внутри у него от ужаса похолодело. Он взглянул на шептунов так, как будто собирался им что-то сказать, но решил не связываться.

Он бросился через улицу, промчался к своему кабинету, рявкнул секретарше, чтобы его не беспокоили, схватил телефон и уже почти набрал свой домашний номер, но передумал. Он положил трубку на место и принялся размышлять, поглаживая усы. Да нет, ерунда какая. Поттер – не такая уж редкая фамилия [2]. Наверняка в округе полно Поттеров, у которых были сыновья по имени Гарри. К тому же он вовсе не был уверен, что его племянника и в самом деле звали Гарри. Он его никогда не видел. Может, он был Гарвей. Или Гарольд. К чему зря беспокоить миссис Дурсли; она всегда так огорчается от одного лишь упоминания о своей сестре. Да и как её, в сущности, в этом винить – будь у него такая сестра... Но всё-таки, все эти люди в плащах...

Теперь сосредоточиться на отбойных молотках было гораздо сложнее, и к пяти часам, когда он покинул здание, он был всё ещё так озабочен, что не заметил, как на кого-то налетел прямо в дверях.

– Извиняюсь, – буркнул он, а щуплый старичок споткнулся и чуть не упал.

Только через несколько секунд до мистера Дурсли дошло, что и на этом была надета мантия – фиолетовая. Старичок, похоже, ничуть не огорчился, что его почти сшибли с ног. Напротив, его физиономия расплылась в широкой ухмылке, и скрипучим голосом (таким, что прохожие начали оглядываться) он произнёс:

– Не извольте беспокоиться, дорогой мой, ничто не может огорчить меня сегодня! Возрадуйтесь, ибо Сами-Знаете-Кто наконец повергнут! Даже для муглей вроде Вас сегодня праздник, в этот чудный, чудный день!

После чего старичок приобнял мистера Дурсли поперек живота и отошёл.

Мистер Дурсли как к месту прикипел. Во-первых, его только что обнимал какой-то незнакомец. Кроме того, его обозвали муглем – не то чтобы он

знал, что это значило. Он был ошеломлён. Добежав до машины, он скорее отправился в сторону дома, надеясь, что всё это ему почудилось (никогда прежде ему не доводилось на такое надеяться, поскольку всяких фантазий он не одобрял).

Первое, что он увидел, заворачивая во двор дома номер четыре - и настроения это ему явно не улучшило - была та пестрая кошка, которую он приметил с утра. Она сидела на каменном заборе. Без всякого сомнения, кошка была та самая - у неё были те же пятна вокруг глаз.

- Кыш! - сказал мистер Дурсли громко.

Кошка и не пошевелинулась. Она только строго на него поглядела.

"Интересно, - подумал мистер Дурсли, - кошки так и должны?" Он сделал усилие, чтобы привести себя в порядок, и вошёл в дом. Он всё ещё был полон решимости ничем не беспокоить свою жену.

У миссис Дурсли день был обычный и вполне милый. За ужином она поведала ему всё о неурядицах между Миссис За Забором и её дочерью, и о том, что Дадли выучил новое слово ("Небуду!"). Мистер Дурсли старался держаться как ни в чём не бывало. Когда Дадли был наконец водворён в постель, он отправился в гостиную и как раз успел ухватить последний репортаж вечернего выпуска новостей:

- И в заключение нашей программы - любители птиц сообщают нам отовсюду, что совиное население нашей страны вело себя сегодня весьма необычно. Хотя по натуре своей совы обычно охотятся по ночам, а днём практически не показываются, мы получили сотни звонков о том, что эти птицы летали с самого рассвета буквально во все стороны. Наши эксперты затрудняются объяснить, что же могло привести к столь неожиданной смене привычек, связанных с совиным сном и бодрствованием (здесь ведущий позволил себе слегка усмехнуться). В высшей степени загадочно. А теперь Джим Макгаффин [3] расскажет нам о погоде. Ну что, Джим, каких сов нам ожидать с неба этой ночью - переменных или кратковременных?

- Боюсь, что мой прогноз ничего об этом не упоминает, Тэд, - сказал синоптик, - но похоже, что сегодня себя странно вели не одни только совы. Наши телезрители из Кента, Йоркшира и даже Денди уверяют меня, что вместо дождя, о котором я предупреждал в нашей вчерашней передаче, на них сегодня сыпались проливные фейерверки! Кажется, кто-то поторопился отмечать Ночь Костров [4] - подождите следующей недели, господи! А вот то, что ночь будет облачной и влажной, это я вам могу пообещать.

Мистер Дурсли сидел в кресле, боясь пошевелинуться. Фейерверки по всей Британии? Совы среди бела дня? Подозрительные типы в накидках на каждом углу? И этот шепоток, шепоток о Поттерах...

В гостиную вошла миссис Дурсли с двумя чашками чая. Нет, дальше так было нельзя. Придется ей сказать. Он нервно прокашлялся.

- Хм... Петуния, дорогая моя... От твоей сестры в последнее время ничего не слышно?

Как он и ожидал, миссис Дурсли возмущилась. В конце концов, обычно-то они делали вид, что у неё нет сестры.

- Нет, - ответила она резко. - А что?

- Да тут такую ерунду в новостях показывают, - пробормотал мистер Дурсли.

- Совы... Фейерверки... И эти дурацкие ряженые, в городе...

- И что с того? - огрызнулась миссис Дурсли.

- Да вот, я тут подумал... Может... Может это всё... Знаешь... По её части.

Миссис Дурсли молча цедила чай через презрительно сжатые губы. Некоторое время мистер Дурсли раздумывал, не набраться ли храбрости и сказать ей, что он слышал, как кто-то упомянул фамилию "Поттер". Потом он решил, что, пожалуй, не набраться, и вместо этого спросил самым беззаботным тоном, который сумел из себя выжать:

- А их сын - они с Дадли примерно одного возраста, правда?

- Очень может быть, - холодно проронила миссис Дурсли.

- Напомни мне, как его зовут? Говард, кажется?

- Гарри. Противное, мужицкое имя - я всегда так считала.

- Ах да, - сказал мистер Дурсли упавшим голосом. - Конечно, дорогая. Я с тобой полностью согласен.

Больше он не произнёс ни слова, и в скорости они отправились наверх, в спальню. Пока миссис Дурсли умывалась, мистер Дурсли подкрался к окну и выглянул вниз, в сад. Кошка так и сидела. Она посматривала вдоль Оградного проезда, словно ожидая чего-то.

Могло ли всё это ему привидеться? А если нет, то не могло ли оно иметь какого-нибудь отношения к Поттерам? А если имело... тогда если вдруг откроется, что у них в родственниках - пара... нет, это было просто невыносимо.

Дурсли легли в постель. Миссис Дурсли быстро уснула, но к мистеру Дурсли сон не шёл, и в голове у него продолжали крутиться недавние события. Его последней, и довольно успокоительной, мыслью перед тем, как наконец уснуть, было то, что даже если Поттеры и были тут замешаны, то это всё равно не повод им приставать к нему или к миссис Дурсли. Поттеры прекрасно знали, что они - и он, и Петунья - думали про них и про всю их шатию. Нет, решительно непонятно, как он или Петунья могли быть вовлечены в эти их делишки. Он зевнул и повернулся на бок. Они же тут явно ни при чём...

Если бы он только знал, как он ошибался.

Мистер Дурсли уже давно спал беспокойным сном, а кошка на стене сада засыпать даже и не думала. Она по-прежнему сидела неподвижно, как статуя, а её немигающие глаза по-прежнему глядели в дальний угол Оградного проезда. На соседней улице кто-то громко хлопнул дверцей, выходя из машины, потом мимо промчались две совы, но кошка и не ворохнулась. Первое заметное движение она сделала, только когда время стало уже подходить к полуночи.

На углу, в который так внимательно вперилась кошка, вдруг появился человек, появился так внезапно и бесшумно, как будто выпрыгнул из-под земли. Кошка дёрнула хвостом, и щёлочки её глаз сузились.

Можно смело сказать, что никогда в Оградном проезде подобного человека не видали. Был он высоким, тонким, и довольно старым, судя по седине его волос и бороде - причём и то, и другое было у него до пояса. На нём была длинная мантия, пунцовый плащ до самой земли и сапоги с каблуками и пряжками. Ясные голубые глаза его лучились за полукруглыми стёклами очков, а нос был длинный и неровный, как бы сломанный по крайней мере в двух местах. Звали этого человека Альбус Дамблдор [5].

Альбус Дамблдор, похоже, и не подозревал, что там, куда он только что прибыл, человеку с таким именем - или в таких сапогах - было явно не место. Он был занят поисками чего-то в складках своего плаща. А вот то, что за ним следили, он, кажется, заметить успел, и внезапно вскинул глаза на кошку, которая по-прежнему взирала на него с другого конца улицы. Увидев её, он почему-то усмехнулся и пробормотал, "Можно было догадаться".

Наконец требуемое отыскалось во внутреннем кармане. Этот предмет был похож на маленькую серебряную зажигалку. Он открыл её, поднял над головой и щёлкнул. Тотчас же ближайший к нему фонарь негромко хлопнул и потух. Ещё щелчок - и ещё один фонарь замигал и потемнел. Двенадцать раз он щёлкнул своей гасилкой, и вот уже только два крохотных огонька остались видны вдали среди полной темноты, окутавшей улицу - глаза кошки, следившей за каждым его движением. Кто бы ни выглянул сейчас из своего окна, будь это хоть сама остроглазая миссис Дурсли - они бы ничего не смогли разглядеть в двух шагах. Дамблдор сунул гасилку обратно под плащ и направился вдоль по улице к дому номер четыре. Подойдя к стене, на которой сидела кошка, он примостился рядом и заговорил, обращаясь к ней, но на неё не глядя:

- Профессор Макгонагелл, какая встреча.

Потом он, улыбаясь, повернул к кошке голову, но той уже на месте не было. Вместо неё он одарил улыбкой довольно строгого вида женщину в квадратных очках - точь-в-точь такой формы, как пятна вокруг кошковых глаз. Она тоже

была одета в длинный плащ – изумрудного цвета. Её чёрные волосы были забраны в высокий тугий пучок. Выглядела она обеспокоено.

– Как Вы узнали, что это я? – спросила она.

– Дорогая моя, в жизни не видел таких оцепеневших кошек.

– Оцепенеешь тут, весь день сидя на каменной стене, – сказала профессор Макгонагелл.

– Как так – весь день? И это вместо того, чтобы праздновать? Да я по дороге сюда наткнулся по крайней мере на дюжину вечеринок и пирушек. Профессор Макгонагелл сердито фыркнула.

– Пирушки – это уж за ними не засохнет, будьте покойны. Хоть бы кому пришла в голову мысль быть ну самую малость поосторожней, так нет – даже мугли, и те уже кое-что приметили. В их новостях говорили, – она кивнула на тёмный проём окна в гостиной у Дурсли. – Я всё слышала. Стаи сов... Фейерверки... Они, конечно, глупы, но не до такой степени. А фейерверки в Кенте – наверняка Дедала Дигля работа. Вот уж охламон, каких поискать.

– Ну, не стоит так уж строго, – мягко укорил её Дамблдор. – В конце концов, за последние одиннадцать лет поводов для радости у нас было – раз, два и обчёлся...

– Это я прекрасно понимаю, – раздражённо прервала его профессор Макгонагелл. – Но с каких это пор позволяется всем вместе головы терять? Полная беспечность, ходят по улицам у всех на виду, даже не позаботившись переодеться в муглевое, слухи распускают, – тут она бросила на Дамблдора косой пронизательный взгляд, как бы приглашая его чем-то с ней поделиться, но он молчал, и она продолжала, – Вот будет чудно, если в тот самый день, когда Сами-Знаете-Кто наконец-то исчез, мугли нас вычислят. Надеюсь, он и в самом деле исчез?

– Похоже на то, – сказал Дамблдор. – Так что нам воистину есть чему радоваться. Хотите карамельку?

– Что???

– Карамельку. Это у муглей есть такие сласти, мне они в последнее время очень пришлись по вкусу.

– Нет уж, благодарю, – холодно сказала профессор Макгонагелл, явно давая понять, что с её точки зрения момент для карамелек был абсолютно не подходящий. – Так вот, даже если Сами-Знаете-Кого больше нет...

– Дорогая моя, Вы же разумная женщина – неужели так сложно назвать его по имени? А то все эти "Сами-Знаете-Кто"... Я уже одиннадцать лет пытаюсь убедить народ называть его настоящим именем – Вольдеморт [6], – профессор Макгонагелл вздрогнула, но Дамблдор был поглощён разлепливанием двух склеившихся карамелек и внимания на это не обратил. – Такая путаница, когда все твердят "Сами-Знаете-Кто". Я, к примеру, никогда не мог понять, что такого страшного в том, чтобы произнести имя "Вольдеморт".

– Ну ещё бы, – откликнулась профессор Макгонагелл, и в голосе её зазвучало отчаяние пополам с восхищением. – С Вами всё по-другому. Всем известно, что Сами-Знаете –... ну, так и быть, Вольдеморт, не боялся никого, кроме Вас.

– Вы мне льстите, – спокойно произнёс Дамблдор. – Вольдеморт обладал такой силой, какая мне и не снилась.

– Это лишь потому, что Вы слишком... благородны, чтобы её использовать.

– Хорошо, что здесь темно. Так краснеть мне не приходилось с тех самых пор, как мадам Помфри похвалила мою новую вязаную шапочку.

Профессор Макгонагелл снова стрельнула пронизательным взором в сторону Дамблдора и сказала:

– Совы – это мелочь по сравнению с летающими повсюду слухами. Знаете, что все говорят? О том, почему он исчез? Что его смогло наконец одолеть?

Похоже, профессор Макгонагелл наконец добралась до того предмета, который интересовал её больше всего, до настоящей причины того, что заставило её просидеть весь день на холодной каменной стене – она сверлила теперь Дамблдора таким пронзительным взглядом, каким ни в кошачьем, ни в человеческом обличье ещё на него не смотрела. Что бы там "все" ни говорили, но пока Дамблдор этого не подтвердил, она ничего на веру

принимать не собиралась. Дамблдор, однако, снова ей не ответил, выбирая для себя ещё одну карамельку.

- Говорят, - не сдавалась она, - что прошлой ночью Вольдеморту заявился в Годрикскую Лощину. Искал Поттеров. Говорят, что Лили и Джеймс Поттер... Что их... Что они... Погибли!

Дамблдор склонил голову. Профессор Макгонагелл ахнула.

- Лили и Джеймс!.. Как же так... Я не верю... Не могу этому поверить... Ах, Альбус!

Дамблдор протянул свою руку и погладил её по плечу.

- Да, да... Я понимаю, - сказал он, тяжело вздохнув.

Профессор Макгонагелл продолжала дрожащим голосом:

- И это ещё не всё. Говорят, он и их сына, Гарри, тоже пытался убить. Но - не сумел. Малыша он убить не смог. Почему, как это случилось - никто не знает, но когда он не смог убить Гарри Поттера, его чары, говорят, сломались каким-то образом, и поэтому его теперь больше нет.

Дамблдор мрачно кивнул.

- Так значит - это правда? - упавшим голосом спросила профессор Макгонагелл. - И после всего, что он совершил... всех тех, кого он уничтожил... он не мог убить одного маленького мальчика? Уму непостижимо... Так вот что его остановило... Но всё-таки, ради всего святого - как же ему удалось уцелеть?

- Можно только гадать, - сказал Дамблдор. - Боюсь, мы никогда не узнаем наверняка.

Профессор Макгонагелл вытащила кружевной платочек и промокнула глаза под очками. Дамблдор шумно втянул воздух, извлёк из кармана золотые часы и внимательно на них посмотрел. Часы выглядели весьма необычно. На них было двенадцать стрелок, но ни одной цифры; вместо них по кругу ходили крохотные планеты. Дамблдор, по всей видимости, разбирался в них без труда; едва взглянув на циферблат, он снова сунул часы в карман и произнёс:

- Однако Хагрид запаздывает. Кстати, я полагаю, это именно он сообщил Вам, что я буду здесь?

- Да, - ответила профессор Макгонагелл. - А я полагаю, Вы так и не собираетесь мне наконец поведать - почему именно здесь?

- Я должен поручить Гарри его дяде и тётке. Они теперь его единственные родственники.

- Уж не тем ли это, которые живут здесь? - вскричала профессор Макгонагелл и вскочила, указывая на дом номер четыре. - Да ни за что на свете! Дамблдор - не вздумайте. Я за ними весь день наблюдала. Да во всём мире не сыщется людей, менее подходящих на нас. А уж этот их сын - я своими глазами видела, как он гнал собственную мать по улице, вереща и требуя немедленно конфет! Гарри Поттеру - жить с ними? Ну уж нет!

- И всё-таки это лучшее для него место, - твёрдо заявил Дамблдор. - А когда он подрастёт, его дядя и тётка смогут всё ему объяснить. Я им даже письмо написал.

- Письмо? - слабо повторила профессор Макгонагелл, снова усаживаясь на стену. - Ну сами подумайте, Дамблдор, разве такое можно изложить в письме? Эти люди, они же ничего о нём не поймут, даже если постараются. Он ведь будет знаменитым... О нём сложат легенды... Да что там, я не удивлюсь, если этот день станут теперь отмечать - День Гарри Поттера! О нём напишут в книгах. В нашем мире даже маленьким детишкам будет известно его имя!

- Вот-вот, - сказал Дамблдор, строго поглядывая поверх своих полукруглых очков. - Такое кому угодно в голову ударит. Ещё ходить и говорить не научился - и уже знаменитость! Повсюду известен - за то, что он сам и вспомнить-то не сможет! Неужели не ясно, что для его же пользы ему необходимо расти здесь, вдали от всей этой шумихи, пока он не повзрослеет достаточно, чтобы встретить её достойно?

Профессор Макгонагелл открыла было рот, чтобы возразить, но передумала, сглотнула и сказала покорно:

- Да, и в самом деле, Вы правы. Но как же малыш сюда попадёт?

Она вдруг с подозрением уставилась на его широкий плащ – как будто ей в голову пришла мысль, что он всё это время прятал под ним Гарри.

– Его принесёт Хагрид.

– Вы думаете, это... разумно? Доверять Хагриду дело такой чрезвычайной важности?

– Хагриду я бы не задумавшись доверил свою жизнь, – сказал Дамблдор.

– Да нет, я ничего не говорю, он, конечно, добрая душа, – ворчливо заметила профессор Макгонагелл. – Но не стоит всё-таки забывать о его безалаберной натуре. С него, пожалуй, станется... Ой, что это?

В ночную тишину вторгся низкий рокот. Он всё нарастал; они посмотрели сначала в один конец улицы, потом в другой, пытаясь различить фары. Рокот перешёл в рёв, они вскинули головы к небу – и тотчас же оттуда свалился гигантский мотоцикл, приземлившись на дорогу в точности перед ними. Несмотря на то, что мотоцикл был огромным, он как-то терялся в сравнении со своим седоком. Тот был вдвое выше нормального человека, а шире, пожалуй, раз в пять. Глядя на него, становилось понятно, что быть таким громадным просто непозволительно. Вид у него был, прямо скажем, дикий – лицо терялось за мохнатой чёрной бородой и спутанными космами чёрных волос, ладони его были размером с хорошую сковороду, а ноги в чёрных сапогах походили на двух маленьких китят. В широченных мускулистых руках он нежно держал свёрток, запелёнутый в одеяльце.

– Хагрид, – облегченно выдохнул Дамблдор. – Ну, наконец-то. Где ты отыскал этот мотоцикл?

– Взял напрокат, сэ, – ответил великан, осторожно вылезая из седла. – Сириус одолжил. Я привёз его, сэ.

– Никаких трудностей?

– Нет, сэ. Дом-то совсем развалился, но я успел его прихватить до того, как туда муглей понабежало. А как мы пролетали над Бристолем, он возьми да и усни.

Дамблдор и профессор Макгонагелл нагнулись над свёртком. Внутри, едва выглядывая из-под одеяла, крепко спал маленький мальчик. Под прядкой агатово-чёрных волос у него на лбу виднелся шрам необычной формы, словно крохотная молния.

– Это сюда?... – прошептала профессор Макгонагелл.

– Да, – сказал Дамблдор. – Этот шрам у него теперь на всю жизнь.

– Неужели даже Вы ничего не можете с этим поделать?

– А я и не стал бы, даже если бы мог. Никогда не знаешь, где шрам может пригодиться. Да вот у меня есть один, над левым коленом – точная копия схемы лондонского метро. Ну, что ж... Давайте его сюда, Хагрид. Раз уж решено, не стоит затягивать.

Дамблдор взял Гарри на руки и направился к дому Дурсли.

– А можно... Можно я с ним хоть попрощаюсь, сэ? – спросил Хагрид.

Он склонил над Гарри свою косматую голову и поцеловал его – поцелуй наверняка получился волосатым и колючим. Потом он внезапно взвыл, как раненый пёс.

– Т-с-с-с! – зашипела профессор Макгонагелл. – Всех муглей перебудешь!

– Из-извиняюсь, – захлопал Хагрид, вытаскивая здоровенный клетчатый платок. – Но только что же это выходит? Лили и Джеймс – их, значит, нет больше, а бедного малютку Гарри, значит, муглям сдают...

– Да, да, очень грустно, но всё же постарайся держать себя в руках, а то нас сейчас обнаружат, – прошептала профессор Макгонагелл, осторожно похлопывая Хагрида по руке.

Дамблдор уже переступил через низенькую каменную стену и вошёл в сад. Подойдя к крыльцу, он осторожно положил Гарри на пороге, вынул из своего плаща письмо, пристроил его между пелёнок, а потом вернулся к ожидающей его парочке. Наверное, целую минуту все трое стояли, не отрывая глаз от маленького свёртка; плечи Хагрида тряслись, профессор Макгонагелл бешено моргала, а из глаз Дамблдора, казалось, исчез их обычный мягкий блеск.

– Вот и всё, – промолвил наконец Дамблдор. – Нам здесь больше делать нечего. Теперь можно уходить – присоединимся ко всеобщему веселью, что ли.

- Ага, - сказал Хагрид приглушённо. - Только мне ещё мотоцикл Сириусу сдать. Доброй ночи, профессор Макгонагелл; и Вам, сэр. Утираюсь рукавом куртки, Хагрид взгромоздился на мотоцикл и пнул стартёр; мотор взревел, машина поднялась и унеслась во тьму.

- Надеюсь вскорости Вас увидеть, профессор Макгонагелл, - кивнув, сказал Дамблдор.

Профессор Макгонагелл вместо ответа трубно высморкалась.

Дамблдор повернулся и зашагал вниз по улице. На углу он остановился и снова достал гасилку. Он чиркнул ей всего один раз; двенадцать огненных шаров разлетелись каждый к своему фонарю, так что весь Оградный проезд осветился ровным желтоватым светом, и стало видно, как в другом конце улицы крадётся пёстрая кошка. Отсюда Дамблдор едва мог различить свёрток на крыльце дома номер четыре.

- Ну, Гарри, удачи тебе, - пробормотал он. Потом резко развернулся на каблуках, взмахнул плащом и исчез.

Ветерок шевелил аккуратно постриженные кусты Оградного проезда, молча лежавшие под чернильно-чёрным небом. Из всех улиц на свете эта улица меньше всего подходила для удивительных событий. Гарри Поттер повернулся во сне. Маленькая ручонка его нащупала и сжала конверт. Мальчик спал. Он не знал, что он особенный; он не знал, что он знаменитый; он не знал, что через несколько часов его разбудит вопль миссис Дурсли, которая обнаружит его, выставляя за дверь пустые бутылки из-под молока; не знал, что следующие несколько недель будут наполнены беспрестанными щипками и тумаками со стороны его двоюродного брата Дадли... Откуда ему было знать, что в эту самую минуту множество людей, встречаясь тайно по всей стране, поднимают свои бокалы и тихонько восклицают: "За Гарри Поттера! За мальчика, который остался жив!"

Глава вторая. Стекло исчезает.

С тех пор, как Дурсли, проснувшись одним утром, нашли на крыльце своего племянника, прошло уже почти десять лет, но ничего в Оградном проезде за это время не изменилось. Над безупречно ухоженными садиками взошло, как обычно, солнце, и в его лучах жарко загорелась цифра 4 на двери; потом через окно оно вползло в гостиную, которая имела почти в точности такой же вид, как и в тот роковой вечер, когда мистер Дурсли услышал о совах в программе последних известий. О том, что время всё-таки двигалось вперёд, напоминали только новые фотографии на полочке над камином. Десять лет назад она была уставлена изображениями чего-то, напоминавшего розовый надувной мячик в чепчиках разных цветов; но из младенчества Дадли Дурсли давно уже вышел, и теперь на фотографиях крупный белокурый мальчуган катался на велосипеде, сидел на карусели, играл в какую-то компьютерную игру со своим отцом и тонул в объятьях своей матери. Никакого намёка на то, что в доме жил ещё один ребенок, в комнате не было.

Однако Гарри Поттер в нём, без сомнения, всё ещё жил, и в этот момент даже ещё спал - впрочем, спать ему оставалось недолго. Его тётушка Петунья уже проснулась, и её визгливый голос стал для Гарри первым звуком нового дня.

- А ну, вставай! Быстро!

Гарри вздрогнул и проснулся. Тётя снова забарабанила в дверь.

- Давай! - заверещала она.

Гарри услышал, как она прошла на кухню и брякнула сковородку на плиту. Тогда он перевернулся на спину и попытался ухватить ускользающий от него сон, который он только что смотрел. Сон был очень интересный. В нём был какой-то летающий мотоцикл. Гарри не мог отделаться от странного чувства, что он этот сон уже когда-то видел.

За дверью опять стояла его тётя.

- Проснулся ты наконец? - произнесла она требовательно.

- Почти, - ответил Гарри.

- Вот и пошевеливайся! Пойди, пригляди за ветчиной на плите. И не вздумай пережарить - в Дадлечкин день рождения всё должно быть идеально!

Гарри тяжело вздохнул.

- Что там ещё? - взъярилась через дверь тётя.

- Да нет, нет, ничего...

У Дадли день рождения. Как он мог забыть? Гарри медленно поднялся с постели и начал шарить вокруг в поисках носков. Пара отыскалась под кроватью, он стряхнул с них паука и надел. К паукам Гарри давно привык - в чулане под лестницей их было полно, а спал он именно в чулане. Одевшись, он прошёл через прихожую на кухню. Обеденный стол ломился под грудой подарков. Похоже, новый компьютер, который Дадли давно требовал, в этой груде присутствовал - как, впрочем, и второй телевизор, а также гоночный велосипед. Зачем Дадли понадобился велосипед, Гарри понять не мог - Дадли был очень толст, и единственным физическим упражнением, которое он выносил, было кого-нибудь поколотить. Гарри был у него самой любимой мишенью для подобных упражнений, но поймать его Дадли удавалось нечасто. Гарри бегал очень быстро, хотя по нему этого было не скажешь. Может быть, тут сказывалось проживание в чулане, но для своих лет Гарри всегда был маленьким и щуплым. А выглядел он, как правило, ещё меньше, чем был на самом деле, потому что всю одежду, которая ему доставалась, он донашивал за Дадли, а тот был его толще в четыре раза. Лицо у Гарри было узкое, коленки узловатые, волосы чёрные, а глаза - ярко-зелёные. Круглая оправа очков, которые он носил, была во многих местах залеплена клейкой лентой и еле держалась - последствие бесчисленных ударов по носу, полученных от Дадли. Пожалуй, единственное, что Гарри в своей наружности нравилось - это тоненький шрам на лбу в форме молнии. Шрам этот был у него всегда - по крайней мере, так ему казалось, и как только он научился задавать вопросы, он сразу же попытался узнать у тётушки Петунии, как он его получил.

- В автокатастрофе, когда погибли твои родители, - ответила она. - И нечего задавать дурацких вопросов.

Не задавать вопросов - вот первое правило жизни в доме у Дурсли, которое он выучил.

Дядя Вернон зашёл на кухню в тот момент, когда Гарри переворачивал на сковородке ветчину.

- Причесался бы! - буркнул он вместо приветствия.

Не реже чем раз в неделю дядя Вернон громко изрекал, глядя поверх своей газеты, что Гарри давно пора стричься. Гарри готов был поспорить, что он провёл в парикмахерской больше времени, чем все остальные мальчики из его класса, вместе взятые, но всё напрасно - волосы его всё равно росли так, как им хотелось, то есть во все стороны.

К тому времени, как на кухне появился Дадли со своей матерью, Гарри уже дожаривал яичницу. Дадли был очень похож на дядю Вернона. У него было огромное розовое лицо, чуть-чуть шеи, маленькие водянистые голубоватые глазки и густые светлые волосы, плоско облегающие его крупную толстую голову. Тётя Петуния частенько приговаривала, что Дадли похож на ангелочка; по мнению Гарри, он был похож на поросёнка в парике. Гарри отнёс тарелки, полные яичницы с ветчиной, на обеденный стол - что было нелегко, поскольку места на столе было в обрез. Дадли тем временем пересчитывал подарки. Лицо его помрачнело.

- Тридцать шесть, - промолвил он, глядя на отца и мать. - На два меньше, чем в прошлом году.

- Но ведь ты ещё не посчитал подарок от тётки Маргариты, милый - вон он, под той большой коробкой от мамочки и папочки.

- Ну вот, тогда тридцать семь, - сказал Дадли, багровея.

Гарри, подметив первый признак надвигающейся серьёзной истерики, принялся быстро заглатывать свою порцию ветчины - на случай, если Дадли снова захочется опрокинуть стол.

Тётя Петуния, должно быть, тоже почуяла неладное, и быстро прибавила:

- А когда мы будем сегодня в городе, мы купим тебе ещё два подарка.

Ладно, цыпочка? Ещё целых два подарка. Тогда всё будет хорошо, верно? Дадли задумался. Это ему давалось явно с трудом. Наконец он медленно выдавил:

- Значит, у меня будет тридцать... Тридцать...
- Тридцать девять, золотце, - закончила за него тётя Петунья.
- Ага, - Дадли тяжело плюхнулся на стул и цапнул ближайший к себе свёрток. - Ну ладно.
Дядя Вернон хмыкнул.

- Этот парень, он своего не упустит - весь в отца. Молодцом, Дадли!
Он потрепал Дадли по затылку.

Тут зазвонил телефон, и тётя Петунья вышла поговорить в гостиную. Гарри и дядя Вернон остались наблюдать, как Дадли срывает обёрточную бумагу с гоночного велосипеда, видеокамеры, радиоуправляемой модели самолёта, шестнадцати новых дисков с играми для компьютера и нового видеомagneфона. Не успел он добраться до золотых наручных часов, как тётя Петунья вернулась - она выглядела сердитой и озабоченной одновременно.

- Плохо дело, Вернон, - сказала она. - Миссис Фигг сломала ногу. Она сегодня его взять не сможет.

С этими словами последовал резкий кивок головой в сторону Гарри. Дадли в ужасе широко распахнул рот, а у Гарри сладко ёкнуло в груди. Каждый год в день рождения Дадли родители брали его и кого-нибудь из его приятелей с собой в город - кататься на аттракционах, обжираться гамбургерами и смотреть кино. И каждый год они оставляли Гарри одного - то есть наедине с миссис Фигг, выжившей из ума старушенцией с соседней улицы. Гарри её терпеть не мог. Весь её дом насквозь провонял тушёной капустой, и миссис Фигг всегда заставляла его разглядывать вместе с ней альбом с фотографиями всех кошек, которых она держала за всю свою жизнь.
- Ну, что? - промолвила тётя Петунья, злобно глядя на Гарри, словно он это нарочно подстроил.

С одной стороны, Гарри понимал, что ему должно быть жаль миссис Фигг и её сломанную ногу, но когда он напоминал себе, что он теперь ещё целый год не увидит портретов Мурки, Бубенчика, Снежка и Пушка, жалость куда-то испарялась.

- Может, позвоним Маргарите? - предложил дядя Вернон.

- Не говори ерунды, Вернон, она его не переносит.

Семья Дурсли часто обсуждала Гарри таким образом - как будто его не было в комнате, или, вернее, как будто он принял форму чего-нибудь противного и вдобавок глупого, что понять их никак не могло, к примеру, слизняка.

- А как насчёт этой твоей, как её... Ивонны?

- Да в отпуске она, на Майорке, - огрызнулась тётя Петунья.

- Я могу остаться здесь, - с надеждой подал голос Гарри (ему светило наконец-то посмотреть по телевизору те передачи, которые он хотел увидеть, а может быть, и до компьютера дело дойдёт...).

Тётя Петунья поглядела на него так, как будто она только что проглотила целый лимон.

- Чтобы тут от дома камня на камне не осталось? - прорычала она.

- Да не взорву же я его, - начал было Гарри, но его уже никто не слушал.

- Вообще-то, мы могли бы прихватить его в зоопарк, - медленно произнесла тётя Петунья. - Оставить его в машине...

- Э, нет, машина новая, я не пушу его там сидеть одного...

Дадли принялся громко рыдать. На самом деле он вовсе не плакал - уже несколько лет в этом не было никакой надобности - но он знал, что если скривить лицо и зареветь, то мамочка сразу же сделает всё, что ему нужно.

- Дадлечкин, душечкин, не плачь, мамочка не позволит ему испортить твой самый главный день, - запричитала она, заключая его в свои объятия.

- Я... не... хочу... ч-ч-чтобы... он... ехал! - вопил Дадли, не забывая в промежутках громко и фальшиво всхлипывать. - Он всегда, всегда всё портит!

После чего он высунулся из-под маминого локтя, поглядел на Гарри и нагло ухмыльнулся.

Но тут как раз прозвенел входной звонок. "Боже мой, они уже приехали!" - всплеснула руками тётя Петунья. Секунду спустя в дом чинно вошли Пирс Полкисс, лучший друг Дадли, и его мать. Пирс был скорее сухощавый, а лицо

у него напоминало крысиную морду. Когда Дадли кого-нибудь бил, Пирс обычно выкручивал им руки за спину. Дадли в момент перестал притворяться, что он плачет.

А через полчаса Гарри, всё ещё не смея верить своему везению, уже сидел на заднем сидении машины в компании Дадли и Пирса и впервые в жизни ехал в зоопарк. Его тётя и дядя так и не смогли придумать, куда его можно было бы деть, но перед отъездом дядя Вернон отвёл его в сторону.

- Значит так, предупреждаю, - сказал он, наклонившись так, что его багровое лицо пришлось почти вровень с лицом Гарри, - да, предупреждаю: если ты ещё что-нибудь такое откинешь, если хоть пикнешь - не вылезешь из чулана до самого Рождества, понял?

- Я буду себя очень хорошо вести, - сказал Гарри. - Честно-пречестно... Но было ясно, что дядя Вернон ему не поверил. Ему вообще никто не верил. Дело было в том, что вокруг Гарри постоянно случалось что-то странное, и объяснять, что он-то сам тут был ни при чём, было совершенно бесполезно. Однажды, когда тётя Петунии окончательно надоело, что Гарри всегда возвращается из парикмахерской в таком виде, как будто он там вовсе не был, она взяла кухонные ножницы и обкорнала его почти налысо, оставив только чёлку - "чтоб только было чем прикрыть этот ужасный шрам", как она выразилась. Дадли, глядя на него, обхихикался до икоты, и Гарри потом всю ночь не мог заснуть, живо представляя себе завтрашний день в школе, где над ним и так-то смеялись из-за очков и одежды, сидящей мешком. Однако, поднявшись наутро, он с удивлением нашёл все свои волосы на прежнем месте - в точности там, где они были перед стрижкой тётя Петунии. За это он отсидел в чулане неделю, тщетно пытаясь объяснить, что он как раз не мог объяснить, как ему удалось так сделать.

Другой раз тётя Петуния хотела заставить его влезть в отвратительный старый свитер Дадли - бурый с оранжевыми помпонами. Чем сильнее она за него тянула, стараясь просунуть голову Гарри в ворот, тем меньше он становился, пока наконец не сжался до кукольного размера, так что даже ей стало ясно, что Гарри в него засунуть не удастся. Тётя Петуния решила, что свитер, надо полагать, сел от стирки и, к огромному облегчению Гарри, его не наказали.

Зато ему здорово влетело, когда его нашли на крыше школьной столовой. Компашка Дадли гналась за ним, как обычно, как вдруг ко всеобщему (в том числе и его самого) удивлению обнаружилось, что Гарри сидит возле дымохода. Классная руководительница отправила его домой с очень сердитой запиской, в которой она сообщила мистеру и миссис Дурсли, что Гарри взял моду лазить по крышам. Но ведь он только хотел (кричал он дяде Вернону через запёртую дверь чулана) прыгнуть за большой мусорный ящик около дверей столовой. Гарри решил тогда, что его просто подхватило порывом ветра.

Сегодня же всё обещалось пройти гладко. За то, чтобы провести день в любом месте, которое не было школой, чуланом или пропахшей капустой гостиной миссис Фигг, Гарри был готов даже сидеть между Пирсом и Дадли. Всю дорогу дядя Вернон на что-то жаловался тётя Петунии. Он очень любил жаловаться; среди любимых предметов его жалоб были сослуживцы, Гарри, городская управа, Гарри, банк и Гарри. Этим утром он остановил своё внимание на мотоциклах.

- ...носятся тут как чокнутые, хулиганье желторотое, - проскрипел он, когда мотоцикл обогнал их машину.

- А я сон видел про мотоцикл, - внезапно вспомнил Гарри. - Я на нём летел.

Дядя Вернон чуть не врезался в переднюю машину. Он крутанулся на своём сиденье и заорал на Гарри, обернув к нему своё лицо - огромную свёклу с усами:

- МОТОЦИКЛЫ НЕ ЛЕТАЮТ!!!

Дадли и Пирс захихикали.

- Что я, не знаю, что ли? - сказал Гарри. - Это ведь был сон!

И сразу же пожалел, что сказал. Была на свете лишь одна вещь, которую Дурсли не терпели ещё сильнее, чем его дурацкие вопросы - а именно, когда

он пытался говорить о том, как что-то выглядело или вело себя неподобающим образом, будь то даже во сне или в мультике. Похоже, они боялись, что он наберётся с этого каких-нибудь странных мыслей. Суббота выдалась солнечная, и в зоопарке было полно народу, все с семьями. Дадли и Пирсу Дурсли купили по здоровенному эскимо, а поскольку улыбающаяся продавщица в киоске успела и у Гарри спросить, что ему хочется, прежде чем его отташили, то перепало и ему – самая дешёвая лимонная сосулька. Но Гарри и она показалась совсем недурной, и он с удовольствием её облизывал, глядя на гориллу, которая чесала себе затылок. Горилла удивительным образом смахивала на Дадли – разве что волосы у неё не были светлыми.

Гарри и припомнить не мог, когда у него ещё было такое чудное утро. На всякий случай он тщательно старался держаться подальше от своего семейства, чтобы Дадли и Пирс, которым глазеть на зверей к обеду уже порядком надоело, не решили от скуки развлечься своим излюбленным способом – то есть побить его. Обедали они в столовой прямо в зоопарке. Дадли устроил истерику из-за того, что шарик ванильного мороженого в его десерте оказался сверху от шарика клубничного, в то время как ему хотелось наоборот, и дяде Вернону пришлось купить ему ещё одну порцию, а Гарри было дозволено доесть неправильную.

Задним-то числом Гарри потом сообразил, что день шёл уж слишком подозрительно хорошо, и так долго продолжаться не могло. После обеда они направились в террариум. Внутри было прохладно и полутемно, а стены были усеяны множеством ярко освещённых витрин. За их толстыми стёклами разнообразные змеи и ящерицы ползали, скользили и всячески пресмыкались среди расставленных камней и кореньев. Дадли и Пирс пришли в основном из-за гигантских ядовитых кобр и толстенных удавов, способных раздавить человека, как щепку. Дадли тут же направился напрямиком к самой огромной из всех змей. Казалось, она могла дважды обвиться вокруг автомобиля дяди Вернона и одним движением превратить его в консервную банку – но делать ей это было явно лень. И вообще она крепко спала. Дадли прижался носом к стеклу и уставился на тускло отливающие золотом кольца.

– Ну чего она лежит? Пусть сделает что-нибудь, – завыл он, обращаясь к отцу. Дядя Вернон хлопнул по стеклу; змея и не шелохнулась.

– Давай ещё, – потребовал Дадли. Дядя Вернон крепко постучал в стекло костяшками пальцев, но змея спала себе.

– Ску-учно, – проныл Дадли и пошлёпал прочь.

Гарри придвинулся поближе к вольеру и внимательно посмотрел на змею. Он на её месте, наверное, сдох бы тут с тоски – поговорить не с кем, а вместо этого ходят всякие разные целыми днями, барабанят по стеклу, дремать мешают. Не лучше, наверное, чем спать в чулане, когда тётя Петунья молотит в дверь, пытаясь его разбудить. Ему-то по крайней мере хоть разрешали бывать в других комнатах.

Змея вдруг раскрыла свои глазки-пуговицы. Потом очень-очень медленно подняла голову так, что её глаза смотрели в глаза Гарри.

А потом она подмигнула ему.

Гарри оторопел. Потом быстро оглянулся, чтобы проверить, не видел ли кто. Никто, похоже, на них внимания не обратил. Тогда он повернулся обратно и подмигнул змее в ответ.

Змея дёрнула головой в сторону дяди Вернона и Дадли и закатила глаза.

Взгляд её совершенно ясно говорил:

– И такая дребедень...

– Да уж, – пробормотал Гарри, хотя и не был уверен, что змея могла его расслышать через стекло. – Представляю, как тебе это всё надоело.

Змея утвердительно закивала.

– А ты откуда будешь? – спросил Гарри.

Вместо ответа змея ткнула хвостом в маленькую табличку рядом с вольером.

Гарри поглядел на неё.

"Боа констриктор. Бразилия."

– И как оно там?

Боа констриктор снова ткнул хвостом в табличку, и Гарри прочёл следующую строку:

"Экземпляр выращен в неволе."

- А, ясно. Ты, значит, никогда в Бразилии не был?

Змея замотала головой, и тут сзади Гарри раздался оглушительный вой, так что они оба даже подскочили.

- Дадли! Мистер Дурсли! Идите скорей, посмотрите на змеюку! Она тут такое выделяет!!!

Дадли ковылял к ним со всей быстротой, на какую был способен.

- А ну, двинься, - сказал он Гарри и врезал ему под ребра.

От неожиданности Гарри потерял равновесие и грохнулся на цементный пол. Дальнейшее произошло так быстро, что никто не уловил момент, когда оно случилось. Пирс и Дадли налегали на стекло, стараясь получше разобрать, что делала змея, а в следующую секунду они оба отпрянули, вереща в ужасе. Гарри приподнялся, сел - и тоже задохнулся от страха: стекло, отделяющее их от вольера с удавом, исчезло. Огромная змея быстро раскручивала свои кольца, стекая вниз. Люди в террариуме принялись кричать; у дверей образовалась давка.

Гарри, не шевелясь, смотрел, как удав скользнул мимо, и ему послышался низкий шипящий голос:

- Увижу ли Бразилию на с-с-старости моей... С-с-спасибо, amigo! [7]

Смотритель террариума пребывал в полной прострации.

- Но стекло-то! - повторял он. - Стекло-то куда делось?

Директор зоопарка настоял на том, чтобы лично преподнести тётке Петунии стакан крепкого сладкого чая, не переставая при этом извиняться. Пирс и Дадли только попискивали. Насколько Гарри мог заметить, всё, что змея себе позволила - это клацнуть на них пару раз зубами, проползая мимо, но это не помешало Дадли, как только он оказался в безопасности заднего сиденья машины дяди Вернона, поведать всем, как змея почти откусила ему ногу, в то время как Пирс вопил, что она пыталась его удушить. Но самым ужасным, по крайней мере для Гарри, было то, что Пирс заявил, оклемавшись:

- Ты ведь с ним разговаривал, правда, Гарри?

Дядя Вернон дождался, пока Пирс отъехал со своей матерью от их дома на достаточное расстояние, прежде чем обрушиться на Гарри. От ярости он едва мог говорить. Он смог лишь выдавить:

- Чулан... Немедленно... Сидеть... Без ужина!

После чего рухнул в кресло, и тётке Петунии пришлось приводить его в чувство большим стаканом коньяку.

Лёжа в крошечной тьме своего чулана, Гарри думал, как было бы хорошо, если бы у него были часы. Он не знал, который час, и поэтому не был уверен, улеглись ли Дурсли уже или ещё нет. Пока они не заснули, он не решался прокрасться на кухню раздобыть чего-нибудь съестного.

Он прожил в семье Дурсли уже почти десять лет - десять лет сплошного несчастья. Он жил здесь с тех пор, как помнил себя, с тех пор, как его родители погибли в этой катастрофе, оставив его совсем ещё младенцем. Он никак не мог представить себя в автомобиле во время аварии, которая унесла их жизнь. Иногда, лёжа часами в темноте и копаясь в обрывках своей памяти, он наткнулся на странное видение: ослепительную вспышку, почему-то зелёного цвета, и обжигающую боль во лбу. Наверное, это и была авария, хотя оставалось непонятным, откуда взялся зелёный свет. Своих родителей он не помнил совсем. Его дядя и тётя никогда о них не упоминали, а вопросы задавать было, само собой, запрещено. В доме не было ни одной их фотографии.

Когда Гарри был поменьше, он любил мечтать, что откуда ни возьмись явится какой-нибудь неизвестный дальний родственник и заберёт его с собой, но никто так и не появился; Дурсли оставались единственными его родственниками. Несмотря на это, временами ему казалось (возможно, просто оттого, что ему бы этого очень хотелось), что незнакомые люди на улице

его почему-то знают. И не просто незнакомые, а ещё и странные в придачу. Раз, когда он с тётёй Петунией и Дадли был в магазине, какой-то крошечный человечек в фиолетовом цилиндре поклонился ему. Тётя Петуния долго в ярости выпытывала у Гарри, откуда он его знает, а потом выскочила с обоими мальчиками из магазина, ничего не купив. Потом растрёпанная леди, вся в зелёном, приветливо помахала ему, когда он садился в автобус. А давеча какой-то лысый старик в лиловом пальто до пят и вовсе пожал ему руку и удалился, не сказав ни единого слова. И по какой-то причине все эти люди имели престранную привычку исчезать, едва Гарри собирался рассмотреть их повнимательнее.

В школе с Гарри никто не водился. Всем было известно, что шайка Дадли терпеть не может этого болвана Поттера, который вечно ходит в сломанных очках и мешковатых обносках, а с шайкой Дадли никому спорить не улыбалось.

Глава третья. Письма без обратного адреса.

Побег бразильского удава закончился для Гарри самым длительным наказанием, которое он когда-либо получал. К тому времени, как ему снова было позволено выходить из чулана, уже шли летние каникулы; Дадли уже успел сломать видеокамеру, расколошматить радиоуправляемый самолёт, а когда он в первый и последний раз выехал со двора на новом велосипеде, то немедленно сшиб старую миссис Фигг, которая как раз решила перейти на костылях через их улицу.

Гарри был рад, что не надо было больше идти в школу, но от шайки ему было не избавиться – они теперь каждый день заходили к Дадли в гости. Пирс, Денис, Малькольм и Гордон все, как один, отличались тупостью и большими размерами, а поскольку Дадли из них был самым толстым и тупым, он, естественно, был вожаком. Дадли очень увлекался своим любимым видом спорта под названием "Охота на Гарри", и остальные четверо тоже с радостью принимали участие.

Из-за этого Гарри по большей части проводил свои дни подальше от дома, бродя по округе и размышляя о том, как оно будет, когда кончатся каникулы. В сентябре слабо брезжила надежда: он должен был перейти в среднюю школу, а значит впервые в жизни он и Дадли будут в разных классах. Дадли приняли в Смелтинг, частную школу, где когда-то учился и дядя Вернон. Пирс Полкисс тоже туда собирался. Гарри же переводился в районную школу. Дадли находил это обстоятельство весьма забавным.

– А ты знаешь, что в этой школе новичков в первый день суют вниз головой в туалет? – сообщил он Гарри. – Хочешь, мы с тобой немного потренируемся? – Спасибо за предложение, – ответил Гарри, – вот только наш туалет такого кошмара, как твоя голова, ещё никогда не пробовал; боюсь, как бы его не стошнило!

И пока Дадли пытался разобраться, что это ему сказали, Гарри быстро убежал.

Наступил июль. Тётя Петуния взяла Дадли и они поехали в Лондон покупать ему школьную форму, а Гарри оставили с миссис Фигг. Оказалось, что она сломала себе ногу, наступив на одну из своих кошек, и поэтому слегла к ним охладела, так что Гарри провёл время лучше, чем обычно. Она разрешила ему посмотреть телевизор и угостила куском шоколадного торта, которому на вкус было лет пять.

Вечером Дадли шеголял в своей новенькой форме. В Смелтинге мальчики носили бордовые смокинги, оранжевые штанишки с резинками чуть ниже колена и плоские соломенные шляпы под названием "канотье". Ко всему этому прилагалась толстая суковатая палка; ученики колотили ими друг друга, пока учитель не видел. Считалось, что это воспитывает стойкость характера, которая в жизни всегда пригодится.

Наблюдая за Дадли в коротеньких штанишках, дядя Вернон торжественно объявил, что это самый счастливый день в его жизни. Тётя Петуния прорыдала, что она не может поверить, что перед ней и в самом деле её малюточка Дадлечка; он выглядел так взросло и мужественно. Гарри почёл за

благо не высовываться. К тому же он опасался, что у него треснули два ребра – так сильно он старался не захохотать во весь голос.

На следующее утро, когда Гарри пришёл к завтраку, на кухне стояла страшная вонь. Она исходила из большой лохани, стоящей в мойке. Гарри подошёл и заглянул в неё. Лохань была полна какими-то грязными тряпками, мокнувшими в чёрной воде.

– Что это? – спросил он у тётки Петунии. Она сжала губы – как всегда, когда он осмеливался задать ей вопрос.

– Твоя новая школьная форма, – ответила она.

Гарри снова поглядел в таз.

– А, – сказал он. – Я как-то не думал, что она будет такая... мокрая.

– Глупости, – рявкнула тётка Петуния. – Я перекрашиваю пару Дадлиных вещей в серое. Покрасится – будет не хуже, чем у других.

На этот счёт у Гарри были серьёзные сомнения, но он решил не спорить. Он сел за стол, стараясь не думать, как он будет выглядеть в свой первый день в новой школе. Наверное, примерно так, как будто он нацепил куски старой слоновьей кожи.

Морща носы от запаха, на кухню вошли дядя Вернон и Дадли. Дядя Вернон, как всегда, раскрыл газету. Дадли треснул по столу своей Смелтинговой палкой, с которой он теперь не расставался.

Щель для писем и газет в двери скрипнула, и в прихожую мягко хлопнулась утренняя почта.

– Дадли, походи заberi почту, – подал голос дядя Вернон из-за своей газеты.

– Пусть Гарри ходит.

– Гарри, возьми почту.

– Пусть Дадли ходит.

– Дадли, ткни его палкой.

Гарри увернулся от Смелтинговой палки и отправился за почтой. На коврике лежали: открытка от сестры дяди Вернона Маргариты, которая была в отпуске на острове Уайт, какой-то счёт в коричневом конверте и – письмо для Гарри.

Гарри поднял письмо и уставился на него, не веря своим глазам; в груди у него позванивало, словно там, внутри, кто-то дёргал струну. Никто-никто, никогда в жизни не написал ему ни единого письма. Да и кому было писать – то? Друзей у него не было, никаких других родственников – тоже; он и в библиотеку не был записан, так что это даже не могло быть сердитым требованием сдать просроченную книгу. Однако письмо – вот оно, и адрес на нём такой, что не ошибёшься:

Г. Поттеру

Чулан под Лестницей

Оградный проезд, дом 4

Малый Уингинг, графство Серри [8]

Конверт был толстым и довольно тяжёлым, сделанным, похоже, из желтоватого пергамента, а адрес выписан изумрудно-зелёными чернилами. Марки на конверте не было.

Перевернув конверт дрожащими руками, Гарри разглядел лиловую сургучную печать с гербом: лев, орёл, барсук и змея окружали большую букву "X".

– Ну, чего застрял? – проорал из кухни дядя Вернон. – Проверяешь, не подбросили нам бомбу, что ли?

И захихикал над собственной шуткой.

Гарри, всё ещё не в силах оторвать глаз от своего письма, вернулся на кухню. Он протянул открытку и счёт дяде Вернону, сел и стал медленно распечатывать жёлтый конверт.

Дядя Вернон с треском вскрыл счёт, раздражённо фыркнул и принялся за открытку.

– Маргарита болеет, – бросил он тётке Петунии. – Говорит, съела что-то не то...

- Пап! - вдруг сказал Дадли. - Пап, а Гарри что-то пришло!
Гарри как раз разворачивал письмо, написанное на листе такого же тяжёлого пергамента, что и конверт, как дядя Вернон резко выдернул его у него из рук.

- Эй! Это мне! - вскричал Гарри, пытаясь выхватить письмо.

- Тебе? Да кто тебе напишет! - фыркнул дядя Вернон, потряс рукой, чтобы письмо развернулось, и посмотрел в него. Красный цвет его лица сменился зелёным быстрее, чем на светофоре. Не остановившись на этом, через пару секунд оно уже было мертвенно-серым, как вчерашняя овсянка.

- П-П-Петунья! - захлебнулся он.

Дадли тоже попытался схватить письмо, но дядя Вернон держал его слишком высоко. Тётя Петунья с интересом взяла его и прочла первую строчку. Вид у неё сделался такой, как будто она вот-вот упадёт в обморок. Она схватилась за горло и издала какой-то полузадохшийся взвизг.

- Вернон! О боже мой... Вернон!

Они глядели друг на друга, казалось, совершенно забыв о том, что в комнате находились Гарри и Дадли. Дадли не привык к тому, что на него не обращают внимания. Он крепко приложил отца по затылку своей палкой.

- Я хочу прочесть письмо, - заявил он громко.

- Я хочу его прочесть, - гневно сказал Гарри, - поскольку оно пришло мне.

- А ну, оба - вон отсюда! - прохрипел дядя Вернон, запихивая письмо обратно в конверт.

Гарри не сдвинулся с места.

- ОТДАЙТЕ МНЕ МОЁ ПИСЬМО! - закричал он.

- Нет, я хочу! - потребовал Дадли.

- ВОН! - проревел дядя Вернон, подхватил их обоих за шиворот и вышвырнул в коридор, захлопнув за ними дверь. Гарри и Дадли немедленно устроили жестокую, но молчаливую драку за замочную скважину; Дадли победил, поэтому Гарри, поправив свешивающиеся с правого уха очки, распластался на полу и приник к узкой щели под дверью.

- Вернон, - дрожащим голосом говорила тётя Петунья, - ты только взгляни на этот адрес - ну откуда, откуда им может быть известно, где он спит? Уж не устроили ли они за домом слежку?

- Следят... Шпионят... Да они могут за нами ходить каждый день, - бессвязно бормотал дядя Вернон.

- Что же нам делать, Вернон? Может, ответить им? Напишем, что ничего нам не надо...

Гарри увидел, как блестящие чёрные туфли дяди Вернона ходят из угла в угол.

- Нет, - сказал он наконец. - Нет, лучше сделаем вид, что мы его не заметили. Если они не получат никакого ответа... Да, так будет лучше всего. Ничего не делать...

- Но...

- Петунья, я не потерплю в своём доме ничего подобного! Ты вспомни, когда мы его подобрали - мы же решили тогда, что эту опасную дурь мы из него выбьем, чего бы это ни стоило!

Когда дядя Вернон тем вечером вернулся с работы, он сделал нечто такое, чего до сих пор ни разу не делал; он зашел к Гарри в чулан.

- Где моё письмо? - потребовал Гарри, едва дядя Вернон протиснулся в дверь. - Кто мне пишет?

- Никто. Оно попало к тебе по ошибке, - ответил дядя Вернон. - Я его сжёг.

- И ни по какой не по ошибке, - сердито сказал Гарри. - На нём был мой чулан.

- МОЛЧАТЬ! - завопил дядя Вернон так, что с потолка сорвалась пара пауков. Потом он несколько раз глубоко вздохнул и скроил на своём лице подобие улыбки, что стоило ему немалых сил.

- Э-э-э... Так вот, Гарри... насчёт чулана. Мы тут посоветовались с твоей тётей... Ты как-то из него, похоже, вырос... Мы решили, что неплохо бы тебе перебраться во вторую спальню Дадли.

- Почему? - спросил Гарри.

- Не задавай вопросов! - рявкнул дядя. - Собирай манатки и давай наверх. В доме у Дурсли было четыре спальни: одна для дяди Вернона и тётки Петунии, одна для гостей (чаще всего - Маргариты, сестры дяди Вернона), в третьей спал Дадли, а ещё в одной он сваливал те свои игрушки, которые не помещались в его комнате. Для того, чтобы перенести весь свой скарб наверх, Гарри дважды ходить не пришлось. Он уселся на кровать и огляделся. Почти всё, что он видел, было так или иначе сломано. Видеокамера, которой не было и пары месяцев, валялась на полу, наполовину прикрывая самодвижущуюся модель танка, использованную Дадли один раз, чтобы переехать соседскую собаку. В углу стоял первый телевизор Дадли, проломленный его ногой, когда он узнал, что его любимую передачу больше не показывают. Рядом лежала большая клетка, оставшаяся от попугая, которого Дадли выменял в школе на всамделишное духовое ружьё. Ружьё было тут же, на полке - Дадли на него сел и погнул таким образом ствол. На других полках аккуратно стояли его книги. Среди общего разгрома они представляли собой образчик порядка, так как к ним никто никогда не притрагивался.

Снизу донёсся вой - это Дадли сиреной ревел на свою мать:

- А я не хочу, чтобы он там был! Мне нужна эта комната! Пусть он уходит! Гарри вздохнул и растянулся на постели. Ещё вчера он многое дал бы, чтобы тут оказаться. Сегодня же он с гораздо большей радостью сидел бы у себя в чулане под лестницей с тем письмом, чем здесь, наверху - но без него.

На следующее утро за завтраком все были необычайно молчаливы. Дадли до сих пор не мог оправиться от пережитого потрясения. Он уже орал, бил отца Смелтинговой палкой, нарочно сделал так, что его стошнило, пнул свою мать, даже запустил своей черепахой в стеклянную крышу парника - и всё равно его комнату ему не отдали. Гарри всё вспоминал вчерашнее утро и не мог себе простить, что не догадался развернуть письмо прямо в прихожей. Дядя Вернон и тётка Петуния просто мрачно поглядывали друг на друга. Когда пришла почта, дядя Вернон, который, похоже, старался теперь быть с Гарри полюбезнее, заставил пойти за ней Дадли. Дадли, надувшись, отправился к двери, походя задевая своей палкой за всё, что ему попадалось на глаза. Потом он крикнул:

- А вот и ещё одно! "Г. Поттеру, Самая Маленькая Спальня, Оградный проезд, дом 4..."

Дядя Вернон выпрыгнул из кресла с задавленным воплем и помчался по коридору. Гарри не отставал от него ни на шаг. Для того, чтобы отобрать у Дадли письмо, дядя Вернону пришлось повалить его на пол - задача вдвойне сложная, учитывая, что Гарри в это время висел у него на шее. После короткой борьбы (при которой всем порядком досталось Смелтинговой палкой) дядя Вернон распрямился - задыхаясь, но крепко держа письмо в руке.

- Марш к себе в чу... - то есть, в спальню! - просипел он в сторону Гарри. - Дадли, а ты... ты просто марш отсюда.

Гарри кругами ходил по своей новой комнате. Кто-то неизвестный узнал, что его переселили из чулана, и этот кто-то также знал, что первое письмо он не получил. Может быть, они попробуют ещё разок? Уж на этот раз Гарри устроил бы всё, как надо. У него в голове уже родился план.

Будильник, починенный накануне, прозвонил ровно в шесть. Гарри быстро хлопнул по нему и беззвучно оделся. Самое главное - никого не разбудить, повторял он про себя, спускаясь вниз. Света он нигде не зажигал. Он собирался выйти на угол Оградного проезда, подождать почтальона и забрать у него почту для дома 4 прямо там, на улице. С бешено бьющимся сердцем он пробирался через тёмную прихожую к парадной двери, как вдруг...

- А-а-а!

Гарри подскочил, как ужаленный; ему показалось, что вместо коврика он наступил на что-то большое и мягкое - и живое!

Наверху включился свет и Гарри к своему ужасу обнаружил, что большое и мягкое оказалось дядиным лицом. Дядя Вернон лежал в спальном мешке прямо у двери, явно намереваясь воспрепятствовать в точности тому, что Гарри пытался осуществить. Он поорал на Гарри с полчасика, устал и велел ему пойти и заварить чаю. Гарри поплёлся на кухню, а когда он вернулся, почта уже пришла (она свалилась дяде Вернону прямо в руки). Гарри сумел разглядеть три конверта, подписанных зелёными чернилами.

- Я хочу... - начал он, но было поздно - дядя Вернон уже рвал письма в мелкие клочья, прямо у него на глазах.

На работу дядя Вернон в тот день не пошёл. Он остался дома и заколотил гвоздями щель для писем и газет.

- Понимаешь, - объяснял он тётке Петунии слегка неразборчиво, потому что держал полон рот гвоздей, - если они так и не смогут их доставить, то придётся им эту затею бросить.

- Знаешь, Вернон, я как-то не уверена, что это подействует.

- Э, Петуния, этот народец - они себе на уме, будь покойна. У них всё не так, как у нас с тобой, - отвечал дядя Вернон, пытаясь забить очередной гвоздь куском пирога, который тётка Петуния ему только что принесла.

В пятницу Гарри пришёл по меньшей мере десяток писем. Поскольку щели в двери больше не было, в дом их протиснули под дверь и с обеих сторон косяка, а парочка залетела через вентиляцию в ванную на нижнем этаже. Дядя Вернон снова остался дома. Он собрал все письма, сжёг их, вытащил молоток и забрал досками обе двери - и парадную, и ту, которая выходила во двор. Выйти из дома теперь было невозможно. Работая, он мурлыкал себе под нос "Потихоньку по тюльпанам" [9] и вздрагивал от любого звука, даже негромкого.

В субботу ситуация начала слегка выходить из-под контроля. Двадцать четыре письма для Гарри проникли в дом, в свёрнутом виде, внутри двух дюжин яиц, которые озадаченному молочнику пришлось вручить тётке Петунии через форточку в гостиной. Пока дядя Вернон накручивал телефон, пытаясь выяснить, на кого следует орать на почте и в бакалее, тётка Петуния смолола письма в мясорубке.

- И кому же так мог понадобиться именно ты? - недоумённо спросил Дадли у Гарри.

Утром в воскресенье дядя Вернон сел завтракать в отличном расположении духа, хотя выглядел он, прямо скажем, неважно.

- Почта по воскресеньям не работает, - радостно пояснил он, намазывая джемом утреннюю газету [10], - а значит, эти проклятые письма не... Что-то прогремело в трубе, вылетело из камина и пристукнуло его по затылку. Дядя Вернон смолк на полуслове. В следующее мгновение штук тридцать или сорок писем последовали за первым очередью, как из пулемёта. Все пригнулись, кроме Гарри, который вскочил, пытаясь поймать хотя бы одно...

- Вон! ВО-ОН!

Дядя Вернон стрёб Гарри в охапку и выкинул в прихожую. Тётка Петуния и Дадли высочили следом, прикрывая головы, потом выбежал сам дядя Вернон и захлопнул дверь. Судя по звукам, доносящимся из столовой, письма продолжали струиться - они шелестели, отскакивая от стен, и шлёпались на пол.

- Значит, так, - сказал дядя Вернон, пытаясь сохранять спокойствие в голосе, но в то же время выдирая огромные клочья из своих пышных усов. - Сейчас всем быстро собираться, и чтобы через пять минут были здесь в полной готовности. Мы уезжаем. С собой - только смену одежды. И без разговоров!

С одним оставшимся усом он выглядел так устрашающе, что возражать никто не посмел. Через десять минут все четверо кое-как протиснулись через забитую дверь и забрались в машину. Дядя Вернон взял с места и помчался по направлению к шоссе. Дадли хлюпал на заднем сиденье - дядя Вернон

треснул его по лбу за то, что он всех задерживает, а он всего лишь упихивал в сумку компьютер, видеомагнитофон и телевизор. Они ехали. И ехали. И ехали. Даже тётя Петунья не осмеливалась спросить, куда они ехали. Время от времени дядя Вернон круто разворачивался и ехал в обратном направлении.

– Оторваться... От них надо оторваться... – бормотал он при этом. Весь день они ехали, ни разу не остановившись – ни отдохнуть, ни перекусить. К вечеру Дадли голосил не переставая. Ещё ни разу в жизни ему не было так плохо. Он был голоден, он пропустил целых пять любимых передач, да и без того, чтобы разнести на экране компьютера какого-нибудь космического пришельца, он тоже никогда так долго не обходился. Наконец дядя Вернон затормозил около угрюмой гостинички на окраине какого-то большого города. Дадли и Гарри досталась комната с двумя кроватями, застеленными влажным несвежим бельём. Дадли вскоре захрапел, но к Гарри сон не шёл. Он сидел на подоконнике, глядя вниз на огни проезжающих машин, и думал...

На следующий день все завтракали лежалыми кукурузными хлопьями и хлебом с консервированными помидорами. Они уже заканчивали, когда к их столику подошла хозяйка гостиницы.

– Прощения просим, но может, из вас кого зовут Г. Поттер? У меня тут, значит, вот таких вот – целая гора на стойке валяется.

В руке она держала письмо, повернув его так, что на нём ясно читалось:

Г. Поттеру
Комната 17
Гостиница "Придорожная"
Кокворт

Гарри протянул руку, но дядя Вернон ловко выбил письмо из рук женщины. Она с удивлением посмотрела, как оно упало на пол.

– Я их заберу, – сказал дядя Вернон, быстро встал и аккуратно вытолкнул хозяйку из столовой.

– Милый, не лучше ли просто поехать домой? – робко предложила через несколько часов тётя Петунья, но дядя Вернон не обратил на неё никакого внимания.

Он напряжённо что-то искал – что именно, никому, кроме него, не было известно. Он завёл машину по грунтовой дороге в чащу леса, вылез, огляделся, покачал головой, забрался обратно, и они отправились дальше. Та же история повторилась посреди свежеспаханного поля, на подвесном мосту (в точности на середине между опорами) и на верхнем уровне многоэтажной автостоянки.

– Папа у нас чокнулся, правда, мамочка? – покорно спросил Дадли у тётки Петунии. День клонился к вечеру. Дядя Вернон выехал на берег моря, вышел из машины, запер всех внутри и исчез. Начался дождь. Крупные капли барабанили по крыше машины. Дадли шмыгнул носом.

– Сегодня понедельник, – обратился он к матери. – Вечером будут показывать "Великого Умберто". Я хочу жить где-нибудь, где телевизор! Понедельник. Гарри вдруг вспомнил: если сегодня и вправду понедельник (а Дадли по части дней недели можно было верить, он отсчитывал их по телепередачам и никогда не ошибался) – значит, завтра, во вторник, Гарри будет одиннадцать лет. Надо признать, что его дни рождения никогда особенно весёлыми не были; в прошлом году Дурсли подарили ему вешалку для рубашек и пару старых носков дяди Вернона. Но всё равно – не каждый же день тебе исполняется одиннадцать.

Вернулся дядя Вернон, широко улыбаясь. С собой он нёс длинный тонкий свёрток; вопрос тётки Петунии о том, что это он купил, он пропустил мимо ушей.

- Местечко нашёл - загляденье! - сказал он. - А ну-ка! Все на выход! Снаружи было уже очень зябко. Дядя Вернон указывал куда-то в море, в направлении чего-то, похожего на скалистый утёс, довольно далеко от берега. На верхушке утёса примостилась невообразимо жалкая и дряхлая лачуга. Уж чего-чего, а телевизора там, скорее всего, не было и в помине. - В прогнозе - шторм! - ехидно продолжал дядя Вернон, похлопывая руками. - А этот джентльмен любезно согласился предоставить нам свою шлюпку! К ним и в самом деле вперевалку направлялся беззубый старик, который с едкой ухмылкой махал в сторону утлой лодчонки, прыгавшей на привязи в свинцово-серой воде залива.

- Я тут уже кое-что прикупил сухим пайком, - сказал дядя Вернон, - так что - по местам!

В лодке все немедленно промёрзли до костей. Промозглый ветер швырял воду в лицо пригоршнями; ледяные брызги, смешанные с дождём, пробирались за шиворот. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем они достигли, наконец, утёса. Дядя Вернон, оскальзываясь на камнях, первым поднялся к полуразрушенной хибарке.

Изнутри вид был не менее ужасный. Запах гниющей морской травы насквозь пропитал старые деревянные стены; сквозь щели посвистывал ветер. Давно не топленный камин зиял холодной чёрной дырой. Комнат было всего две.

В "сухом пайке" оказалось по пакету картофельных хлопьев на каждого и четыре банана. Дядя Вернон попробовал развести огонь, но пустые пакеты из-под хлопьев только сморщились и почернели.

- А что, я бы, пожалуй, не отказался от парочки писем! - весело воскликнул он.

Настроение у него было просто чудесное. Он, очевидно, рассчитывал на то, что никто, каким бы настойчивым он ни был, не полезет в такую погоду на эту скалу только для того, чтобы доставить почту. Гарри оставалось лишь молча согласиться, хотя лично ему никакой радости подобная мысль не принесла.

Ближе к ночи налетел предсказанный шторм. Ветер срывал с волн пенные гребешки и кидал их в ветхие стены, завывал в щелях и гремел разохшимися оконными рамами. Тётя Петунья раздобыла во второй комнате пару прогнивших одеял и устроила на изъеденном молью диване постель для Дадли. Потом она и дядя Вернон удалились за перегородку на кровать с высокочившими пружинами, оставив Гарри отыскивать для себя самый мягкий уголок на полу, чтобы свернуться там калачиком под самым тонким, самым грубым одеялом. Шторм продолжал набирать силу. Гарри не мог уснуть. Он дрожал и крутился под своим одеялом, пытаясь согреться. В животе у него громко урчало от голода. Когда время уже шло к полуночи, низкие раскаты грома начали заглушать храп Дадли. Взглянув на светящийся циферблат часов на свесившейся с дивана руке Дадли, Гарри узнал, что его одиннадцатый день рождения настанет через десять минут. Он лежал, глядел, как убегающие секунды приближают новый день, и думал о том, вспомнят ли Дурсли, что это будет за день, и о том, где сейчас мог быть его таинственный корреспондент.

Ещё пять минут. Снаружи раздался какой-то скрип. Хоть бы крыша не обрушилась; с другой стороны, может быть, тогда ему стало бы потеплее. Четыре минуты. А вдруг в их доме в Оградном проезде будет столько писем, когда они вернутся, что он сможет изловчиться и стянуть одно так, чтобы никто не заметил?

Три минуты. Что это так сильно хлопнуло за стеной? Наверное, волны бьются о камни. А этот хруст (две минуты), очень странный хруст, он откуда? Отломился кусок скалы?

Через минуту ему станет одиннадцать. Тридцать секунд... Двадцать... Десять... Девять... Можно разбудить Дадли - просто для смеху... Три... Две... Одна...

БА-БАХ.

Вся лачуга вздрогнула от чудовищного удара. Гарри как подбросило; он сел и уставился на дверь. За дверью кто-то был, и явно собирался зайти.

Глава четвёртая. Главный ключник.

БА-БАХ! В дверь продолжали ломиться. Дадли тоже вскинулся.

- Какая пушка? - сказал он сонно.

За перегородкой что-то рухнуло, и в комнату боком влетел дядя Вернон. В руках он держал ружьё - теперь было понятно, что он принёс с собой в длинном узком свёртке.

- Кто там? - заорал он. - Предупреждаю - я вооружён!

На мгновение настала тишина. И вдруг...

ТР-РАХ!

Кто-то ударил в дверь с такой силой, что начисто снёс её с петель. Со страшным грохотом она плашмя упала на пол.

На пороге стоял великан. Лицо его почти скрывалось за лохмами длинных нечёсанных волос и косматой бородой, торчащей во все стороны, но сквозь всё это можно было различить мрачно поблёскивающие глаза - как два чёрных жука.

Великан втиснулся в лачугу; чтобы не стукнуться о притолоку, ему пришлось сложиться вдвое. Нагнувшись, он поднял с пола дверь, легко приладил её на место, и звуки бесчинствующего снаружи шторма слегка поутихли. Потом он повернулся и оглядел всю компанию.

- Случаем не организуете чайку, а? Дорожка, признаться, выдалась нелёгкая...

Он шагнул к дивану, на котором сидел замерший от ужаса Дадли.

- Подвинься, ты, квашня, - сказал незнакомец.

Дадли пискнул, соскочил с дивана и спрятался за матерью, которая в свою очередь скорчилась на полу за спиной дяди Вернона.

- А это, значит, у нас будет Гарри, - промолвил великан.

Гарри взглянул в его дикое, заросшее лицо и увидел, что глаза-жуки шурились в улыбке.

- Как я тебя прошлым разом видал, так ты был ещё совсем махонький, - сказал великан. - Ну просто вылитый отец, вот только глаза у тебя мамыны. Дядя Вернон издал какой-то хриплый вопль.

- Я требую, чтобы Вы немедленно удалились, уважаемый! - выдавил он. - Это незаконное вторжение!

- А ты бы заткнулся, Дурсли, сморчок ты переросший, - ответил великан.

Перегнувшись через спинку дивана, он выдернул из рук дяди Вернона ружьё, связал его узлом, как будто оно было резиновое, и отшвырнул в угол.

Дядя Вернон издал ещё один звук - на этот раз как мышь, на которую наступили.

- В общем, так, Гарри, - продолжал великан, повернувшись к семейству Дурсли спиной, - первым делом - с днём рождения. Я тут кой-чего припас по случаю. Только, кажись, я на него присел малешко, но вкус-то должен быть ничего.

Из кармана своего чёрного плаща он извлёк слегка помятую картонную коробку. Гарри дрожащими руками раскрыл её. Внутри обнаружился роскошный шоколадный торт, по которому шла надпись "С днём рождения, Гарри", сделанная зелёной глазурью.

Гарри поднял глаза на великана. Он хотел поблагодарить его, но слова застряли у него в горле и до рта так и не добрались. Вместо этого он спросил:

- Кто Вы такой?

Великан хмыкнул.

- Ах ты, верно, я ещё не представился. Рубеус Хагрид [11], главный ключник и садовник Хогвартса [12].

Он протянул свою широченную ручищу и пожал всю руку Гарри до самого локтя.

- Так как там чаёк-то продвигается? - осведомился он, потирая ладони. - Ежели у вас есть чего покрепше, то и от того не откажусь, ясно дело.

Взгляд его упал на скукоженные пакеты из-под хлопьев, валяющиеся на каминной решётке. Он фыркнул и наклонился над камином. Что он там сделал, никто не разобрал, но когда он разогнулся, в камине полыхал огонь. Вся

промокшая лачуга наполнилась веселыми отблесками, а Гарри так и пронизало теплом, как будто он с головой погрузился в горячую ванну.

Великан снова присел на диван, прогнувшийся под его весом, и принялся доставать всякую всячину из карманов плаща: медный котелок, расплющенный пакет с сардельками, кочергу, чайник, несколько шербатов кружек; последней появилась бутылка с янтарно-жёлтой жидкостью, к которой он приложился, прежде чем заняться приготовлением чая. Вскоре на всю лачугу пахло шипящими на огне сардельками. Пока великан трудился, никто не проронил ни слова, но когда с кочерги соскользнула первая порция горячих, сочных, слегка подгоревших сарделек, Дадли не выдержал и завозился в углу. Дядя Вернон сейчас же резко подал голос:

- Дадли, не смей ничего у него брать!

Великан мрачно хмыкнул.

- Не бойсь, Дурсли, в этом твоём холодце жиру и так хватает.

И передал сардельки Гарри, которому с голодухи показалось, что ничего вкуснее он в жизни не едал, но оторвать от великана глаз он всё равно не мог. Наконец, когда стало ясно, что никто ничего объяснить ему не собирается, он сказал:

- Извините, пожалуйста, но я всё-таки так и не понял, кто Вы такой.

Великан сделал могучий глоток из кружки с чаем и утёрся тыльной стороной ладони.

- Без никаких "Вы", просто Хагрид, - сказал он, - меня все так зовут. Я же говорю, я в Хогвартсе ключником - уж про Хогвартс-то ты, небось, всё и так знаешь.

- М-м-м... нет, - сказал Гарри.

У Хагрида почему-то глаза полезли на лоб.

- Прошу прощения, - быстро добавил Гарри.

- Прощения??? - рявкнул Хагрид, обернувшись и впериw тяжёлый взор в мистера и миссис Дурсли, которые отползли подальше в угол. - Как я погляжу, так прощения должны просить эти вот субчики! Я, понятно, допёр, что письма до тебя не доходят, но раздери меня совсем, чтоб ты про Хогвартс не знал - это ж кому такое на ум взбредёт! Тебе что, не любопытно было, где твои родители всему этому делу обучились?

- Какому делу? - спросил Гарри.

- КАКОМУ?! - прогремел Хагрид. - Эт ещё что за новости!

Он вскочил на ноги. В гневе он, казалось, заполнил собой всю хибарку. Дурсли прижались к стене.

- Уж не хотите ли вы мне сказать, - заворчал он на них, как голодный волк, - что этот парень - этот вот парень! - ничего, НИЧЕГОШЕНЬКИ не знает???

Гарри решил, что это всё-таки немножко слишком. В конце концов, в школе у него были довольно приличные отметки.

- Я что-то знаю, - сказал он. - Я, между прочим, примеры могу решать, и вообще.

Хагрид отмахнулся от него и пояснил:

- Да нет, про наш мир. То есть, твой мир. Мой мир. Твоих родителей мир.

- Какой ещё мир?

Похоже было, что Хагрид сейчас взорвётся.

- ДУРСЛИ!!! - загрохотал он.

Дядя Вернон, очень побледневший, прошептал что-то похожее на "мвям-мвям-бвям". Хагрид ошарашенно смотрел на Гарри.

- Ну хоть про маму с папой-то тебе рассказывали, так? Они же ведь знаменитые. Почти как ты.

- Что? Мои... Мои папа и мама никакими знаменитыми не были!

- Не знает... совсем ничего не знает...

Хагрид крутил пальцами бороду, глядя на Гарри, словно только что его заметил.

- Ты, значит, и не догадываешься, кто ты такой? - вымолвил он наконец.

К дяде Вернону внезапно вернулся дар речи.

- Ни слова! - приказал он. - Ни слова больше, уважаемый! Я запрещаю Вам рассказывать мальчишке что-либо!

Под испепеляющим взглядом Хагрида увял бы и гораздо более храбрый человек, чем Вернон; когда Хагрид снова заговорил, ярость сквозила в каждом его звуке.

- Так ты ему не сказал? Так и не рассказал ему, что было в том письме, которое Дамблдор для него оставил? Я ведь там был! Я, Дурсли, своими глазами видел, как он его оставлял! И всё это время вы от него скрывали?

- Скрывали что? - жадно спросил Гарри.

- НЕ СМЕТЬ! ЗАПРЕЩАЮ! - в панике заверещал дядя Вернон.

Тётя Петунья слабо вскрикнула.

- А шли бы вы оба... башкой в кастрюлю, - сказал Хагрид. - Гарри - ты колдун.

В комнате стало тихо; было слышно только, как бьётся о скалы море да гудит ветер.

- Я... кто? - задохнулся Гарри.

- Колдун, ясно дело, - сказал Хагрид, устраиваясь на диване, который застонал и просел ещё ниже, - и должно быть, недурственный, особенно ежели тебя поднатаскать слегонца. С такими родителями, кем же тебе ещё быть? Да, кстати, сдаётся мне, что давно пора бы тебе твоё письмо прочесть.

В протянутую руку Гарри легло вожаделенное письмо в жёлтом пергаментном конверте, надписанное изумрудно-зелёными чернилами: "Г. Поттеру, на Полу в Маленькой Комнате, Лачуга на Скале, Посреди Моря". Он вытянул письмо и прочёл:

Хогвартская школа
Чародейства и Волшебства

Директор: АЛЬБУС ДАМБЛДОР

(Кавалер ордена Мерлина первой категории, Великий Маг, Верховный Чародей, Всемогущий Волшебник, член Международной Ассоциации Колдунов)

Уважаемый г. Поттер:

Настоящим имеем честь уведомить, что Вы приняты в Хогвартскую школу Чародейства и Волшебства. Прилагаем также список учебников и прочих необходимых принадлежностей.

Начало учебного года - 1 сентября. Ожидаем Вашей ответной совы не позднее 31 июля.

С совершенным почтением -

Минерва Макгонагелл,
Заведующая учебной частью.

В голове у Гарри роились сотни вопросов, сталкиваясь и разрываясь, как ракеты во время салюта, так что он никак не мог сообразить, какой задать первым. Через пару минут он выпалил, запинаясь:

- Как это - ответной совы?

- Ух, горгона гремучая, чуть не забыл! - заволновался Хагрид, хлопнув себя по лбу с такой силой, какой было бы довольно, чтобы сбить лошадь с копыт.

Из ещё одного кармана он вытащил сову - настоящую, живую сову, слегка потрёпанную - длинное гусиное перо и свиток пергамента. Высунув от усердия язык, он накарябал следующее послание, которое Гарри сумел прочесть вверх ногами:

Дорогой профессор Дамблдор!

Письмо Гарри вручил.

Завтра едем покупать для него вещи.

Погода жуткая. Надеюсь, у Вас всё в порядке.

Хагрид.

Свернув записку в трубочку, Хагрид протянул её сове, которая зажала её в клюве, шагнул к двери и выкинул сову прямо под дождь. Потом вернулся и сел на место – как будто только что сделал телефонный звонок, не более того.

Гарри осознал, что у него открыт рот, и поспешно его закрыл.

– О чём это бишь я? – осведомился Хагрид, и тут дядя Вернон, мертвенно бледный, но очень рассерженный, выдвинулся в полукруг света перед камином.

– Никуда он не поедет, – заявил он.

Хагрид крикнул.

– Полюбуюсь я на тебя, мугля неумытого, как ты ему мешать собираешься, – сказал он.

– Кого? – поинтересовался Гарри.

– Мугли, – сказал Хагрид, – это так мы зовём всякий неволшебный сброд, вроде них. И это ж надо было, чтобы тебе пофартило вырасти в семье самых наимуглистых муглей, которых только свет видывал.

– Когда мы его подобрали, мы решили, что эту опасную дурь мы из него выбьем, – сказал дядя Вернон, – выведем под корень! Колдун! Ещё чего!

– Так вы знали? – спросил Гарри. – Знали, что я этот... колдун?

– Знали! – внезапно завопила тётя Петунья. – Знали!!! Попробуй тут не знать! Кто же из тебя ещё выйдет, с этой моей чёртовой сестрицей! О да, ей тоже такое письмецо подбросили; она тут же подхватила и умчалась в эту... эту школу! Заявлялась потом домой каждое лето, карманы полны головастиков, чашки в мышей превращала! Одна я её насквозь видела, уродину эдакую! А отец с матерью – не-ет, Лилечка то, Лилечка сё, как будто ведьма в семье – это гордость какая!

Она остановилась ровно настолько, чтобы сделать глубокий вдох, и продолжала бушевать. Видно было, что она много лет держала в себе то, что теперь рвалось наружу.

– Потом она спуталась с этим Поттером, выскочила за него и они завели тебя. Я-то сразу смекнула, что и ты будешь такой же... такой же... ненормальный, как и они все, и тут – здрасьте пожалуйста! Доигралась, разнесло её в клочья, а тебя нам подкинули!

Гарри побелел. Как только к нему вернулся голос, он сказал:

– В клочья? Вы же мне говорили, что она погибла в аварии!

– АВАРИИ?! – взревел Хагрид, взвизвись так, что Дурсли кинулись обратно в угол. – Чтобы какая-то там авария смогла убить Лили и Джеймса Поттеров? Невслыханно! Безобразие! Гарри Поттер – и не знает своей собственной истории, и это притом, что в нашем мире его имя слышал любой младенец!

– Почему? Что случилось? – настойчиво допытывался Гарри.

Ярость сошла с лица Хагрида. Теперь он выглядел серьёзно озабоченным.

– Ну уж такого я никак не ожидал, – беспокойно пробасил он. – Ну, откуда ж мне было знать-то? Дамблдор мне говорил, добраться до него непросто будет, говорил он, но чтобы ты настолько ничего не знал... Эх, Гарри, не мне бы тебе всё это разобъяснять... Но кому-то ж надо – иначе тебе в Хогвартсе и делать нечего.

Он бросил злобный взгляд на мистера и миссис Дурсли.

– Всё, что сам знаю, всё, значит, тебе и расскажу, так-то оно надёжней будет. Не то, чтобы я всё понимал, конечно, там местами загадки разные, только держись.

Он посидел немного, уставившись в огонь, а потом начал:

– Всё пошло, значит, с того... с одного человека, в общем, а звать его... Нет, ну это просто немыслимо, чтоб ты не слышал его имя! У нас все про него знают!

– Про кого?

– Ну, этого... Ох, не хочется мне это поганое имя произносить! Да и кому захочется!

– Почему?

– Эх, зараза залихватская! Многие его, Гарри, и по сию пору боятся. Ах ты ж, закавыка, заломай меня налево! Ну, был такой колдун, который... плохим стал. Хуже не придумаешь. И ещё хуже того. Звали его...

Хагрид сглотнул, но слова никак не шли.

- Может, напишешь на бумажке? - спросил его Гарри.

- Не-а - буквы не вытанцовываются. Ну, так и быть. Вольдеморт. - Хагрид вздрогнул. - Только не проси больше! Ну вот, и колдун этот, лет эдак двадцать тому, начал прислужников себе искать. Нашёл скоренько - которые испугались, которые просто к его силе примазаться хотели, а силища у него тогда была - будь здоров! Мрачные деньки настали, Гарри. Не знаешь, кому верить, с незнакомыми колдунами да ведьмами и не вздумай болтать... Всё он под себя подгрёбал. Были и такие, что шли против него - так он их убивал. Жестоко. Немного осталось мест, где безопасно было, и Хогвартс среди них. Знать, одного Дамблдора-то Сам-Знаешь-Кто и опасался. Ну, и в школу носа не показывал, до поры до времени. Ну вот, а папа с мамой твои были уж самые отличные колдун и ведьма, каких мне знать довелось. Оба старостами были в своё время, представляешь? С чего Сам-Знаешь-Кто не пытался их прежде к себе зазвать - кто ж его знает... Они, небось, слишком близко к Дамблдору тогда были, на Чёрную-то сторону и не глядели... Может, он их переманить собирался... А может, просто мешались они ему. Да только известно, что заявился он в ту деревню, где вы все жили, в канун Всех Святых [13], десять лет назад. Тебе всего годик был. Пришёл он к вам домой и... и...

Хагрид вдруг вытянул из кармана огромный, очень грязный клетчатый платок и трубно высморкался - точно пароход загудел в тумане.

- Извиняйте, - сказал он. - Только - грустная это история... Я ведь знавал их, твоих маму с папой, такие милые люди, загляденье просто... Ну, значит, так. Сам-Знаешь-Кто их убил тогда. А потом - и вот тут самая-то тайна и зарыта - он и тебя хотел убить тоже. Наверно, решил чисто сработать, что ли, а может статься, ему в то время убивать уже полюбілось. Но только не вышло у него ничего. Думал когда-нибудь, как ты заполучил знак-то этот на лбу? Это тебе не шрам никакой. Такое только тогда выходит, когда на тебя мощные злые чары напустят - маму и папу твоих они, видишь ты, свалили, а тебя не одолели, и потому-то ты и знаменит, Гарри. Ведь он если кого решал убить, так они никто не выжили, кроме тебя, то есть; и уж такие сильные из них были ведьмы и колдуны - и Маккинны, и Боунсы, и Прюэтты - а ты просто ребёночек был, и остался жив.

В голове у Гарри происходило что-то, от чего ему было очень больно. Когда Хагрид подошёл к концу своего рассказа, перед глазами у Гарри снова встала знакомая зелёная вспышка, только видел он её гораздо яснее, чем раньше, и ещё одна деталь вспомнилась ему, впервые в жизни - холодный, жестокий, стеклянный смех.

Хагрид печально смотрел на него.

- Забрал я тебя из разрушенного дома, Дамблдор так приказал. И привёз этим вот...

- Чепуха, и больше ничего, - сказал дядя Вернон. Гарри подпрыгнул от неожиданности - он и забыл, что Дурсли были здесь, в комнате. Дядя Вернон явно осмелел. Он с ненавистью глядел на Хагрида, и кулаки у него были сжаты.

- Слушай внимательно, мальчишка, - зарычал он, - положим, что-то странное в тебе есть, но ничего такого, что хорошая трёпка не поправит... А что касается твоих родителей, то всем известно, что они были с приветом, и туда им и дорожка, я считаю... На что набивались, то и получили - путаться со всякими колдунами, скажите на милость... Я ничего другого и не ожидал, я всегда знал, что они плохо кончат...

В то же мгновение Хагрид взметнулся с дивана и выхватил из-под плаща выдавший виды розовый зонтик. Уткнув его в грудь дяди Вернона наподобие шпаги, он произнёс:

- Дурсли, говорю тебе по-хорошему... Ещё одно слово...

Поставленный перед угрозой быть насквозь проколотым зонтиком бородатого великана, дядя Вернон снова начисто утерял былую храбрость; он отступил к стене и замолк.

- Так-то лучше, - тяжело дыша, сказал Хагрид и снова сел на диван, который на этот раз провалился под ним до самого пола.

Тем временем Гарри хотелось спрашивать и спрашивать - десятки, сотни вопросов теснились на языке.

- А что же случилось с Воль... то есть, с Сам-Знаешь-Кем?

- Вот уж вопрос, так вопрос, Гарри. Исчез. В ту же самую ночь, как хотел тебя убить. Оттого-то ты ещё больше знаменитый. Самая большая в этом загадка, понимаешь... Он ведь набирал силу, всё крепче и крепче - с чего ему вдруг уходить? Кое-кто говорит, будто он умер. Брехня собачья, я так скажу. В нём, чтобы умереть, уже недостаточно человеческого было. Другие говорят, что он как бы затаился. Переживает, значит. Да только непохоже, вот что. Те, кто за него были, все обратно к нам перешли. Некоторые прям как очнулись. Вот и посуди сам: ежели бы он всё ещё был поблизости - как бы у них это вышло? По большей части все думают, что и взаправду он жив ещё, вот только силы в нём не осталось. Слаб он стал, понимаешь. Что-то в тебе его доконало. Как-то оно всё так в ту ночь повернулось, как он и не гадал. Мне-то откуда знать, да и никто толком не знает, но чем-то ты его там оглоушил всерьёз, уж будь покоен.

В глазах Хагрида, устремлённых на Гарри, светились теплота и уважение, но гордится этим или радоваться этому Гарри мешало чувство, что произошла какая-то чудовищная ошибка. Он - и вдруг колдун? Не может быть. Дадли его всю жизнь преследовал, тётя Петунья и дядя Вернон запугивали; если бы он и в самом деле был колдуном, он бы давно превратил их в склизких жаб, как только они вздумали бы запереть его в чулане. Как он мог победить самого могущественного колдуна на свете, если Дадли мог пинать его, как мячик, в любое время дня и ночи?

- Хагрид, - сказал он тихо. - Боюсь, что ты ошибаешься. Я думаю, что никакой я не колдун.

К его удивлению, Хагрид в ответ хитро усмехнулся.

- Ах, не колдун, значит? Ну-ну. Припомни-ка, не случилось ли тебе что-нибудь эдакое сотворить, если тебя хорошенько разозлить или напугать? Гарри посмотрел в огонь.

И действительно, если разобратся... Все те странности, которые так бесили его дядю с тётей, случались и в самом деле тогда, когда он сердился или боялся... вот гналась за ним шайка Дадли, а он оказался от них далеко... потом он всю ночь переживал про эту глупую стрижку, и волосы выросли заново... и в последний раз, когда Дадли его ударил, он же ему отомстил, сам того не осознавая! Он же напустил на него боа констриктора!

Улыбаясь, Гарри перевел глаза обратно на Хагрида и увидел, что тот просто сияет.

- Ну, что я тебе говорил? Вот что, Гарри Поттер, не-колдун - дай срок, ты им всем в Хогвартсе покажешь!

Дядя Вернон решил без боя не сдаваться.

- Я же, кажется, уже сказал, что никуда он не поедет, - зашипел он. - На следующий год он идёт в районную среднюю школу, и пусть ещё спасибо скажет! Читал я эти письма - ему, видите ли, всякая чепуха нужна, книги с заклинаниями, волшебные палочки...

- Если он захочет, так ни один мугль, даже такой жирный, как ты, его не остановит, - прорычал в ответ Хагрид. - Не пустить сына Лили и Джеймса Поттеров в Хогвартс! Совсем с ума спрыгнул! Да он в списках с самого рождения. Будет учиться в самой что ни на есть лучшей школе чародейства и волшебства. Через семь лет сам себя не узнает! Будет там жить с такими же ребятами, да под началом самого чудного директора за всю историю Хогвартса, Альбуса Дам...

- Я не собираюсь платить какому-то старому маразматiku за то, чтобы он обучил его паре фокусов! - завопил дядя Вернон.

Это, похоже, было последней каплей. Хагрид схватил свой зонтик и завертел его над головой.

- Никому! - загремел он. - Не позволю! Оскорблять! Альбуса! Дамблдора! В моём! Присутствии!!!

Он со свистом опустил зонтик и указал им на Дадли. Что-то сверкнуло лиловым, хлопнуло, взвизгнуло, и Дадли завертелся на месте, прикрывая руками свой толстый зад и воя от боли. Когда он повернулся спиной, стало видно, что сквозь дыру в штанах проглядывает маленький поросячий хвостик крючком.

Дядя Вернон взревел белугой, утянул Дадли и тётку Петунию в другую комнату и захлопнул за собой дверь, бросив на Хагрида прощальный, полный ужаса взгляд.

Хагрид смотрел на зонтик, поглаживая бороду.

- Не стоило, конечно, так распалиться, - сказал он удручённо, - да и не вышло всё одно. Я его в свинью хотел обратить, да он, стало быть, и так порядочной свиньей был, ну, я и не рассчитал.

Он искоса глянул на Гарри из-под мохнатых бровей.

- Если ты там в Хогвартсе не особо про это дело станешь распространяться, буду весьма обязан, - сказал он. Честно говоря, колдовать-то мне не разрешается. Чуть-чуть только можно было, чтобы до тебя добраться, письмо тебе отдать и вообще... Я отчасти потому-то так этому заданию и радовался...

- А почему колдовать не разрешается? - спросил Гарри.

- Ну, в общем... Я тоже учился в Хогвартсе, было дело, да вот... исключили меня, по правде сказать. На третьем годе. Ну, и палочку пополам, как водится... А Дамблдор, он меня егерем и оставил. Что за человек, Дамблдор-то... Да.

- А за что исключили?

- Поздно уже, а у нас дел назавтра - тьма, - громко сказал Хагрид. - В город надо, книжки покупать и остальное всякое.

Он стянул себя свой тяжёлый чёрный плащ и кинул его Гарри.

- Ты под этим покемарь, - сказал он. - Ежели шевелиться начнёт, так ты не пугайся. У меня там, кажется, мышьяная семейка в одном кармане поселилась.

Глава пятая. Диагонов переулок.

На следующее утро Гарри проснулся рано. Хотя вокруг было уже светло, он держал глаза крепко зажмуренными.

- Мне приснился сон, - твёрдо объявил он сам себе. - Во сне ко мне приходил великан по имени Хагрид, сказать, что я поеду в школу для колдунов. Сейчас я открою глаза, и окажусь дома, в своём чулане. Раздался громкий стук.

"А вот и тётка Петуния, колотится в дверь", - с упавшим сердцем подумал Гарри, но глаз так и не открыл - такой чудный сон не хотелось упускать. Тук. Тук. Тук.

- Ладно, - пробормотал Гарри. - Уже встаю.

Он сел, и с него упал тяжёлый плащ Хагрида. Лачуга была залита солнцем, от шторма не осталось и следа, сам Хагрид храпел в углу на проломленном диване, а за окном сидела сова и стучала лапкой в стекло. В клюве она сжимала газету.

Гарри вскочил, чувствуя, что счастье наполняет его, как на ярмарке надувают газом воздушные шарики. Он бросился к окну и распахнул его. Сова влетела в комнату, сделала широкий полукруг и сбросила газету прямо на Хагрида, который и не подумал проснуться. Потом она спорхнула на пол и напала на плащ.

- Прекрати.

Гарри попробовал отогнать сову, но та злобно щелкнула на него клювом, не переставая теревить плащ.

- Хагрид! - громко позвал Гарри. - Тут сова какая-то...

- Да заплати ты ей, - пробормотал Хагрид с дивана.

- Чего?

- Она же газету принесла, заплатить надо. В карманах пошарь.

Хагридов плащ, похоже, состоял из одних карманов - связки ключей, мешочек дробы, мотки ниток, мятные подушечки, чай в пакетиках... Наконец Гарри попалась пригоршня странных с виду монет.

- Пять кнутсов, - сказал Хагрид сонно.

- Кнутсов?

- Маленькие такие, медные.

Гарри отсчитал пять медных монеток, а сова протянула лапку, чтобы Гарри было удобнее засунуть их в маленький кожаный кошелёчек, привязанный к ней. Как только он это сделал, она тут же вылетела в окно.

Хагрид сладко зевнул, потянулся и сел на останках дивана.

- И нам пора бы двигать, Гарри, столько дел сегодня, надо до Лондона доехать, купить всё, что полагается для школы.

Гарри всё вертел в руках волшебные монетки, разглядывая их со всех сторон. Ему вдруг пришла в голову мысль, от которой счастливый шарик внутри стал быстро сдуваться.

- М-м-м... Хагрид?

- Ага... - отозвался Хагрид, натягивая сапоги.

- Денег-то у меня нет... А дядя Вернон говорил вчера... Он сказал, что за меня платить не станет, чтобы я колдовству учился.

- Не бери в голову, - успокоил его Хагрид, вставая и почёсывая в затылке.

- Ты уж не думаешь ли, что родители тебе ничегошеньки не оставили?

- Но ведь дом-то... он же развалился...

- Эх, парень, да кто ж деньги дома-то держит? Не, перво-наперво мы с тобой направляемся в Гринготт. Банк колдунов. Давай-ка сардельку съешь - они и в холодном виде ничего себе. А я бы от кусочка торта твоего деньрожденного не отказался...

- У колдунов и банки есть?

- Не банки, а банк. Гринготт. Он один. Гоблины им заведуют.

- Гоблины?

- Ну да. Так что ограбить его - это только если вовсе рехнулся, тогда попробовать можно. Прямо скажу, Гарри, с гоблинами шутки плохи. Гринготт - самое правильное на свете место, если тебе что надо сохранить в целости. Да вот, кстати, и у меня в Гринготте дельце есть. Для Дамблдора. По Хогвартскому поручению, - Хагрид подтянулся. - Он мне завсегда всякие важные вещи доверяет. Тебя вот доставить... Из Гринготта взять чего... Знает, что я не подведу. Ну, готов? Тогда пошли.

Гарри вслед за Хагридом вылез на скалу. Небо совсем расчистилось, успокоившееся море сияло на солнце. Лодка, которую взял дядя Вернон, всё ещё болталась на привязи, хотя и набрала порядочно воды.

- А как же ты здесь оказался? - спросил Гарри, оглядываясь в поисках второй лодки.

- Прилетел, - просто ответил Хагрид.

- Прилетел?

- Ну да... Но обратно мы поплывём в этой посудине. Я тебя теперь достал, так что колдовать больше не положено.

Они разместились в лодке. Гарри не спускал с Хагрида глаз, пытаясь представить его себе летящим.

- Вот только грести неохота, - сказал Хагрид, снова бросив на Гарри косой взгляд. - Ежели я тут... э-э-э... подтолкну маленько, ты как насчёт не болтать про это в Хогвартсе?

- Ну конечно! - сказал Гарри, которому не терпелось ещё раз увидеть волшебство. Хагрид снова вытащил розовый зонтик, легонько ударил им дважды по борту лодки, и она сама собой помчалась к берегу.

- А почему Гринготт попробовать ограбить - рехнуться надо?

- Наговоры. Сглазы, - ответил Хагрид, разворачивая газету. - А особо секретные сейфы, говорят, драконы охраняют. Да и потом дотуда ещё не враз доберёшься - Гринготт, он, вишь ты, под землей находится, под Лондоном, сотни миль вглубь. Прямо под метро. Так что даже если что и исхитришься ухватить, всё равно с голоду помрёшь, пока обратно выкарабкаешься.

Гарри сидел и обдумывал то, что он услышал, а Хагрид тем временем читал свою газету, "Вечерний Пророк". Живя с дядей Верноном, Гарри хорошенько усвоил, что в такие моменты человека следует оставить в покое, но у него было столько разных вопросов, что он еле сдерживался.

- В Министерстве Магии, как обычно, всё через пень-колоду, - пробормотал Хагрид, переворачивая лист.

- Есть такое министерство? - выпалил Гарри и сразу прикусил язык.

- Ясно дело, - сказал Хагрид. - Хотели они, конечно, Дамблдора министром назначить, но он из Хогвартса никуда, вот и посадили старика Корнелия Фаджа. А уж он-то оболтус известный. Каждое утро забрасывает Дамблдора совами, то ему подскажи да это посоветуй.

- Чем же они в Министерстве Магии занимаются?

- Главная-то работа у них - держать от муглей в секрете, что по всей стране полно ведьм да колдунов.

- Почему?

- Потому! Не успеешь оглянуться, все начнут требовать волшебных средств для своих печалей. Не, уж лучше мы в сторонке.

Тут лодка мягко ударилась о причал. Хагрид сложил газеты, и они выбрались по выложенной камнем тропинке на дорогу.

Пока они шли через деревеньку к станции, прохожие останавливались поглазеть на Хагрида. Гарри их прекрасно понимал. Во-первых, Хагрид был вдвое больше любого из них, а во-вторых, он всё время тыкал пальцем в самые обычные вещи - телефонные будки, к примеру, - и во всеуслышание восклицал:

- Нет, Гарри, ты только погляди! И чего только эти мугли не удумают!

- Хагрид, - сказал Гарри, немного задыхаясь, потому что ему приходилось бежать, чтобы не отстать, - ты говоришь, в Гринготте - драконы?

- Слышал я такое, - ответил Хагрид. - Ух, разрази меня, хотел бы я себе иметь дракона!

- Хотел бы иметь?

- Мечта моего детства... Вот мы и пришли.

Они и в самом деле дошли до станции. Поезд на Лондон отходил через пять минут. Хагрид, который "этих муглевых денег", как он выразился, не понимал, выдал Гарри пачку банкнот и велел купить билеты.

В вагоне на них глазели ещё сильнее. Хагрид занял сразу два места и всю дорогу вязал что-то, что больше всего было похоже на канареечно-жёлтый парашют.

- Гарри, письмо при тебе? - спросил он, считая петли.

Гарри вытащил пергаментный конверт.

- Славно, - сказал Хагрид. - Там список есть, всё, что тебе нужно.

Гарри развернул второй лист, которого он прежде не замечал, и прочёл: Хогвартская школа

Чародейства и Волшебства

ШКОЛЬНАЯ ФОРМА

Первоклассникам потребуются:

1. 1. Простых рабочих мантий (чёрного цвета) - три
2. 2. Простая островерхая шляпа (чёрного цвета), на каждый день - одна
3. 3. Защитные перчатки (драконья чешуя или подобные) - одна пара
4. 4. Зимний плащ (чёрного цвета, пряжки серебряные) - один

Просьба на все предметы одежды нашить именные метки.

УЧЕБНИКИ

Всем ученикам следует иметь по одному экземпляру нижеследующих книг:

Миранда Кречет, Пособие по обычным чарам (первый год обучения)

Батильда Багшот, История магии

Адальберт Вафлинг, Теория колдовства

Эмерих Перекид, Превращения для начинающих

Филлида Спора, Тысяча чудодейственных трав и грибов

Арсений Стопка, Колдовские настои и зелья

Тритон Саламандер, Небывалые твари и где их искать

Квентин Тримбл, Чёрные силы: руководство к самообороне

ПРОЧЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Волшебная палочка - одна

Котёл (оловянный, второго размера) - один

Хрустальные фиалы (можно заменить стеклянными) - один набор

Телескоп - один

Медные весы - одни

Также разрешается взять с собой ИЛИ сову, ИЛИ кота, ИЛИ жабу.

НАПОМИНАЕМ РОДИТЕЛЯМ, ЧТО ПЕРВОКЛАССНИКАМ СОБСТВЕННЫЕ МЁТЛЫ НЕ ПОЗВОЛЕННЫ.

- И мы всё это сможем купить в Лондоне? - усомнился Гарри.

- Места знать надо, - сказал Хагрид.

В Лондоне Гарри был впервые. Хагрид вроде бы знал, куда идти, но явно не привык попадать туда обычным путём. Он застрял в турникете на входе в метро и громко возмущался, что сиденья слишком маленькие, а поезда ездят слишком медленно.

- Не представляю, как это мугли без колдовства обходятся, - ворчал он, карабкаясь вверх по сломанному эскалатору. Они вышли на оживлённую улицу, уставленную по обеим сторонам магазинами.

Хагрид был таким огромным, что без труда рассекал толпу, как ледокол;

Гарри оставалось только попевать да держаться поближе. Они шли мимо книжных и музыкальных магазинов, мимо ресторанов и кинотеатров, но пока не набрали ни на одно место, где продавались бы волшебные палочки.

Обыкновенная улица, по которой ходят обыкновенные люди. Неужели подо всем этим, в глубине, и в самом деле погребены груды колдовского золота? И где же магазины, торгующие учебниками волшебства и мётлами? Уж не было ли всё это одной большой издевательской шуткой, которую задумали Дурсли? Если бы Гарри не знал, что они начисто лишены чувства юмора, он непременно бы так и подумал; и всё же, несмотря на то, что рассказанное ему Хагридом звучало совершенно невероятно, он почему-то ему доверял.

- Вот он где, - сказал Хагрид, останавливаясь. - "Дырявый Котёл".

Знаменитое местечко.

"Знаменитое местечко" оказалось крохотным, с виду грязноватым баром. Если бы Хагрид на него не указал, Гарри скорее всего так бы его и не заметил. Спешащие мимо люди тоже его не замечали. Взгляд их перепрыгивал с большого книжного магазина по одну сторону на большой видеомagазин по другую, как будто "Дырявого Котла" между ними не было вовсе. У Гарри даже появилось странное чувство, что кроме него и Хагрида, больше никто бара просто не видел. Не успел он рассказать об этом Хагриду, как тот втянул его внутрь.

Для знаменитого места там было, пожалуй, темновато и довольно-таки неприглядно. В углу сидели несколько старушек, которые потягивали херес из крохотных рюмок. Одна из них при этом курила длинную трубку. Невысокий человечек в цилиндре перекидывался словами со старым барменом; тот был совершенно лыс и выглядел, как беззубый грецкий орех. Негромкий гул голосов смолк, как только они вошли. Хагрида все, похоже, знали; ему махали, улыбались, а бармен потянулся за стаканом, говоря:

- Ну что, Хагрид, как обычно?

- Извини, Том, не могу - я по делу, от Хогвартса, - ответил Хагрид, хлопая Гарри по плечу своей ручищей, так что у него подогнулись колени.

- Боже мой, - протянул бармен, разглядывая Гарри, - уж не он ли это... не может быть...

В "Дырявом Котле" все звуки замерли, и всё движение прекратилось.

- Чтоб мне провалиться, - прошептал старик. - Гарри Поттер... Честь-то какая.

Он выскочил из-за стойки, подбежал к Гарри и со слезами на глазах схватил его руку.

- Добро пожаловать, мистер Поттер, добро пожаловать, с возвращением Вас. Гарри не знал, что сказать. Все глаза были устремлены на него. Старушка в углу попыталась затянута погасшей трубкой. Хагрид сиял. Со всех сторон раздавался скрип отодвигаемых стульев, и в следующее мгновение Гарри уже здоровался за руку со всеми посетителями "Дырявого Котла".

- Дорис Крокфорд. Мистер Поттер, прямо не верится, что наконец-то довелось с Вами встретиться.

- Большая честь, мистер Поттер, большая честь.

- Всегда мечтала пожать Вашу руку - я вся дрожу.

- Уж так я рад, мистер Поттер, просто несказанно, Дигль моя фамилия, Дедал Дигль.

- А я Вас уже видел! - сказал Диглю Гарри, и тот от восторга уронил с головы цилиндр. - Вы мне однажды поклонились в магазине.

- Помнит! - вскричал Дедал Дигль, гордо озираясь. - Все слышали? Он меня помнит!

Гарри пожимал и пожимал руки. Дорис Крокфорд, отойдя от него, всё время пристраивалась снова в конец очереди.

Вперёд осторожно протиснулся бледный молодой человек. Один глаз у него подергивался.

- А, профессор Квиррел! - сказал Хагрид. - Гарри, это профессор Квиррел, будет тебя учить в Хогвартсе.

- П-П-Поттер, - прозаикался профессор Квиррел, ухватив Гарри за руку, - п-польщён п-познакомиться, весьма п-польщён.

- А Вы какому колдовству обучаете, профессор Квиррел?

- З-защите от Ч-ч-чёрных сил, - еле слышно пробормотал профессор Квиррел, словно ему не хотелось и думать об этом вопросе. - Н-не то, что В-вам это т-т-требуется, П-Поттер, - нервно хихикнул он. - Я п-полагаю, Вы сюда за учебниками? Мне т-тоже п-парочка к-к-книг нужна, о вампирах, - добави - л он, глядя в сторону, и лицо его скривилось от ужаса.

Прочие не собирались надолго оставлять Гарри наедине с профессором.

Прежде чем он от них от всех отделился, прошло ещё минут десять. Наконец, Хагрид зычно объявил поверх общего гама:

- Нам пора - столько всего ещё купить надо. Гарри, пойдём-ка.

Дорис Крокфорд ещё один, последний раз трянула руку Гарри, и Хагрид повёл его через бар к задней двери. Они вышли в небольшой отгороженный дворик, совершенно пустой, если не считать сорняков и мусорного ящика. Хагрид посмотрел на Гарри и усмехнулся.

- Ну, говорил я тебе, или как? Говорил же, что ты у нас - знаменитость. Профессор Квиррел аж весь затрясся, тебя встретивши. Впрочем, он вечно с чего-нибудь трясётся.

- Он что, всегда такой нервный?

- Ещё и похуже, бедняга. Мозги-то у него что надо. Пока над книгами корпел, всё было гладко, да вот не сиделось - взял отпуск на год, опыта набираться в полевых условиях... Ну, и наткнулся, говорят, в Шварцвальде на вампиров, а потом его карга какая-то чуть не извела, в общем, вернулся он сам не свой. Учеников боится, предмета своего собственного боится... Куда же зонтик-то запропастился?

Вампиры? Карга? У Гарри кружилась голова. Хагрид тем временем отсчитывал кирпичи в стене над мусорным ящиком.

- Три наверх... два вправо... - бормотал он. - Ага! Ну-ка, Гарри, посторонись.

Он три раза дотронулся до стены кончиком зонта.

Кирпич, по которому он стучал, вдруг задрожал... зашевелился... в середине его появилось небольшая дыра... она росла, ширилась... и вот они уже стояли перед проёмом, увенчанным аркой, достаточно широким даже для Хагрида, а на той стороне вилась и исчезала за поворотом улочка, мощёная булыжником.

- Добро пожаловать, - сказал Хагрид, - в Диагонов переулок [14].

У Гарри был такой ошарашенный вид, что Хагрид не удержался от улыбки. Они вступили под арку. Гарри оглянулся и успел увидеть, как проход исчез, снова уступив место сплошной стене.

Яркое солнце играло на боках котлов, аккуратно выложенных перед дверью ближайшего магазина. Вывеска над ними гласила: "КОТЛЫ - всех размеров - медные, бронзовые, оловянные, серебряные - складные - с самоперемешиванием".

- Ну да, этого мы тебе тоже прикупим, - сказал Хагрид, - только сперва деньги взять надо.

Гарри хотелось срочно завести себе ещё по меньшей мере четыре пары глаз. Они шли вдоль по улице, и он крутил головой во все стороны, стараясь ухватить всё разом - магазины, разложенные перед ними товары, покупателей... Полная женщина вышла из двери под вывеской "Аптека", качая головой и повторяя себе под нос:

- Печень дракона по семнадцати сиклей за унцию, совсем обалдели... Послышалось низкое приглушённое уханье - они проходили мимо затемнённых окон "Совешника Глазенапа", где были обещаны "совы бурые, ушастые, полярные; филины, сипухи, неясоти". Несколько мальчишек - ровесников Гарри прилипли к витрине с помелами. "Смотри", - сказал один, - "вон Нимбус Две Тысячи - самое быстрое...". Вокруг продавали и покупали мантии, телескопы, странные серебряные приборы, которых Гарри никогда раньше не видал; в витринах громоздились бочки мышинных селезёнок и щучьих глаз, балансировали неровные стопки книг с заклинаниями, лежали гусиные перья и свитки пергамента, стояли пузырьки с зельями и лунные глобусы...

- Гринготт, - произнёс Хагрид.

Они стояли перед снежно-белым зданием, возвышающимся над окрестными лавками. Рядом с его парадной дверью, сияющей начищенной медью, в алой ливрее, расшитой золотом, стоял...

- Вот это он гоблин и есть, - негромко подтвердил Хагрид, поднимаясь по белокаменным ступеням. Гоблин был на голову ниже Гарри. У него было смуглое хитрое лицо с острой бородкой; Гарри успел разглядеть длинные пальцы и ступни. Когда они входили внутрь, он низко поклонился. Они прошли в первые двери и остановились перед вторыми, на этот раз серебряными, над которыми была выбита надпись:

Входи же, странник, но смотри -
Не всё твоё, что здесь внутри.
Кто незаслуженно берёт,
Того в конце расплата ждёт.

Сокровищ полон наш подвал,
Но не ищи, чего не клал.
Тебя предупреждаем строго
Оставить алчность у порога.

- Я же говорю - рехнуться, - сказал Хагрид.

Двое гоблинов с поклонами провели их через серебряные двери, и они оказались в мраморном зале невероятных размеров. На высоких табуретах за стойками сидело не меньше сотни гоблинов. Они царапали что-то в толстенных гроссбухах, взвешивали на медных весах монеты и разглядывали в лупы драгоценные камни. По стенам зала хлопали бесчисленные двери, впуская и выпуская посетителей, которых сопровождали другие гоблины. Хагрид и Гарри направились к стойке.

- Доброе утречко, - обратился Хагрид к незанятому гоблину. - Нам бы денег достать, из сейфа Гарри Поттера.

- Ключ у Вас с собой, сэр?

- Где-то был.

Хагрид начал выворачивать карманы на стойку перед гоблином. Горсть плесневелых собачьих сухариков высыпалась прямо на гроссбук. Гоблин поморщился. Гарри смотрел, как соседний гоблин взвешивал грудку рубинов - огромных и красных, как горячие уголья.

- Вот он, - сказал наконец Хагрид, держа перед собой маленький золотой ключик.

Гоблин внимательно оглядел его.

- Подходит.

- А ещё у меня тут письмо, от профессора Дамблдора, - важно промолвил Хагрид, выпячивая грудь. - Насчёт сами-знаете-чего, в хранилище семьсот тринадцать.

Гоблин прочёл письмо.

- Отлично, - сказал он, отдавая его Хагриду. - Вас проводят к обоим хранилищам. Крюкохват!

Крюкохват оказался ещё одним гоблином. Хагрид распихал собачьи сухарики обратно по карманам, и они вслед за Крюкохватом направились к одной из дверей, ведущих из зала.

- А что это за сами-знаете-что в хранилище семьсот тринадцать? - спросил Гарри.

- Никак не могу сказать, - загадочно прошептал Хагрид. - Страшная тайна. По поручению из Хогвартса. Дамблдор мне доверил. Ежели кому расскажу - вмиг без работы останусь.

Крюкохват придержал для них дверь. Гарри, который ожидал снова что-нибудь мраморное, к своему удивлению оказался в узком каменном коридоре, освещённом чадающими факелами. Коридор круто опускался вниз, а по полу были проложены рельсы, как для узкоколейной железной дороги. Крюкохват свистнул; по рельсам к ним подъехала небольшая вагонетка. Вся компания разместилась в ней (Хагрид влез с трудом), и вагонетка снялась с места. Долгое время они неслись через лабиринт расходящихся и сходящихся извилистых тоннелей. Гарри пытался запомнить дорогу - налево, направо, направо, налево, посередине, направо, налево, но скоро сбился. Вагонетка выбирала ветки сама - Крюкохват ничем не рулил.

Глаза у Гарри слезились от студёного ветра, но он старался их не закрывать. В каком-то боковом тоннеле он увидел столб пламени и выкрутил голову назад - а вдруг это был дракон? - но было уже поздно, вагонетка промчалась мимо. Они спускались всё глубже, мимо подземного озера, меж гигантских сталактитов и сталагмитов, росших из пола и потолка.

- Я всегда путаю, - крикнул Гарри Хагриду, пытаюсь перекрыть грохот вагонетки, - которые из них сталактиты, а которые сталагмиты?

- Сталагмиты - это те, в которых буква "м", - слабо ответил Хагрид. - И не приставай ко мне сейчас, мне и без тебя дурно.

Он и в самом деле выглядел позеленевшим. Когда вагонетка наконец остановилась у небольшой дверцы в стене тоннеля, он вылез и некоторое время стоял, прислонившись к стене и пытаюсь унять дрожь в ногах. Крюкохват отпер дверцу. Сейчас же вокруг них за клубилось огромное облако зелёного дыма, а когда дым рассеялся, Гарри ахнул от удивления. В открытом сейфе лежали груды золотых монет. И столбики серебряных. И кучки маленьких медных кнутсов.

- Всё твое, - улыбнулся Хагрид.

Всё - его! Поразительно! Дурсли наверняка не знали, а то бы они отобрали у него это богатство, не успел бы он и глазом моргнуть. Сколько раз они повторяли, как дорого им обходится содержать Гарри! И всё это время глубоко под улицами Лондона было схоронено целое состояние, и оно принадлежало ему.

Хагрид помог Гарри собрать несколько горстей монет в мешок.

- Золотые называются галеоны, - пояснил он. - Семнадцать серебряных сиклей на галеон, двадцать девять кнутсов на сикль - куда уж проще [15]! Ну, этого тебе на первое время хватит, а остальное пусть тебя здесь поджидает, в сохранности.

Он обернулся к Крюкохвату.

- Теперь, прошу Вас, к хранилищу семьсот тринадцать, и можно на этот раз помедленнее, а?

- Скорость у нас одна, - ответил тот.

Казалось, вагонетка всё набирала и набирала ход, стремясь ещё глубже. Колёса визжали на крутых поворотах, воздух вокруг становился холоднее и

холоднее. Потом они прогремели по мосту через пропасть; Гарри перегнулся через борт, пытаясь разглядеть, есть ли у неё дно, но Хагрид застонал и втащил его за шиворот обратно.

В дверце хранилища номер семьсот тринадцать не было ни ручки, ни дырки для ключа.

- Попрошу отойти, - важно произнёс Крюкохват. Он нежно погладил дверцу своим длинным пальцем, и она попросту растаяла в воздухе. - Если кто-нибудь кроме гоблинов Гринготта попробует сделать то же самое, его втянет сквозь дверь, и назад он уже не выберется, - сказал он.

- А вы когда-нибудь проверяете, нет ли внутри кого-нибудь? - спросил Гарри.

- Непременно. Каждые десять лет, - ответил Крюкохват, ухмыляясь.

Гарри сообразил, что в хранилище, окружённом такой невероятной секретностью, наверняка находилось что-то удивительно ценное, и с нетерпением наклонился вперёд, ожидая увидеть по меньшей мере драгоценные камни сказочной красоты - но на первый взгляд ему показалось, что внутри было пусто. Приглядевшись, он заметил в дальнем углу невзрачную маленькую коробочку. Хагрид подхватил её и засунул глубоко в недра своего необъятного плаща. Гарри ужасно хотелось спросить, что это такое, но он благоразумно сдержался.

- Ну, давай, залазь обратно в эту адскую повозку, и со мной по дороге лучше не заговаривай - может, если я помолчу, оно и обойдётся, - сказал Хагрид.

Ещё одно головокружительное путешествие в вагонетке - и они стояли на улице перед дверями Гринготта, жмурясь от яркого света. Теперь, с мешком, полным денег, Гарри не мог сообразить, куда бежать прежде всего. Даже не зная, сколько галеонов было в фунте стерлингов, он прекрасно понимал, что у него было сейчас больше денег, чем ему когда-либо доводилось держать в руках. Даже, наверное, больше, чем Дадли когда-либо держал в руках.

- Начать можно со школьной формы, - сказал Хагрид, кивая на "Ателье мадам Малкин - мантии на все случаи жизни". - Слушай, ты как насчёт пойти туда сам, а я сбегу на минуточку освежиться в "Дырявый Котёл"? Эти Гринготтские вагонетки - терпеть ненавижу.

Вид у него был всё ещё неважный, так что Гарри кивнул и вошёл в ателье один, хотя ему и было слегка не по себе.

Мадам Малкин была приземистая улыбчивая ведьма, одетая в лиловое.

- Для Хогвартса, дорогой? - перебила она Гарри, как только он открыл рот.

- Не беспокойся, всё в наличии. Да вот, ещё один молодой человек сейчас в примерочной.

В дальнем углу ателье на табуреточке стоял мальчик с бледным, островатым лицом, и другая ведьма подкалывала на нём чёрную мантию. Мадам Малкин поставила Гарри на соседнюю табуреточку, облачила его через голову в мантию и тоже принялась подкалывать.

- Привет, - сказал мальчик. - Тоже в Хогвартс?

- Да, - ответил Гарри.

- Мой отец в соседнем магазине, покупает учебники, а мать через дорогу выбирает палочку, - сказал мальчик. Говорил он в нос, скучающим голосом.

- Потом я их поташу смотреть на гоночные метлы. Кто это придумал, что в первый год их запрещается приносить? Я думаю уломать отца, чтобы он мне одну купил, уж как-нибудь я её проташу.

Мальчик живо напомнил Гарри о Дадли.

- А у тебя своя метла есть? - продолжал мальчик.

- Нет.

- В квиддич играешь?

- Нет, - ответил Гарри, поскольку не имел ни малейшего представления, что это такое.

- Я играю. Отец говорит, что будет просто преступление, если меня не выберут играть за мой колледж, и надо сказать, что в этом я с ним согласен. Ты уже знаешь, в каком ты будешь колледже?

- Нет, - снова сказал Гарри, чувствуя себя всё глупее и глупее.

- Ну да, конечно, заранее никто не знает наверняка, но я точно знаю, что попаду в Пресмыкайс, вся моя семья его кончала. Представь, каково учиться в Футыноте - я бы сбежал, а ты?

- Хм-м, - пришлось сказать Гарри, как ни хотелось ему придумать что-нибудь более содержательное.

- Эй, погляди-ка на это страшилище! - сказал вдруг мальчик, указывая в окно. Перед ателье стоял Хагрид; он широко улыбался и кивал на две здоровенные порции мороженого, которые он держал в руках, давая Гарри понять, что зайти он не может.

- Это Хагрид, - сказал Гарри, радуясь, что ему было известно что-то такое, чего мальчик не знал. - Он в Хогвартсе работает.

- А-а, - протянул мальчик, - слышал. Он там вроде прислуги, верно?

- Он там смотритель, - поправил Гарри. Мальчик ему нравился всё меньше и меньше.

- Ну, вот же я и говорю. Говорят, он дикий какой-то - живёт в хижине на задворках школы, напивается время от времени до беспамьтства, пытается колдовать и устраивает пожар у себя под кроватью.

- По-моему, он просто замечательный, - холодно ответил Гарри.

- Да ну? - сказал мальчик, фыркнув. - Он что, с тобой, что ли? А где твои родители?

- Умерли, - коротко сказал Гарри. Обсуждать с мальчиком эту тему ему не хотелось.

- Очень жаль, - отозвался тот, хотя было видно, что ему несколько не жаль. - Они хоть были нашего сорта?

- Они были колдун и ведьма, если тебя это интересует.

- Я считаю, что прочих пускать и не следует. Как ни старайся, всё равно будет не то, их же никто не воспитывал должным образом. Представляешь, некоторые и про Хогвартс-то не знают, пока письмо не придёт. Нет, надо оставить только чистокровные, старые колдовские семьи. Кстати, а твоя фамилия как?

Гарри не успел ответить - мадам Малкин перебила его, провозгласив "Вот и всё, дорогой", и он, радуясь подвернувшемуся поводу прекратить неприятный разговор, спрыгнул с табуретки.

- Ну, значит, в Хогвартсе встретимся, - сказал гнусавый мальчик ему вдогонку.

Гарри поглощал мороженое, которое купил для него Хагрид (шоколадное пополам с малиновым, сверху посыпанное орехами), в полном молчании.

- В чём дело? - спросил Хагрид.

- Всё в порядке, - соврал Гарри.

Они зашли купить пергамент и перья. Найдя бутылочку чернил, которые на каждой букве меняли цвет, Гарри немного развеселился. Когда они выходили из магазина, он спросил:

- Хагрид - а что такое квиддич?

- Раздери меня напополам! Я всё забываю, Гарри, как много ты ещё не знаешь. Даже про квиддич!

- Мог бы и не издеваться, - мрачно заметил Гарри, и рассказал Хагриду о мальчишке в ателье.

- ... а ещё он сказал, что из муглевых семей никого и принимать не надо...

- Да только ты-то не из муглевой семьи! Знал бы он, кто ты такой... Ежели его родители - колдовской народ, он про тебя с детства слышал. Ты вспомни, как в "Дырявом Котле" все ломанулись, тебя увидавши. Да что он вообще понимает! Из всех, кого я видал, наилучшие были из самых распотомственных муглей - возьми хоть твою маму! С такой-то сестрицей!

- Так что же такое квиддич?

- Это спорт такой, Гарри. Наш, колдовской. Ну, примерно как... как футбол у муглей. За него все болеют. Играют только вот на помелах, и мячик не один, а четыре... и... ну, в общем, так на пальцах не объяснишь.

- А кто такие Пресмыкайс и Футынот?

- Это колледжи в Хогвартсе. Их всего четыре. Про Футынута всегда говорят, что там одни балбесы, но...
- Спорим, я буду в Футынуте, - безнадежно сказал Гарри.
- По мне уж лучше так, чем Пресмыкайс, - сказал Хагрид неожиданно сурово.
- Все колдуны, которые в черноту свернули - все, как один, из Пресмыкайса вышли. И Сам-Знаешь-Кто меж ними.
- Воль... ой, то есть Сам-Знаешь-Кто учился в Хогвартсе?!

- Давным-давно, - сказал Хагрид.
Учебники они купили в магазине "Флориш и Блоттс", стены которого были сплошь заставлены высокими, под потолок, полками, набитыми самыми разными книгами: тяжеленными, как бульжники, в кожаных переплётках; малюсенькими, не больше почтовой марки, обёрнутыми шёлком; исписанными непонятными значками; некоторые были и вовсе пустыми, без единой буквы. Даже Дадли, который в жизни своей ничего сам не прочёл, наверняка не отказался бы занять себе парочку. Гарри так вцепился в "Сглазы и противосглазы - как приворожить друзей и отомстить врагам при помощи новейших заклинаний: облысение, кисельные коленки, типун на язык и многое, многое другое" профессора Виндиктуса Виридиана, что Хагриду пришлось его оттащить.
- Я только хотел посмотреть, как бы мне сглазить Дадли.
- Не то, чтобы я не был двумя руками за, но на муглях колдовство применять запрещается, если не считать экстренных случаев, конечно, - строго сказал Хагрид. - Да и не получится у тебя, тебе ещё до такого учиться и учиться.

Купить золотой котёл Хагрид тоже не позволил ("Сказано же в списке - оловянный!"), зато они приобрели отличные весы для отмеривания составляющих в зелья и складной медный телескоп. Потом они посетили аптеку, в которой было так интересно, что Гарри почти забыл про жуткую вонь, стоящую внутри - как смесь тухлых яиц и гнилой капусты. На полу стояли бочки чего-то склизкого; полки были заставлены банками с травами, корнями и разноцветными порошками; с потолка свисали связки перьев и гирианды клыков и когтей. Пока Хагрид получал у продавца незатейливые припасы для первых зелий Гарри, сам Гарри изучал серебристые рога единорогов (двадцать один галеон за штуку) и крохотные, чёрные, блестящие тараканьи глаза (пять кнутсов черпак).

Когда они вышли из аптеки, Хагрид снова сверился со списком.
- Ну, одна палочка осталась... Стой, погоди! Я ж тебе ещё подарок не купил, на день рождения.

Гарри покраснел.

- Хагрид, ты вовсе не должен...

- Мало ли, чего я не должен. Вот что, подарю-ка я тебе зверюшку. Только не жабу, они уж сто лет как из моды вышли, тебя ещё засмеют, чего доброго... А кошек я не выношу, я от них чихаю. Я тебе сову куплю. Всем детишкам сов хочется, да и полезные они - жуть. И письма носят, и вообще. Через двадцать минут они покидали "Совешник", где было темно, со всех сторон раздавался шорох и хлопанье крыльев и смотрели, подмигивая, ярко светящиеся глаза. Гарри нёс под мышкой большую клетку, в которой сидела чудная снежно-белая полярная сова. Она крепко спала, засунув голову под крыло. Гарри заикался, как профессор Квиррел, пытаясь выразить Хагриду свою благодарность.

- Ну уж ладно тебе, - сказал Хагрид с напускной серьёзностью. - Сдаётся мне, что Дурсли тебя подарками не избаловали. Ну, теперь только к Оливандеру. Он один теперь здесь приличными палочками торгует, Оливандер-то, а палочку тебе надо самую наилучшую.

Волшебная палочка... Вот чего Гарри хотелось больше всех остальных вещей. Последняя лавка выглядела слегка запущенно. На вывеске облупившимися золотыми буквами было написано: "Оливандер. Мастера по волшебным палочкам. Лучшее качество - с 382 г. до н. э.". В витрине, на выцветшей бархатной подушечке, лежала одна-единственная палочка.

Когда они переступили порог, где-то в глубине зазвякал колокольчик. Лавка была крохотная, никакой мебели в ней не было, если не считать одинокого стула с тонкими витыми ножками, на который Хагрид уселся, пока они ждали

хозяина. У Гарри было странное чувство, будто они пришли в какую-то библиотеку с очень строгими порядками; он проглотил все новые вопросы, которые просились ему на язык, и занялся рассматриванием тысяч маленьких узких коробочек, аккуратно сложенных в стопки до самого потолка. По коже у него отчего-то побежали мурашки. Даже затхлый воздух и почтительная тишина вокруг, казалось, были пронизаны таинственным волшебством.

- Добрый день, - негромко произнёс кто-то. Гарри подскочил на месте. Хагрид, похоже, тоже подскочил - раздался громкий хруст, и он поспешно слез с хлипкого стула.

Перед ними стоял пожилой человек; его широкие, белесоватые глаза горели в полутьме лавки, как две полных луны.

- Здравствуйте, - неловко вымолвил Гарри.

- Ах да, - продолжал человек, - да. Конечно. Я так и думал, что вскорости Вас увижу. Гарри Поттер, - это был не вопрос, а утверждение. - У Вас глаза Вашей матери. Я помню, как она пришла ко мне за своей первой палочкой, словно это было вчера. Десять дюймов с четвертью, мягкая, ивовая. Отличная палочка для наговорной работы.

Он придвинулся ближе к Гарри. Гарри захотелось, чтобы он наконец моргнул - эти серебристые немигающие глаза нагоняли на него страх.

- Отец Ваш, напротив, предпочёл палочку красного дерева. Одиннадцать дюймов, пластичная. Помощнее, и незаменима для превращений. Это я так говорю - он предпочёл, на деле же, конечно, палочка колдуна выбирает. Мистер Оливандер подходил всё ближе и ближе, пока он и Гарри не очутились нос к носу. На Гарри глядели два его двойника, отражавшихся в туманных глазах хозяина.

- А вот сюда...

Мистер Оливандер ощупал своим длинным белым пальцем шрам-молнию.

- Сожалею, но именно я продал ту палочку, которая это сделала, - сказал он мягко. - Тринадцать с половиной дюймов. Тис. Очень сильная палочка, очень, а если попадёт не в те руки... ну, да если б знать, что та палочка натворит...

Он некоторое время молча качал головой, а потом, к облегчению Гарри, заметил Хагрида.

- Рубеус! Рубеус Хагрид! Какая приятная встреча... Дуб, шестнадцать дюймов, довольно изгибистая, не так ли?

- Что так, то так, сэр, - сказал Хагрид.

- Хорошая была палочка, хорошая. Однако, я полагаю, её сломали, когда Вас выгнали из школы? - с неожиданной строгостью спросил мистер Оливандер.

- Э-э... Так точно, сэр, сломали, ага, - ответил Хагрид, переминаясь. - Половинки-то у меня остались, - добавил он радостно.

- Но Вы её, конечно, больше не используете? - резко осведомился мистер Оливандер.

- О, нет, нет, сэр, как можно, - быстро ответил Хагрид. Гарри заметил, как при этом он покрепче ухватил ручку розового зонтика.

- Хм-м-м, - сказал мистер Оливандер, устремив на Хагрида пронзительный взор. - Ну, что ж - мистер Поттер. Поглядим, - он вытащил из кармана складной аршин с делениями, обозначенными серебром. - Вы какой рукой колдуете?

- Э-э... Я вообще-то правша, - сказал Гарри.

- Вытяните руку. Вот так.

Он измерил Гарри сначала от плеча до кончиков пальцев, потом от запястья до локтя, от плеча до пола, от колена до подмышки и вокруг головы. При этом он приговаривал:

- Внутри каждой палочки от Оливандера содержится сильное волшебное вещество, мистер Поттер. Мы используем волосы единорогов, хвостовые перья фениксов и драконьи жилы. Как нет на свете двух одинаковых единорогов, фениксов или драконов, так же нет и двух одинаковых волшебных палочек Оливандера. И уж само собой, если взять палочку другого колдуна, то результат будет совсем не тот.

Гарри вдруг понял, что аршин, который уже мерил между его ноздрями, работает сам по себе. Мистер Оливандер поржал меж полок, снимая с них коробки.

- Довольно, - сказал он, и аршин свалился на пол. - Ну-с, мистер Поттер. Попробуем-ка вот эту. Бук, жила дракона. Девять дюймов. Удобная, гибкая. Возьмите в руку и просто взмахните.

Гарри взял палочку и (чувствуя себя очень глупо) помахал ею, но мистер Оливандер тотчас же выхватил её из его руки.

- Клён, фениксово перо. Семь дюймов. С приятной отдачей. Попробуйте... Гарри едва успел поднять руку, как и эта палочка оказалась у мистера Оливандера.

- Нет, нет, нет... Вот. Эбонитовое дерево, волос единорога, восемь с половиной дюймов, пружинистая. Не бойтесь, пробуйте.

Гарри пробовал. И пробовал. И пробовал. Он понятия не имел, чего дожидался мистер Оливандер. Груда перепробованных палочек росла всё выше на витом стуле, но странное дело - чем больше палочек мистер Оливандер доставал, тем более счастливое выражение появлялось у него на лице.

- А, значит, сложный заказчик? Не извольте беспокоиться, подберём в точности то, что нужно... Интересно... А впрочем, почему бы и нет... необычное сочетание... Остролист и перо феникса, одиннадцать дюймов, послушная, упругая.

Гарри взял палочку в руки и почувствовал, как сквозь его пальцы потекло тепло. Он поднял её над головой, со свистом опустил, и в пыльном воздухе заиграли алые и золотые искры, которые слетели, как фейерверк, с конца палочки, бросая танцующие блики на стены и потолок. Хагрид захлопал в ладоши, а мистер Оливандер вскричал:

- Ах, браво! О, весьма, весьма удачно. Ну и ну... однако, как странно... надо же, как удивительно странно...

Он уложил палочку Гарри в коробку и завернул коробку в бумагу, не переставая бормотать:

- Странно... Удивительно...

- Простите, пожалуйста, - не выдержал Гарри, - что странно?

Мистер Оливандер уставился своими бледными глазами на Гарри.

- Я, мистер Поттер, помню каждую палочку, которую я когда-либо продал. Все до единой. Так уж вышло, что феникс, перо которого теперь внутри Вашей палочки, сбросил ещё одно перо - лишь одно. Воистину, удивительно странно, что Вам суждено владеть этой палочкой, в то время, как её сестра... Её сестра в ответе за Ваш шрам.

Гарри сглотнул.

- О да, тринадцать с половиной дюймов. Тис. Удивительно, как оно порой складывается. Помните, палочка выбирает колдуна... Полагаю, что от Вас стоит ждать великих свершений, мистер Поттер... В конце концов, Тот, Кого Мы Не Называем тоже творил великие дела... Ужасные, не спорю, но и великие.

Гарри вздрогнул. Теперь он не был уверен, что мистер Оливандер ему так уж понравился. Он уплатил за палочку семь золотых галеонов, и мистер Оливандер, кланяясь, выпроводил их из своей лавки.

Когда Гарри и Хагрид пробирались вниз по Диагоновому переулку, жаркое послеполуденное солнце уже склонялось к горизонту. Они снова прошли сквозь стену, потом через опустевший "Дырявый Котёл". Гарри ничего не говорил, пока они шли по улице; он даже не заметил, как глазели на них в вагоне метро - они были обвешаны коробками странной формы, да ещё в клетке у Гарри на коленях спала сова. Ещё один эскалатор, и они вышли к Паддингтонскому вокзалу. Гарри сообразил, где они находятся, только когда Хагрид потрепал его по плечу.

- Можно перехватить чего-нибудь, до поезда ещё пара минут.

Он купил гамбургеров, и они примостились на пластиковых сиденьях в зале ожидания. Гарри всё время оглядывался. Всё вокруг выглядело до невозможности странно.

- Эй, Гарри, ты как, в порядке? Ты какой-то тихий, - сказал Хагрид.

Гарри не знал, как ему объяснить. У него был самый чудесный день рождения во всём свете – и всё же... Он жевал гамбургер и пытался подобрать правильные слова.

– Все думают, что я какой-то особенный, – начал он наконец. – Все эти люди в "Дырявом Котле", профессор Квиррел, мистер Оливандер... А я про колдовство совсем ничего не знаю. Почему они решили ждать от меня великих свершений? Я, оказывается, знаменитый – только я не могу вспомнить, за что. Я не знаю, что случилось той ночью, когда Воль... прости, когда мои родители погибли.

Хагрид наклонился к нему через столик. В глубине его бороды и за мохнатыми бровями проглядывала добрая улыбка.

– А ты не бери в голову, Гарри. Научись, сам не заметишь. В Хогвартсе все с начала начинают, и ты с ними вместе. Ты только... будь тем, кто ты есть. Конечно, нелегко придётся. Ты не такой, как все, это всегда трудно. Но ты не бойся – в Хогвартсе здорово. Тебе понравится. Мне вот до сих пор нравится.

Хагрид посадил Гарри в поезд, на котором тот должен был приехать обратно к дому Дурсли, и протянул ему конверт.

– Это твой билет до Хогвартса. Первое сентября, вокзал Кингс Кросс [16] – ну, да там всё прописано. А если с семейкой твоей какие проблемы, так ты черкни мне пару строк, отправишь со своей совой, она знает, где меня искать... До скорой встречи, Гарри.

Поезд уже отходил от перрона. Гарри решил посмотреть на Хагрида, пока вокзал не скроется из виду, он залез с ногами на скамью и прижался носом к стеклу, но моргнул, и в следующий миг Хагрида уже не было.

Глава шестая. Отправление с платформы девять и три четверти.

Последний месяц, который Гарри пришлось провести в доме у Дурсли, радостным назвать было сложно. С одной стороны, Дадли теперь так боялся Гарри, что не хотел находиться с ним в одной комнате. С другой стороны, хотя дядя Вернон и тётя Петунья больше не запирали его в чулане, не заставляли его ничего делать, не орали на него – они при этом с ним вовсе не разговаривали. Наполовину в ярости, наполовину в ужасе, они вели себя так, как будто любой стул, на котором сидел Гарри, был на самом деле пустым. Бесспорно, во многих отношениях это определённо было улучшением, но через некоторое время начало действовать на нервы.

Гарри почти всё время проводил у себя в комнате со своей совой. Он решил назвать её Ядвигой [17]; это имя он откопал в "Истории Магии", и оно ему очень понравилось. Новые учебники были захватывающе интересными; читая их, он нередко засиживался допоздна, а Ядвига влетала и вылетала в распахнутое окно, когда ей хотелось. Хорошо, что тётя Петунья больше не приходила пылесосить – Ядвига любила приносить Гарри дохлых мышей. Каждый вечер, перед тем, как отправиться в постель, Гарри зачёркивал ещё одну клеточку на стенном календаре, и считал, сколько осталось до первого сентября.

В последний день августа он решился поговорить с дядей и тётей насчёт того, как ему добраться завтра до вокзала Кингс Кросс. Он спустился вниз и прошёл в гостиную. Вся семья в полном сборе смотрела какую-то программу с вопросами и призами. Гарри прокашлялся, давая им понять, что он вошёл в комнату. Дадли завизжал и пулей вылетел в коридор.

– М-м-м... Дядя Вернон?

Дядя Вернон крикнул – это означало, что он слушает.

– Дядя Вернон... Мне надо завтра на Кингс Кросс, ехать в... ехать в Хогвартс.

Дядя Вернон крикнул ещё раз.

– Вы не могли бы меня подвезти?

Ещё крик. Гарри решил принять его за подтверждение.

– Спасибо.

Он уже повернулся, чтобы идти обратно наверх, но тут дядя Вернон ни с того ни с сего заговорил.

- На поезд, значит. Странный способ до колдовской школы-то добираться. Ковёр-самолёт, видать, весь продырявился?

Гарри ничего не ответил.

- Где она хоть, эта школа?

- Я не знаю, - сказал Гарри, и вдруг понял, что он и в самом деле не знает. Тогда он вытащил из кармана конверт, который ему дал Хагрид, и прочёл:

- Мне надо сесть в поезд, который отходит в одиннадцать с платформы девять и три четверти.

Дядя и тётя уставились на него.

- С какой платформы?

- Девять и три четверти.

- Не болтай чепуху, - сказал дядя Вернон. - Нет там никакой платформы девять и три четверти.

- А у меня на билете есть.

- Чокнутые, - сказал дядя Вернон. - Все, как один, сдвинутые. Точно тебе говорю. Вот увидишь. Отвезём мы тебя на Кингс Кросс, так и быть. Твоё счастье, что мы и так в город собирались, за ради тебя я бы не поехал.

- А зачем вы собирались в Лондон? - спросил Гарри, пытаясь поддержать беседу.

- Дадли в больницу нужно, - проворчал дядя Вернон. - Этот чёртов хвост удалять, перед Смелтингом.

На следующее утро Гарри проснулся в пять, и заснуть уже не смог - для этого он был слишком взволнован и обеспокоен. Он встал и нацепил свои джинсы. Ехать на станцию в школьной мантии он не хотел; переоденется в поезде. Потом он ещё раз проверил Хогвартский список, чтобы убедиться, что всё в порядке, подёргал замок на Ядвигиной клетке, и стал шагать по комнате из угла в угол, коротая время до того, как поднимутся Дурсли. Два часа спустя тяжёлый сундук Гарри был погружен в багажник машины дяди Вернона, тётя Петунья уломала Дадли сесть назад вместе с Гарри, и они отправились.

К вокзалу Кингс Кросс они подъехали в половине одиннадцатого. Дядя Вернон шваркнул сундук Гарри на тележку и вкатил её в здание вокзала. Гарри едва успел подумать, что для него это было непривычно любезно, но тут дядя Вернон встал, как вкопанный, лицом к перрону, с ехидной ухмылкой на лице.

- Ну, дорогой мой, вот мы и пришли. Девятая платформа - десятая платформа. Твоя должна быть посередке, да вот жалость какая - её, кажется, не успели построить.

К сожалению, он был совершенно прав. Над ближайшей платформой висел большой пластиковый знак с цифрой девять; чуть подалше была платформа номер десять, а между ними не было ничего.

- Желаю тебе приятно поучиться, - сказал дядя Вернон ещё ехиднее и удалился. Гарри обернулся и увидел, как Дурсли сели в машину и укатили. Все трое хохотали, потешаясь над ним. Гарри прошибло потом. Что же теперь делать? На него уже начали обращать внимание из-за Ядвиги. Придётся у кого-нибудь спросить.

Он остановил проходившего мимо контролёра, но упомянуть платформу девять и три четверти не осмелился. Контролёр никогда о Хогвартсе не слышал, а когда Гарри не смог ему объяснить, в какой части страны Хогвартс находится, начал терять терпение, как будто Гарри нарочно притворялся непонятливым. В отчаянии Гарри спросил, откуда отправляется одиннадцатичасовой поезд, но контролёр сказал, что такого поезда нет. В конце концов контролёр сердито отошёл, бормоча что-то про потерянное время. Гарри изо всех сил старался не впасть в панику. Если верить большим часам над расписанием, у него оставалось десять минут, чтобы найти Хогвартский поезд, а он всё ещё понятия не имел, где его искать; он стоял посреди вокзала совершенно один, с огромным сундуком, который ему было едва под силу приподнять, полными карманами волшебных денег и большой совой.

Наверное, Хагрид забыл сказать ему какой-нибудь секрет, вроде третьего кирпича слева в стене, скрывающей Диагонов переулочек. Он уже подумывал достать свою волшебную палочку и постучать ею по каске между девятой и десятой платформой.

Как раз в это время за его спиной прошла группка людей, и он уловил обрывок их разговора.

- ... и конечно же, полным-полно муглей...

Гарри мигом повернулся. Сказала это, похоже, полная женщина, обращаясь к четырем мальчишкам с пламенно-рыжими волосами. Каждый из них толкал перед собой тележку с сундуком, и у них была сова.

С бьющимся сердцем Гарри со своей тележкой последовал за ними. Они остановились; встал и он, на почтительном расстоянии, но всё же так, чтобы их было слышно.

- Ну, кто помнит номер платформы? - спросила женщина.

- Девять и три четверти! - запишала девчушка, тоже рыжая, которая держала её за руку. - Мам, я тоже хочу...

- Помолчи немного, Джинни, ты ещё не доросла. Ну что ж, Перси, иди первым.

Мальчик, который на вид был старше остальных, направился к платформам. Гарри внимательно следил за ним, стараясь не моргать, чтобы ничего не упустить, но как только мальчик дошёл до решётки, разделяющей платформы девять и десять, его скрыла толпа вновь прибывших туристов, а когда рюкзак последнего из них наконец убрался с дороги, мальчик исчез из виду.

- Теперь ты, Фред, - сказала полная женщина.

- Никакой я не Фред, я Джордж, - сказал мальчик. - О женщина, и ты ещё зовёшь себя матерью? Неужели не видно, что я - Джордж?!

- Извини пожалуйста, милый.

- Да ладно, мам, я на самом деле Фред. Это шутка, - сказал мальчик, отходя от неё.

Другой мальчик - его близнец - крикнул ему вслед, чтобы тот поторапливался, и это, похоже, подействовало; не прошло и двух секунд, как он тоже пропал. Но куда?

Третий брат бодро подошёл к решётке... вот он уже был почти рядом с ней... и вдруг он рядом с ней не был.

И вообще нигде не был.

- Извините, пожалуйста, - обратился Гарри к полной женщине.

- Здравствуй, мой милый, - сказала она. - Первый раз в Хогвартс? Рон тоже новичок.

Она указала на последнего, самого младшего из своих сыновей. Тот был высокий и тощий, весь в веснушках, с большими руками, большими ногами и длинным носом.

- Да, - сказал Гарри. - Но вот, понимаете... понимаете, я не совсем знаю, как мне...

- Попасть на платформу? - закончила она за него добрым голосом. Гарри кивнул.

- Не беспокойся, - сказала она. - Нужно просто идти к решётке между девятой и десятой платформой. Только не останавливайся, и самое главное, не бойся о неё удариться. Если волнуешься, иногда помогает немного разбежаться. Хочешь, иди следующим, а Рон за тобой.

- Э-э... Ладно, - сказал Гарри.

Он развернул тележку и поглядел на решётку. С виду она была довольно прочная.

Он пошёл к решётке. На него натыкались люди, спешащие к платформам девять и десять. Гарри ускорил шаг. Сейчас он в эту решётку как врежется... Вот шуму-то будет... Он налёг на тележку и затрусил ещё быстрее. Решётка всё ближе и ближе... останавливаться уже поздно, тележка неудержимо тянула его вперёд... вот сейчас... Он зажмурился и приготовился налететь на решётку.

Но ни на что не налетел. Он продолжал бежать... и открыл глаза.

Алого цвета паровоз стоял у платформы, забитой людьми. Над головой висела табличка: "Хогвартс - Экспресс - 11:00". Гарри оглянулся и увидел на

месте решётки фигурную чугунную арку с надписью "Платформа девять и три четверти". Кажется, получилось.

Над гомонящей толпой вились клочья дыма, вылетавшего из трубы паровоза. Между ногами там и сям тёрлись разномастные кошки. Совы приветствовали друг дружку недовольным уханьем, перекрывая галдёж и скрип тяжёлых сундуков.

Первые несколько вагонов уже были до отказа забиты отъезжающими учениками. Некоторые вывешивались из окон, болтая со своими родными; другие дрались из-за мест. Гарри толкал свою тележку вдоль платформы в поисках свободного местечка. Он прошёл мимо какого-то круглолицего мальчика, который жаловался пожилой женщине:

- Бабушка, я опять жабу потерял!

- Ах, Невиль! - вздохнула женщина.

Кучка ребят окружила темнокожего мальчика с волосами, заплетёнными в мелкие косички.

- Ну ладно, Ли, ну, ну дай посмотреть!

Мальчик приподнял крышку небольшой коробки, которую он держал в руках, и оттуда высунулась длинная мохнатая нога. Ребята вокруг него завизжали. Гарри продирался сквозь толпу, пока не нашёл пустое купе почти в самом хвосте поезда. Первым делом он положил туда Ядвигу, а потом принялся заталкивать свой тяжеленный сундук [18]. Он пытался втащить его вверх по ступенькам, но едва мог оторвать его от земли. Сундук дважды преобильно свалился ему на ногу.

- Помочь?

Это был один из рыжих близнецов, за которыми он проходил сквозь решётку.

- Если можно, - запыхавшись, ответил Гарри.

- Эй, Фрэд! Жми сюда! Помогай!

С помощью близнецов сундук был наконец водворён в угол купе.

- Спасибо, - сказал Гарри, отводя волосы со вспотевшего лба.

- Ой, что это? - сказал вдруг один из близнецов, указывая на шрам-молнию.

- Чтоб я провалился, - сказал другой. - Это ты?

- Это он и есть, - сказал второй. - Правда ведь, ты он и есть? - добавил он, глядя на Гарри.

- Кто? - спросил Гарри.

- Гарри Поттер, - сказали близнецы хором.

- А. Да, это он, - сказал Гарри. - То есть, это я.

Братья уставились на него, и Гарри почувствовал, что краснеет. На его счастье, сквозь открытую дверь влетел чей-то голос:

- Фред! Джордж! Где вы там?

- Сейчас, мама.

Бросив последний взгляд на Гарри, близнецы соскочили с подножки.

Гарри сел к окну так, чтобы его почти не было видно, но сам он мог смотреть на рыжеволосую семью и слышать, что они говорят. Их мать как раз вытаскивала из кармана носовой платок.

- Рон, у тебя что-то на носу.

Младший из братьев попытался увернуться, но она ловко ухватила его и принялась оттирать кончик его носа.

- Ма-ам! Ну хватит! - отбивался он.

- Ахти, малюточка Ронечка чем-то измазал носик! - сказал один из близнецов.

- А ты заткнись, - сказал Рон.

- Где Перси? - спросила мать.

- Сейчас придёт.

Появился старший из мальчиков. Он уже переоделся в разлетающуюся чёрную Хогвартскую мантию, на груди которой Гарри заметил блестящий серебряный значок с буквой "П".

- Мама, долго не задержусь, - сказал он важно. - Я буду впереди, префектам [19] отвели два отдельных купе...

- Ах, Перси, ты у нас, оказывается, префект? - удивлённо спросил один из близнецов. - Что же ты нам раньше-то ничего не сказал?

- Погоди-ка, я что-то подобное припоминаю, - подхватил второй. - Говорил он как-то раз...

- Двадцать...

- В минуту...

- Всё лето...

- Помолчите вы, - сказал префект Перси.

- И почему это Перси досталась новая мантия? - не унимался один из близнецов.

- Потому что он - префект, - гордо сказала мать. - Ну иди, милый мой, желаю тебе хорошей четверти. Как доберётесь, пришли сову. Она поцеловала Перси в щёку, и тот умчался. Потом она обернулась к близнецам.

- А вы двое... В этом году потрудитесь вести себя как следует. Если я получу ещё хоть одну сову о том, что вы там опять... взорвали туалет или...

- Взорвали туалет? Мы никогда не взрывали туалет.

- Хотя идея отличная, спасибо, мамочка.

- Ну и не смешно. И присмотрите там за Роном.

- Не бойся, мама, мы малюточку Ронечку в обиду не дадим.

- Заткнись ты, - снова сказал Рон. Он был ростом почти с близнецов. Нос у него всё ещё розовел в том месте, где мать его тёрла.

- Mam, mam, а знаешь что? Ни за что не угадаешь, кого мы встретили в поезде!

Гарри быстро пригнулся, чтобы они не заметили, что он за ними наблюдает.

- Помнишь того черноволосого мальчика, который шёл за нами на вокзале? Знаешь, кто это?

- Кто?

- Гарри Поттер!

Гарри услышал голосок маленькой девочки.

- Мама, мамочка, можно, я пойду в поезд и тоже его увижу, можно, можно? Ну пожалуйста...

- Джинни, ты его уже видела, а глазеть на него нечего - он тебе не крокодил в зоопарке. Неужто в самом деле, Фред? Откуда ты знаешь?

- Сам спросил. И шрам видел. Прямо на лбу - как молния.

- Бедняжка. А я-то думала - почему он один? Он так вежливо спросил, как пройти на платформу.

- Да это ладно. Как ты думаешь, он помнит, какой Сам-Знаешь-Кто с виду? Их мать внезапно посуровела.

- Я тебе запрещаю его расспрашивать. Даже не вздумай. Вот уж о чём ему совершенно не стоить вспоминать в первый день школы.

- Да ладно, мам. Не тормозишь ты так.

Раздался свисток.

- Ну, бегите! - сказала их мать, и трое мальчишек забрались в вагон. Они немедленно высунулись по пояс из окна, чтобы она смогла поцеловать их на прощание, а их младшая сестра принялась реветь.

- Джинни, не надо, перестань! Мы пришлём тебе сову.

- Мы пришлём тебе кучу сов.

- Мы пришлём тебе сиденье от туалета.

- Джо-ордж!!!

- Шутка, мама, просто шутка.

Поезд тронулся. Гарри увидел, как мама мальчиков махала им рукой, а сестрёнка, наполовину в слезах, наполовину улыбаясь, бежала за поездом, пока он не разогнался - тогда она отстала и тоже махала.

Гарри глядел на них, пока поезд не повернул. Мимо окон проносились дома.

В груди у Гарри сидело какое-то приятное волнение. Он не знал, что его ждёт впереди - но оно было уж точно лучше, чем то, от чего он уезжал.

Дверь купе отъехала в сторону, и вошёл самый младший рыжий мальчик.

- Здесь занято? - спросил он, указывая на кресло напротив Гарри. - А то везде уже полно.

Гарри помотал головой, и мальчик сел. Он украдкой бросил взгляд на Гарри, но сразу же отвернулся и стал смотреть в окно. На носу у него всё ещё было пятнышко сажи.

- Эй, Рон!

Двойняшки были тут как тут.

- Слышь, мы идём в середину поезда - говорят, у Ли Джордана там гигантский тарантул.

- Ну и пусть, - пробормотал Рон.

- Гарри, - сказал второй близнец. - Мы, кажется, не представились. Фред и Джордж Уизли. А это наш братец Рон. Ну, тогда привет!

- Пока, - сказали Гарри и Рон. Близнецы задвинули дверь и она со шелчком захлопнулась.

- А ты правда Гарри Поттер? - выпалил Рон.

Гарри кивнул.

- Ага... То есть, здорово - а то я думал, что это очередная шутка Фреда с Джорджем, - сказал Рон. - А у тебя в самом деле есть... Ну, это...

Он указал на лоб Гарри.

Гарри откинул чёлку, чтобы показать шрам. Рон уставился на него.

- Значит, Сам-Знаешь-Кто сюда...

- Да, - сказал Гарри. - Только я ничего не помню.

- Совсем? - жадно спросил Рон.

- Ну... Я помню очень яркий зелёный свет, и всё.

- Ух ты, - сказал Рон. Он ещё немного посидел, не отрывая глаз от Гарри, а потом, словно внезапно осознав, что он делает, снова повернулся к окну.

- А твоя семья - они что, все колдуны? - спросил Гарри, которому Рон казался не менее интересным, чем он сам казался Рону.

- Э-э... да, наверное, - сказал Рон. - У мамы, вроде бы, есть троюродный брат, который работает бухгалтером, но мы о нём никогда не говорим.

- Ты, небось, уже знаешь разное там волшебство...

Уизли, очевидно, и были одной из тех старых колдовских семей, о которых говорил бледный мальчик в Диагоновом переулке.

- А про тебя говорят, что ты пошёл жить с муглями, - сказал Рон. - Ну, и как они?

- Просто ужас - то есть, не все, конечно. Но мои дядя и тетя, и двоюродный брат - ещё как. Хотел бы я иметь трёх братьев-колдунов!

- Пятерых, - сказал Рон. Он почему-то помрачнел. - Я в семье шестой, кто идёт в Хогвартс. Можно сказать, на меня возложены большие обязанности.

Билл и Чарли уже закончили. Билл был староста, а Чарли - капитан сборной колледжа по квиддичу. Теперь Перси префектом сделали. Фред и Джордж -

они, конечно, хулиганят порядочно, но у них всегда хорошие отметки, и с ними всем всегда весело. Теперь они ждут, что у меня всё тоже будет

отлично. А если и будет - ну и что, ничего такого, потому что они уже были первые. И мне никогда не достаётся ничего нового, с пятью-то

братьями. От Билла ко мне перешла его старая мантия, от Чарли - палочка, а от Перси - старая крыса.

Он полез в карман курточки и вытащил оттуда за хвост крепко спящую жирную серую крысу.

- Его зовут Скабберс, и пользы от него никакой. Он вообще почти не просыпается. За то, что Перси стал префектом, папа купил ему сову, а на меня денег не хва... В общем, я получил Скабберса.

У Рона порозовели уши. Он, кажется, решил, что сболтнул чего-то лишнего, и снова отвернулся к окну.

Гарри вовсе не считал, что когда нет денег на сову - это почему-то стыдно. У него-то никогда в жизни никаких денег не было, по крайней мере до прошлого месяца. Он так Рону и объяснил, а потом рассказал, как ему приходилось донашивать одежду за Дадли и какие подарки Дурсли дарили ему на дни рождения. Рон заметно повеселел.

- ... А потом Хагрид и говорит: "Как, ты не знаешь, что ты колдун, и про своих родителей, и про Вольдеморта..."

Рон ахнул.

- Ты чего? - спросил Гарри.

- Ты произнёс имя Сам-Знаешь-Кого! - сказал Рон, со страхом и уважением одновременно. - Я думал, что уж тебе-то...

- Да я его произнёс, не чтобы показать, какой я смелый, или что, - сказал Гарри. - Просто я не знал раньше, что так не делают. Вот же я и говорю - мне ещё столько учиться... Спорим, - добавил он, пытаюсь высказать то, что в последнее время очень его беспокоило, - спорим, я в классе буду хуже всех.

- А вот и нет. Знаешь, сколько ребят приходит из мuggleвых семей, и очень быстро всему научаются.

Пока они болтали, поезд уже проехал через предместья Лондона. Они неслись мимо зелёных лугов, на которых паслись стада коров и овец. Некоторое время они помолчали, глядя в окно на мелькающие поля и просёлки.

Примерно в половине первого в коридоре раздался ужасный лязг и грохот, и улыбающаяся женщина с ямочками на щеках распахнула дверь в их купе.

- Не хотите ли чего-нибудь с тележки, мальчишки? - спросила она.

Гарри, который в тот день ещё не завтракал, сразу же вскочил, а у Рона опять покраснели уши, и он пробормотал, что у него с собой бутерброды.

Пока Гарри жил у Дурсли, ему никогда не давали денег на сладости, но теперь в карманах у него побрякивали монетки - и золотые, и серебряные, и он приготовился закупить столько батончиков "Марс", сколько в руках поместится. Но женщина батончики не продавала. На тележке были "Мармеладки Берти Боттс - на любой вкус", "Лучшая жевательная резинка Друбля", шоколадные жабы, тыквенные слойки, кексы в виде котлов, лакричные волшебные палочки и ещё много других странностей, которых Гарри никогда прежде не видал. Боясь что-нибудь упустить, он взял всего понемножку, и заплатил женщине одиннадцать серебряных сиклей и семь медных кнутсов.

Рон смотрел, не отрываясь, как Гарри внёс своё сладкое богатство в купе и высыпал на свободное сиденье.

- Ты что, голодный?

- Ещё какой, - ответил Гарри, вгрызаясь в тыквенную слойку.

Рон достал помятый пакет и развернул его. Внутри было четыре бутерброда. Он разнял один из них и грустно сказал:

- Она опять забыла, что я не люблю варёное мясо.

- Сменяемся? А я тебе дам вот это, - сказал Гарри, протягивая Рону слойку. - Давай!

- Да ну, зачем тебе это. Бутерброды такие сухие, - сказал Рон. - У неё просто времени не хватает, - быстро добавил он, - с нами-то пятерыми.

- Да ладно тебе, возьми тогда просто так, - сказал Гарри, у которого впервые в жизни было что-то, чем он мог с кем-то поделиться - а если задуматься, то и кто-то, с кем поделиться хотелось. Ему было удивительно приятно сидеть рядом с Роном, поедая слойки, кексы, пирожки и конфеты. О бутербродах они больше не вспоминали.

- А это что такое? - спросил Гарри у Рона, указывая на пакетик с шоколадными жабами. - Там внутри ведь не всамделишные жабы, правда? У него было такое чувство, что даже это его бы теперь не удивило.

- Нет, - сказал Рон. - Посмотри только, кто там на вкладыше. Я всё Агриппу ищу, мне не хватает.

- Чего?

- Ах да, ты же не знаешь. В шоколадных жабах внутри всегда вкладыши, карточки... Ну, чтобы собирать, в коллекцию. Знаменитые колдуны и ведьмы. У меня уже штук пятьсот, но вот Агриппы нет. И Птолемея.

Гарри развернул шоколадную жабу и вытащил карточку. На ней был портрет пожилого мужчины. У него были очки в форме двух полумесяцев, длинный неровный нос, развевающиеся серебристые волосы, длинные седые усы и борода. Под картинкой было отпечатано имя - Альбус Дамблдор.

- Так вот он какой, Дамблдор! - сказал Гарри.

- Не может быть, чтобы ты и про Дамблдора никогда не слышал! - отозвался Рон. - А можно мне тоже жабу? Вдруг всё-таки Агриппа попадётся... Спасибо.

Гарри перевернул карточку и прочёл:

Альбус Дамблдор

В настоящее время - директор Хогвартской школы.

Пользуется славой величайшего колдуна современности. Известен победой над чёрным колдуном Гриндельвальдом в 1945 году. Открыл двенадцать применений крови дракона. Также знаменит работами в области алхимии со своим коллегой, Николая Флямелем. В свободное время профессор Дамблдор увлекается камерной музыкой и кеглями.

Гарри снова перевернул карточку и к своему изумлению обнаружил, что лицо Дамблдора исчезло.

- Он пропал!

- Ну, не станет же он там торчать весь день, - сказал Рон. - Вернётся, куда денется. А у меня опять Моргана. У меня её и так уже шесть. Хочешь, бери? Ты тоже можешь начать собирать.

Глаза Рона упали на пакет с шоколадными жабами, которые так и ждали, пока их развернут.

- Можешь заняться, - кивнул Гарри. - Только знаешь, в мuggleвом мире люди с фотографий никуда не исчезают.

- Да ну? Что, они совсем-совсем не двигаются? - удивился Рон. - Во дают! Гарри глядел на карточку. Дамблдор всунулся обратно в рамку и легонько улыбнулся.

Рона гораздо больше интересовали сами шоколадные жабы, чем вкладыши из серии "Знаменитые колдуны и ведьмы", а Гарри просто не мог на них насмотреться. Скоро к Дамблдору и Моргане прибавились Энгист Вудкрофтский, Альберих Грунион, Цирцея, Парацельс и Мерлин. Он еле оторвался от друидки Клиэвны, которая ковыряла в носу, и вскрыл пачку "Мармеладок Берти Боттс на любой вкус".

- С этими поосторожней, - предупредил Рон. - Когда они пишут "на любой вкус", они и в самом деле имеют в виду любой вкус. Обычные там тоже есть - ну, лимонные, мятные, апельсиновые, но запросто можно попасть на печёнку. Или шпинат. Джордж утверждает, что у него была одна вкуса соплей.

Рон выбрал зелёную, внимательно осмотрел её со всех сторон и осторожно откусил.

- Тьфу-у! Трава! Я же говорил!

Они изрядно повеселились над мармеладками на любой вкус. Гарри достались хлебная, кокосовая, фасолевая, клубничная, коричная, кофейная, шпротная, и он даже решился надкусить одну странноватую, серого цвета, от которой Рон наотрез отказался. Она была с молотым перцем.

Пейзаж за окном становился всё более диким. Подстриженные пастбища исчезли; вместо них за окном пролетали перелески, реки и тёмно-зелёные холмы.

В дверь купе постучали, и к ним зашёл тот самый круглолицый мальчик, которого Гарри встретил на платформе девять и три четверти. Он едва не плакал.

- Прошу прощения, - сказал он. - Вы тут случайно жабу не видели?

Гарри и Рон помотали головами, и тут мальчик разрыдался.

- Она потерялась! Она всё время от меня упрыгивает!

- Найдётся, - сказал Гарри.

- Ну да, - жалобно всхлипнул мальчик. - Если вы её увидите...

Он вышел.

- И чего это он так расстроился, не пойму, - сказал Рон. - Если бы мне с собой дали жабу, я бы её постарался потерять как можно скорее. Хотя - у меня Скабберс, так что кто бы говорил.

Крыса так и дремала у Рона на коленях.

- Он сдохнет, никто и не заметит, - сказал Рон с отвращением. - Я его вчера хотел жёлтым сделать, чтобы он хоть чуть-чуть был поинтереснее, только заклинание не подействовало. Сейчас покажу...

Он покопался в своём сундуке и вытащил потрёпанную волшебную палочку. Местами от неё были отколоты щепочки, а на кончике проглядывало что-то блестящее.

- Это волос единорога, уже почти вылез. Значит, так...

Не успел он поднять палочку над головой, как дверь снова отворилась. В коридоре опять стоял мальчик, который потерял жабу, на этот раз в сопровождении девочки. На ней уже была Хогвартская мантия.

- Вы видели где-нибудь жабу? Невиль её потерял, - сказала она. У неё был требовательный голос, копна пушистых каштановых волос и довольно большие передние зубы.

- Мы уже ему сказали, что не видели, - ответил Рон, но девочка его не слушала. Она смотрела на палочку в его руке.

- Колдовать собираетесь? Ну, посмотрим, посмотрим.

И она уселась рядом. Рон ошалело поглядел на неё.

- Э-э... ну ладно.

Он прокашлялся.

- Трое сбоку, ваших нет,
Красим крысу в жёлтый цвет!

Рон взмахнул палочкой, но ничего не произошло. Скабберс был по-прежнему серым, и продолжал крепко спать.

- А ты уверен, что это настоящее заклинание? - спросила девочка. - Не очень-то оно хорошо действует. Я несколько простеньких чар попробовала, так, для разминки, и все отлично вышли. В моей семье никого колдовского нет, я так удивилась, так удивилась, когда письмо получила, но я, конечно, сразу очень-очень обрадовалась, ещё бы, потому что это ведь самая лучшая школа для ведьм, какая только есть на свете, так все говорят, я все-все учебники уже наизусть знаю, только бы это пригодилось - да, кстати, я Гермiona Грейнджер [20], а вас как зовут?

Всё это она протараторила чрезвычайно быстро.

Гарри посмотрел на Рона и с облегчением заметил, что судя по его обалделому выражению лица, он тоже ещё не выучил наизусть учебники.

- Я Рон Уизли, - пробормотал Рон.

- Гарри Поттер.

- В самом деле? - воскликнула Гермiona. - Я про тебя всё-всё знаю, разумеется - я ещё несколько книг взяла, для дополнительного чтения, и про тебя есть в "Новейшей истории магии", и в "Расцвете и падении чёрных искусств", и в "Главных колдовских событиях двадцатого века".

- Про меня? - спросил Гарри, пытаясь прийти в себя.

- Ну да, как же ты не знаешь, да если бы я была на твоём месте, я бы уж всё разузнала, - сказала Гермiona. - Вы кто-нибудь уже знаете, кто в каком колледже будет? Я тут спрашивала, я думаю, что хорошо бы попасть в Гриффиндор, про него лучше всего отзываются; я читала, что сам Дамблдор его заканчивал, но Враноклюв тоже звучит вполне прилично... Ну, нам пора идти дальше искать жабу Невилля. А вам неплохо бы уже переодеться, я так считаю, что мы уже подъезжаем.

И она удалилась, забрав с собой безжабного мальчика.

- В какой бы колледж я ни попал, только бы не в тот, в котором она, - сказал Рон, швыряя палочку обратно в сундук. - Не заклинание, а барахло. Мне его Джордж рассказал, а сам, небось, знал, что оно не работает.

- А в каких колледжах твои братья? - спросил Гарри.

- Все в Гриффиндоре, - сказал Рон. Он снова был чернее тучи. - И мама оттуда, и папа. Если я туда не попаду, я уж и не знаю, что они тогда скажут. Наверное, Враноклюв и в самом деле не так уж плохо. А представь, определяют меня в Пресмыкайс...

- Это колледж, в котором был Воль... то есть, Сам-Знаешь-Кто?

- Ага, - сказал Рон и плюхнулся на сиденье.

- Слушай, у Скабберса, кажется, кончики усов немного посветлели, - сказал Гарри, чтобы отвлечь Рона от размышлений о колледжах. - А чем твои братья занимаются после школы?

Гарри было очень интересно, что колдуны делают после того, как выучиваются колдовать.

- Чарли сейчас в Румынии, работает с драконами, а Билл в Африке, что-то там для Гринготта, - ответил Рон. - Да, а про Гринготт-то слышал? И в "Вечернем пророке" было - хотя, конечно, у муглей об этом вряд ли напишут. Кто-то пытался ограбить секретный сейф.

Гарри уставился на него.

- И что с ним случилось?

- Ничего, оттого-то все так и прыгают. Не смогли поймать. Папа говорит, что это, должно быть, очень сильный чёрный колдун, а иначе в Гринготт не проникнешь, но ничего не пропало, вот что странно. Всё равно, все страшно напуганы. Они всегда пугаются, когда что-нибудь такое случается, потому что вдруг это Сам-Знаешь-Кто.

Гарри вертел новость так и сяк у себя в голове. Теперь и у него начало неприятно покалывать внутри каждый раз, когда упоминался Сам-Знаешь-Кто. Он решил, что это просто необходимая часть волшебного мира, но ему было бы гораздо удобнее продолжать говорить "Вольдеморт" и не бояться.

- А за кого ты в квиддич болеешь? - спросил Рон.

- М-м-м... Я никого не знаю, - признался Гарри.

- Чего?! - Рон недоумённо воззрился на него. - Вот увидишь, это самая здоровская игра на свете...

И тут Рона понесло. Он всё рассказывал, и дополнял, и объяснял - про четыре мяча, про расположение игроков, про то, на какие известные матчи он ходил с братьями, и какое помело он бы себе купил, если бы у него было много денег... Рон как раз посвящал Гарри в наиболее запутанные аспекты игры, как дверь в купе раскрылась ещё раз. Только это не был Невиль, потерявший жабу, или Гермiona Грейнджер.

Вошли три мальчика, и среднего из них Гарри сразу же узнал - это был тот самый, бледный, из ателье. Теперь он рассматривал Гарри с гораздо большим интересом, чем тогда в Диагоновом переулке.

- Это правда? - спросил он. - По всему поезду ходят слухи, что в этом купе сидит Гарри Поттер. Это, значит, ты и был?

- Да, - сказал Гарри. Он глядел на двух других мальчиков. Оба были плотного сложения, и выглядели крайне злобно. Они стояли с обеих сторон бледного мальчика, как телохранители.

- А, это Краббе, а это Гойл, - беззаботно сказал бледный мальчик, заметив, куда смотрел Гарри. - А моя фамилия Малфой [21]. Драго Малфой. Рон негромко кашлянул, как бы пытаясь подавить смехок. Драго Малфой поглядел в его сторону.

- Тебе что, слишком весело стало? Про тебя-то и спрашивать нечего. Отец мне уже объяснил - Уизли за версту видать. Рыжие, конопатые, и детей всегда больше, чем они могут себе позволить.

Он повернулся обратно к Гарри.

- Ты скоро поймешь, что есть колдовские семьи, которые куда лучше, чем некоторые прочие, Поттер. Тебе не пристало дружить с кем ни попадя. Я тебе могу помочь, ясно?

Он протянул Гарри руку, но Гарри её не взял.

- Благодарю, но с кем мне дружить, я и сам разберусь, - холодно сказал он.

Драго Малфой не то чтобы покраснел, но его матовые щёки приобрели слегка розоватый оттенок.

- На твоём месте я бы поостерёгся, Поттер, - медленно произнёс он. - Если не станешь повежливей, смотри, как бы с тобой не случилось то же самое, что и с твоими родителями. Они тоже не знали, с кем и как себя надо держать. Будешь водиться со всякой шушерой вроде Уизли или этого Хагрида - сам замараешься.

Гарри и Рон встали.

- А ну, повтори, - сказал Рон. Лицо у него стало под цвет волос.

- А ты, может, драться с нами решил? - фыркнул Малфой.

- Давай вали, а то получишь, - сказал Гарри, напустив на себя храбрый вид. На самом деле Краббе и Гойл были гораздо больше его с Роном.

- А нам вовсе не хочется уходить, правда, ребята? Мы свою еду уже всю съели, а у вас тут вон ещё сколько.

Гойл потянулся к шоколадным жабам. Рон прыгнул на него, но не успел он ничего сделать, как Гойл вдруг оглушительно заверещал.

Скабберс свисал у него с пальца, запустив свои мелкие острые зубы глубоко в мякоть. Краббе и Малфой отшатнулись, а Гойл вертел крысой во все стороны, пытаясь её стряхнуть, и орал. Наконец Скабберс разжал челюсти, отлетел и шмякнулся в оконное стекло, а вся троица в одно мгновение вылетела в коридор. То ли они решили, что среди сладостей притаились ещё полчища крыс, то ли услышали шаги - в дверь уже входила Гермиона Грейнджер.

- Что это здесь за шум... был? - строго спросила она, глядя на рассыпанные по всему полу сласти. Рон поднял Скабберса за хвост.

- Кажется, он отрубился, - сказал Рон. Потом он пригляделся повнимательнее. - Нет, ну это ж надо! Опять заснул.

Скабберс и в самом деле мирно спал.

- Ты что, с этим Малфоем уже знаком?

Гарри рассказал о встрече в Диагоновом переулке.

- Слышал я об этой семейке, - мрачно сказал Рон. - Они были чуть ли не самые первые из тех, кто обратно к нам переметнулись, когда Сам-Знаешь-Кто исчез. Всё жаловались, будто он их зачаровал. Только мой папа в это не верит. Он говорит, что старшему Малфоем никакие чары не нужны, чтобы на Чёрную сторону перейти.

Он повернулся к Гермионе.

- А тебе чего нужно?

- Вы бы лучше переоделись, да побыстрее, я только что ходила в голову поезда, и кондуктор мне сказал, что мы уже почти приехали. Вы тут уж не дратья ли задумали? Мы ещё и доехать не успели, а вы уже безобразничаете!

- Ничего мы не дрались, это всё Скабберс, - сказал Рон нахмурившись. - А теперь как насчёт отсюда удалиться и дать нам спокойно переодеться?

- Ну и ладно! Я вообще только потому зашла, что в коридоре какой-то ужас творится, все носятся, как угорелые, ну просто дети малые, - наставительно сказала Гермиона. - А у тебя, между прочим, сажа на носу. Рон бросил ей в спину сердитый взгляд.

Гарри выглянул в окно. Уже темнело, небо стало тёмно-лиловым, вдали были видны горы. Поезд заметно сбавлял ход.

Они с Роном скинули свои курточки и влезли в длинные чёрные мантии.

Мантия Рона была ему коротка - из-под неё выглядывали кроссовки.

В коридоре раздался чей-то голос:

- Наш поезд прибывает в Хогвартс через пять минут. Просьба багаж оставить в купе - он будет доставлен в школу отдельно.

У Гарри снова засосало под ложечкой от волнения, а Рон побледнел, отчего веснушки выступили ещё сильнее. Они распихали остатки конфет по карманам и протолкались в коридор, уже набитый людьми.

Они приближались к месту своего назначения. Поезд шёл всё медленнее и медленнее, и наконец остановился. Все высыпали на крошечную, тёмную платформу. Холодный ночной воздух забирался Гарри под мантию. Вскоре над головами учеников заплескал огонёк фонаря, и Гарри услышал знакомый говор:

- Первоклашки! Первоклашки сюда! Эй, Гарри, как ты там?

Сияющее лицо Хагрида возвышалось над толпой.

- Ну-ка, за мной, за мной... Ещё есть первоклашки? Осторожно, ступенька! Первоклашки все со мной!

Оскальзываясь и спотыкаясь, они потянулись за Хагридом вниз по крутой узкой тропке. По обеим сторонам была уже кромешная тьма. Гарри подумал, что лес здесь, должно быть, очень густой. Никто не разговаривал, только Невиль, мальчик, который потерял жабу, шмыгал носом.

- Сейчас увидите в первый раз, какой он, Хогвартс, - объявил через плечо Хагрид, - вот за этим поворотом.

Ответом ему было дружное "О-о-о!".

Тропинка внезапно оборвалась на берегу большого тёмного озера. На другой стороне, на верхушке высокой горы, раскинулся замок с множеством сводов и башенок, в его окнах блестели огоньки, перемигиваясь со звёздным небом.

– По четыре на лодку, не больше! – сказал Хагрид, указывая на целую флотилию маленьких лодок, покачивавшихся в воде у берега. Вслед за Гарри и Роном в их лодочку залезли Невиль и Гермiona.

– Все в сборе? – прокричал Хагрид, который сидел в лодке один. – Ну, стало быть – ВПЕРЁД!

Лодки одновременно снялись с места и заскользили по озеру, гладкому, как зеркало. Все молчали, глядя на замок. Чем ближе они подплывали, тем более грандиозным он казался, нависая над скалой, на которую они держали.

– Пригнуться! – скомандовал Хагрид, когда первая лодка достигла скалы; они пригнулись, и лодочки пронесли их сквозь заросли плюща, скрывавшие широкий проём в каменной стене. Потом они проплыли по узкому тёмному коридору, который, казалось, уводил их всё глубже под замок, пока наконец не остановились в подземной бухте. Все выбрались на каменистый берег.

– Эй, там! Не твоя, случаем, жаба? – спросил Хагрид, который проверял каждую лодку.

– Тревор! – вскричал Невиль с блаженным выражением на лице, протягивая руки.

Потом, следуя за фонарём Хагрида, все карабкались по ступенькам, вырубленным в скале, которые вывели их на влажный ровный луг в тени от замка.

Ещё один пролёт каменной лестницы – и они стояли перед огромными дубовыми воротами.

– Все здесь? Как там жаба, цела ещё?

Хагрид поднял свой великанский кулак и трижды ударил им в ворота замка.

Глава седьмая. Разборная шляпа.

Одна створка ворот тут же распахнулась. На пороге стояла высокая черноволосая ведьма в изумрудно-зелёной мантии. У неё был очень строгий вид; Гарри сразу же пришла в голову мысль, что с ней шутки плохи.

– Это первоклашки, профессор Макгонагелл, – сказал Хагрид.

– Благодарю, Хагрид. Им теперь со мной.

Она широко раскрыла дверь. Приёмная зала была такой необъятной, что дом Дурсли поместился бы в ней целиком. Пылающие факелы освещали каменные стены, совсем как в Гринготте, а потолок был такой высокий, что разглядеть его было невозможно. Роскошная мраморная лестница вела на верхний этаж.

Они прошли за профессором Макгонагелл через залу, ступая по искусно выложенному каменному полу. Когда они проходили мимо двери, ведущей куда-то вправо, Гарри различил шум сотен голосов – вся школа, должно быть, уже была в сборе – но профессор Макгонагелл провела их мимо и указала на небольшую пустую комнату в дальнем углу. Они набились в неё; получилось немного тесновато. Ребята толкались и нервно озирались вокруг.

– Добро пожаловать в Хогвартс, – сказала профессор. – Вскоре мы приступим к торжественному ужину в ознаменование начала нового учебного года, но прежде чем вы займёте свои места в Большом Зале, вы будете разобраны по колледжам. Разбор – чрезвычайно важная церемония, поскольку на время вашего пребывания здесь ваш колледж станет для вас в определённом смысле семьёй внутри Хогвартса. Вы будете ходить на уроки со своим колледжем, спать в отдельном общежитии и проводить свободное время в общей комнате колледжа. Имена четырёх колледжей – Гриффиндор, Футьнут, Враноклюв и Пресмыкайс. Все они гордятся своей историей, и из всех вышли в своё время выдающиеся колдуны и ведьмы. Каждая ваша победа здесь, в Хогвартсе, будет приносить очки вашему колледжу; за каждую провинность очки будут вычитаться. По итогам года колледж, набравший наибольшее количество очков, удостоивается высокой чести – кубка школы. Я надеюсь, что все вы дадите вашим колледжам основание вами гордиться. Церемония Разбора начнётся через несколько минут, в присутствии всех остальных учеников и

учителей школы. Советую вам использовать это время, чтобы привести себя в порядок, насколько возможно.

Её глаза задержались на мантии Невилля, застёгнутой под его левым ухом, и на испачканном носе Рона. Гарри тщетно попытался пригладить волосы.

– Как только всё будет готово, я за вами приду, – сказала профессор Макгонагелл. – А пока прошу вас соблюдать тишину.

И она вышла из комнаты. Гарри сглотнул.

– А как это они собираются нас разобрать? – спросил он у Рона.

– Наверно, экзамен какой-нибудь. Фред говорит, что это жутко больно. Шутит, небось, как обычно.

Сердце у Гарри подпрыгнуло. Экзамен? Перед всей школой? Но он же ещё никакого колдовства не знал – что же он сможет сделать? Он никак не ожидал ничего подобного так скоро после прибытия. В волнении он начал оглядываться, и увидел, что остальные напуганы ничуть не меньше. Почти все молчали, кроме Гермионы Грейнджер, которая быстро-быстро шептала что-то о заклинаниях, которые она успела выучить. Гарри изо всех сил старался её не слушать. Никогда в жизни он не боялся так, как сейчас – даже когда нёс к Дурсли записку, в которой сообщалось, что он каким-то образом перекрасил парик учительницы в синий цвет. Он не сводил глаз с двери. Сейчас, сию минуту, вернётся профессор Макгонагелл, и тогда ему конец. И тут случилось нечто такое, от чего он подпрыгнул в воздух чуть не на полметра. Некоторые ребята завизжали.

– Это ещё что? – ахнул он, и не он один.

Сквозь дальнюю стену вдруг просочились не меньше двадцати призраков. Они были молочно-белые и наполовину прозрачные, и плыли себе в воздухе, разговаривая между собой и не обращая на них никакого внимания. Похоже было, что они продолжали какой-то спор. Один из них, похожий на низенького толстого монаха, говорил:

– Забыть да простить, вот что я скажу. Надо дать Брюзге возможность исправиться.

– Дорогой Брат, мы ему давали уже предостаточно возможностей. Сколько можно? Из-за него на нас всех смотрят искоса, а он, если разобраться, к тому же вовсе и не призрак... Эй, а вам здесь чего надо?

Призрак в лосинах и жабо наконец заметил первогодков.

Ответа ему не последовало.

– Пополнение! – широко улыбаясь, объявил Толстый Монах. – Разбора ожидаете, верно я говорю?

Кто-то молча кивнул.

– Надеюсь видеть вас в Футынуте! – сказал Монах. – Я его кончал когда-то, между прочим.

– Ну, а теперь пролетайте, – произнёс чей-то резкий голос. – Церемония Разбора сейчас начнётся.

Это вернулась профессор Макгонагелл. Призраки один за другим исчезли в противоположной стене.

– Постройтесь в линейку, – сказала первоклассникам профессор Макгонагелл, – и следуйте за мной.

Чувствуя, будто ноги у него налились свинцом, Гарри встал за светловолосым мальчиком, Рон встал за ним, и они вышли из комнаты, снова прошли через прихожую, а потом, через двойные двери, вошли в парадный зал.

Гарри никогда и представить себе не мог, что возможно на свете такое странное великолепие. Зал был освещён многими тысячами свеч, висевшими в воздухе над четырьмя длинными столами, за которыми сидели остальные ученики. Столы были уставлены тускло отблёскивающими золотыми блюдами и кубками. Во главе зала стоял ещё один стол, за которым сидели учителя. Профессор Макгонагелл подвела первоклассников к этому столу, так что они оказались лицом к ученикам, а учителя были у них за спиной. Сотни лиц глядели теперь на них, похожие на бледные лампы в дрожащем свете свечей. Там и сям среди учеников сияли туманным серебром призраки. Чтобы не смотреть в это множество глаз, Гарри поднял голову и увидел бархатную черноту, усеянную мириадами звёзд. Сбоку послышался шёпот Гермионы:

- Потолок зачарован, чтобы выглядеть так же, как небо над крышей. Я в книжке читала - "Хогвартс, исторические очерки". Было невозможно поверить, что над ними и в самом деле был потолок, и что Большой Зал не был просто открыт небесам. Гарри быстро опустил глаза и успел заметить, как профессор Макгонагелл поместила перед ними четырёхногий табурет. Сверху на табурет она положила островерхую колдовскую шляпу. Шляпа была старая, в заплатках, местами просветившаяся и невероятно грязная. Тётя Петунья ничего подобного и близко к дому бы не подпустила. "Наверное, нужно достать из неё кролика", - подумал ни с того ни с сего Гарри. Он заметил, что все глаза теперь были устремлены на шляпу, и тоже стал на неё смотреть. Несколько секунд в зале стояла полная тишина. Вдруг шляпа дёрнулась. Дыра в ней близко к тулье раскрылась наподобие рта, и шляпа запела:

Встречают по одежке,
А я вот так скажу:
Я съем себя без ложки,
Коль вам не угожу.

Блестят цилиндры чёрные,
Полметра в высоту;
Разборная, отборная -
За пояс их заткну.

Всё, что творится в голове,
Разборной Шляпе ясно.
Тебе я место подберу
И объявлю пригласно.

Средь Гриффиндоров смелых
Найдёшь друзей себе.
Роднит их благородство,
Бесстрашие в борьбе.

Попасть ты можешь в Футынут
Где не в чести притворство.
Всего там выше ценят труд,
Терпенье и упорство.

Во Враноклюве важны лишь
Талант и жажда знаний.
Способности и быстрый ум
Для них дороже званий.

А Пресмыкайс зато живёт
С коварством по соседству.
Всегда для Пресмыкайсов цель
Оправдывает средства.

Так надевай меня! Не трусь!
Подставь затылок свой!
Я разобрать тебя берусь,
Я - шапка с головой!

Все сидящие в зале шумно зааплодировали, едва шляпа успела закончить свою песню. Шляпа поклонилась по очереди всем четырём столам и снова замерла. - Только шляпу надеть - и всего-то! - прошептал Рон. - Ох, уж этот Фред - всё убеждал меня, что придётся бороться с троллем! Гарри слабо улыбнулся. Конечно, надеть шляпу было не в пример легче, чем говорить заклинания, вот только если бы он мог примерить её как-нибудь

так, чтобы остальные не видели... Песня шляпы требовала от него слишком многого; Гарри сейчас не ощущал себя ни очень храбрым, ни достаточно умным, ни каким-нибудь ещё особенным. Вот сказала бы шляпа что-нибудь про колледж для тех, кому сильно не по себе – это бы ему было в самый раз. Профессор Макгонагелл выступила вперёд, держа в руках длинный свиток пергамента.

– Когда я назову ваше имя [22], выходите вперёд, надевайте шляпу и садитесь на табурет для Разбора, – сказала она. – Аббот, Ханна! Девчонка с белобрысыми хвостиками вывалилась из линейки, нацепила шляпу, которая тут же накрыла её до подбородка, и села. Секунда замешательства, и...

– ФУТЫНУТ! – крикнула шляпа.

Самый правый стол загикал и захлопал, и Ханна отошла, чтобы занять место за столом Футынута. Гарри увидел, как призрак Толстого Монаха приветственно машет ей рукой.

– Боунс, Сюзанна!

– ФУТЫНУТ! – снова крикнула шляпа, Сюзанна помчалась к столу и села рядом с Ханной.

– Бут, Терри!

– ВРАНОКЛЮВ!

На этот раз захлопали за вторым столом слева; несколько Враноклювов привстали, чтобы поприветствовать Терри.

"Брокльхерст, Мэри" тоже оказалась во Враноклюве, а "Браун, Лаванда" стала первой новой ученицей Гриффиндора. Самый левый стол буквально взорвался от криков; Гарри разглядел, что близнецы Уизли свистели в два пальца.

Затем "Бульстроуд, Миллисент" попала в Пресмыкайс. Может, это Гарри просто почудилось, но после всего, что он слышал о Пресмыкайсе, он подумал, что и с виду они были не очень приятные.

Теперь Гарри было уже и вовсе нехорошо. Он вспомнил, как выбирали команды на уроках физкультуры в его старой школе. Его всегда выбирали последним, и не потому, что он плохо играл, а просто чтобы Дадли не подумал, что с Гарри кто-то водится.

– Финч-Флечли, Джастин!

– ФУТЫНУТ!

Гарри заметил, что одним шляпа объявляла колледж сразу, а для других медлила с ответом. "Финниган, Шеймус" [23], светловолосый мальчик, стоявший рядом с Гарри, просидел на табурете почти полную минуту, прежде чем шляпа определила его в Гриффиндор.

– Грейнджер, Гермиона!

Гермиона бегом подбежала к табурету и уверенно насунула на себя шляпу по уши.

– ГРИФИНДОР! – прокричала шляпа. Рон застонал.

Гарри пронзила ужасная мысль. Ужасные мысли это любят, когда очень волнуешься. А что, если его не Разберут? Что, если он так и будет сидеть и сидеть на табурете, пока профессор Макгонагелл не сдёрнет с него шляпу и не объявит, что произошла какая-то ошибка, и пусть он садится в поезд и отправляется обратно?

Когда вызвали Невилля Лонгботтома, мальчика, потерявшего жабу, он по дороге к табурету споткнулся и растянулся на полу. С Невилем шляпа не торопилась. Когда она наконец крикнула "ГРИФИНДОР", Невиль затрусил к столу, так её и не сняв; ему пришлось возвращаться под всеобщий хохот, чтобы шляпу смогла надеть "Макдугал, Мораг".

Малфой выступил вперёд, когда назвали его имя, и сразу же получил то, чего хотел – не успела шляпа коснуться его головы, как она завизжала: "ПРЕСМЫКАЙС!".

Малфой присоединился к своим приятелям Краббе и Гойлу, весьма довольный собой.

Неразобранных оставалось всё меньше и меньше.

"Мун"... "Нотт"... "Паркинсон"... две девочки-близняшки, "Патил" и "Патил"... Потом "Перкс, Салли-Энн"... и, наконец –

- Поттер, Гарри!

Гарри вышел к табурету, и тотчас же по залу побежал шёпот, будто маленькие шипящие огоньки зажглись:

- Как она сказала? Поттер?

- Уж не тот ли самый Гарри Поттер?

Последнее, что увидел Гарри, прежде чем шляпа упала ему на глаза, был полный зал учеников, выворачивающих шеи, чтобы получше его рассмотреть. Он устался в чёрную подкладку и ждал.

- Хмм, - сказал тоненький голос тихонько ему в самое ухо. - Непросто. Очень даже непросто. Смелости вдоволь, это понятно. Ум ясный. Талант - да ещё какой... И желание проявить себя, весьма сильное, вот интересно-то... Куда же тебя поместить?

Гарри вцепился в краешек табурета и твердил про себя: "Только не Пресмыкайс, только не Пресмыкайс..."

- Значит, вот как? Только не Пресмыкайс? - повторил тихий голос. - А ты уверен? В тебе есть задатки великой силы, всё, что надо, уже прямо здесь, у тебя в голове, а Пресмыкайс очень помог бы тебе встать на дорогу к величию, ты уж не сомневайся... Всё равно нет? Ну, что ж, если уверен - тогда пусть будет ГРИФИНДОР!

Гарри услышал, что последнее слово шляпа прокричала на весь зал. Он снял шляпу и на дрожащих ногах пошёл к столу Гриффиндора. Когда он понял, что его Разобрали и что он не в Пресмыкайсе, у него словно гора с плеч свалилась; он даже не заметил, что его приветствуют громче всех. Префект Перси поднялся и с чувством тряс его руку; близнецы орали: "Нам достался Поттер! Нам достался Поттер!". Гарри уселся напротив призрака в жабо, которого они видели в маленькой комнате. Призрак похлопал его по плечу; у Гарри возникло жуткое ощущение, как будто его окатили ведром ледяной воды.

Теперь он наконец мог разглядеть Верховный Стол. С ближайшего к нему края сидел Хагрид, который заметил взгляд Гарри и поднял сразу оба больших пальца. Гарри широко улыбнулся в ответ. В центре стола, в большом золотом кресле, сидел Альбус Дамблдор. Гарри сразу же узнал его - он был в точности похож на свой портрет на карточке, которую Гарри вытянул из шоколадной жабы в поезде. Серебристые волосы Дамблдора соперничали своим сиянием с призраками. Рядом с ним сидел профессор Квиррел, нервный молодой человек из "Дырявого Котла". На нём почему-то был большой лиловый тюрбан.

Разобрать осталось всего четверых [24]. "Томас, Дин", чернокожий мальчик ещё выше ростом, чем Рон, присоединился к Гарри за столом Гриффиндора. Враноклюв получил "Терпин, Лизу", и настала очередь Рона. Он был бледно-зелёным с лица. Гарри скрестил под столом пальцы [25], но шляпа уже провозгласила "ГРИФИНДОР!".

Гарри изо всех сил хлопал вместе со всеми, пока измученный Рон не рухнул на соседний стул.

- Отлично, Рон, молодец, - напыщенно сказал Перси Уизли, сидевший напротив Гарри. "Забини, Блэз" был определён в Пресмыкайс, профессор Макгонагелл свернула пергамент и унесла Разборную Шляпу.

Гарри поглядел на стоящее перед ним пустое золотое блюдо. Только теперь он почувствовал, как он голоден. Тыквенные слойки казались далёким воспоминанием.

Альбус Дамблдор поднялся со своего кресла. Он сиял, оглядывая учеников, руки его были широко распахнуты, словно не было на свете ничего более для него приятного, чем всех их видеть в этом зале.

- Добро пожаловать! - сказал он. - Поздравляю вас с началом нового учебного года в Хогвартсе! Прежде чем мы приступим к банкету, позвольте мне произнести пару слов. Итак: Олух! Ворвань! Страньше! Бряк! Благодарю за внимание.

Он сел на место. Все захлопали и одобрительно загудели. Гарри не совсем понимал, надо ли ему смеяться.

- Он что - немножко... того? - спросил он у Перси.

- Того? - рассеянно повторил Перси. - Он просто гений! Самый лучший колдун в мире! Ну, и немножко того он вообще-то тоже. Тебе картошку класть или нет?

Гарри раскрыл рот от удивления. Теперь на блюдах было полно еды. Никогда ещё он не видел, чтобы на одном столе было так много того, что он любил - жаркое, жареная курица, свиные отбивные и бараньи отбивные, сардельки, мясо, тушённое с грудинкой, варёная картошка, печёная картошка, жареная картошка, клёцки, горошек, морковь, подлива, кетчуп и - ни к селу, ни к городу - мятные подушечки.

Живя у Дурсли, Гарри не то чтобы постоянно голодал, но наедаться вдоволь ему тоже не позволяли. Всё, что Гарри нравилось, Дадли у него всегда отбирал, даже если в него уже не лезло. Гарри навалил на тарелку понемногу всего, кроме подушечек, и принялся за еду. Вкус у всего был изумительный.

- Выглядит превосходно, - грустно заметил призрак в жабо, наблюдая за Гарри, который разрезал кусок мяса.

- А Вы как же...

- Я не ел вот уж скоро четыреста лет, - сказал призрак. - Мне, конечно, и не обязательно, но порой вспомнишь - и взгрустнётся. Я, кажется, не имел чести представиться. Сэр Николас де Мюмзи-Порпингтон, к Вашим услугам. Официальное привидение Гриффиндорской башни.

- А я знаю, кто Вы такой! - вдруг вмешался Рон. - Мне мои братья рассказывали. Вы - Почти Безголовый Ник!

- Я бы предпочёл, чтобы меня называли сэр Николас де Мюмзи... - начал, надувшись, призрак, но белобрысый Шеймус Финниган перебил его:

- Почти Безголовый? Как можно быть почти безголовым?

Сэр Николас, похоже, разозлился - приятная беседа поворачивалась в явно нежелательном для него направлении.

- А вот так, - раздражённо сказал он, после чего ухватился правой рукой за левое ухо и дёрнул.

Вся его голова откинулась, отделившись от шеи, и упала на плечо, как на шарнире. Кто-то пытался его обезглавить, но до конца дело не довёл. Оглядев их потрясённые лица, Почти Безголовый Ник пришёл в более приятное расположение духа, водворил голову обратно, прокашлялся и сказал:

- Ну-с, новенькие Гриффиндоры! Надеюсь, вы можете нам взять в этом году первенство школы? Гриффиндор никогда ещё так долго не сидел без кубка. Пресмыкайсы выигрывают шестой год подряд! Кровавый Барон зазнался просто невыносимо - он Пресмыкайское привидение.

Гарри взглянул на стол Пресмыкайса и увидел сидящего за ним жуткого призрака. У того был отсутствующий взор, измождённое лицо и мантия в пятнах серебрившейся крови. Он сидел рядом с Малфоем, который, как с радостью заметил Гарри, был не в восторге от подобного соседства.

- А как получилось, что он весь в крови? - спросил Шеймус, проявляя неподдельный интерес.

- Знаете, я спрашивать почему-то постеснялся, - скромно ответил Почти Безголовый Ник.

Когда все съели всё, что им хотелось, остатки еды медленно растаяли в воздухе, оставив тарелки такими же безупречно сверкающими, как и прежде. Потом появился десерт. Глыбы мороженого всевозможных сортов, яблочные пироги, песочные торты с вареньем, эклеры с шоколадным кремом и пончики с повидлом, бисквиты со сбитыми сливками, клубника, желе, пудинг...

Пока Гарри отрезал себе песочного торта, разговор перекинулся на семьи.

- Я пополам-на-пополам, - сказал Шеймус. - Папаня-то у меня из муглей. Мама ему не признавалась, что она ведьма, до после свадьбы. То-то был для него удар.

Все засмеялись.

- Невиль, а у тебя? - спросил Рон.

- Я живу у бабушки, она ведьма, - сказал Невиль, - а вообще-то вся семья всегда думала, что я полный мугль. Мой двоюродный дедушка Элджи всё пытался меня врасплох застать, чтоб я какое-нибудь волшебство проявил. Однажды он меня столкнул с причала в Блэкпуле, я чуть не утонул. Но пока

мне восемь не исполнилось, ничего у него не выходило. Вот пришёл он однажды к нам на обед, и держит он меня, значит, за ноги, высунув из окна, а тут двоюродная бабушка Энид предложила ему пирожное, и он меня выпустил нечаянно. А я отскочил, как мячик, запрыгал по саду и прямо на дорогу выкатился. Все были так рады, бабушка даже прослезилась от счастья. А уж когда меня сюда приняли – вы бы на них поглядели. Они-то думали, что во мне недостаточно колдовского. Дедушка Элджи мне на радостях жабу купил.

С другой стороны от Гарри Перси Уизли оживлённо беседовал с Гермионой ("Я так надеюсь, что мы сразу же начнём проходить что-нибудь серьёзное, нам ещё так много предстоит узнать, а для меня наибольший интерес представляют превращения, ну, знаете, когда что-нибудь оборачивают во что-нибудь другое, но это, конечно же, очень сложно..."; "Ну, начинают обычно с более простого – спички, к примеру, в иголки, или что-нибудь подобное...")

Гарри стало тепло и сонно. Он снова посмотрел на Верховный Стол. Хагрид залпом пил что-то из своего кубка. Профессор Макгонагелл разговаривала с профессором Дамблдором. Профессор Квиррел, в своём идиотском тюрбане, перешёптывался с другим учителем, у того были прилизанные чёрные волосы, крючковатый нос и болезненно-бледное лицо.

То, что случилось дальше, произошло очень быстро. Кривоносый учитель поглядел мимо тюрбана профессора Квиррела прямо Гарри в глаза – и тотчас же острая, жгучая боль пронзила лоб Гарри в том месте, где был шрам.

– Ай! – и Гарри прижал руку ко лбу.

– Что случилось? – спросил Перси.

– Н-ничего.

Боль пропала так же быстро, как и появилась, но то чувство, которое возникло у Гарри под тяжёлым взглядом учителя, осталось – чувство, что Гарри ему ни чуточки не нравится.

– Кто это разговаривает сейчас с профессором Квиррелом? – спросил он у Перси.

– А, ты, значит, уже знаком с профессором Квиррелом? Не удивительно, что Квиррел так нервничает – это профессор Снейп [26]. Он преподаёт зелья, но через силу – всем известно, что он гоняется за работой Квиррела. Снейп, он в Чёрных Силах подкован основательно.

Гарри некоторое время следил за Снейпом, но тот в сторону Гарри больше не взглянул.

Наконец исчезли и десерты, и профессор Дамблдор снова встал из-за стола. В зале настала тишина.

– Хм... а теперь, когда мы все наелись и напились, у меня есть несколько объявлений в связи с началом учебного года. Первоклассникам следует знать, что лес в пределах школьных владений объявлен запретной зоной. Между прочим, некоторым ученикам постарше тоже не мешало бы об этом не забывать.

Лучистые глаза Дамблдора сверкнули в сторону братьев Уизли.

– Мистер Филч [27], наш сторож, попросил меня ещё раз напомнить всем, что в коридоре на переменах колдовство не допускается. Отбор в команды по квиддичу состоится через неделю. Все желающие играть за свой колледж могут записаться у мадам Хутч. И последнее. В этом году правый коридор на третьем этаже также объявляется запретным для всех, кто не желает умереть мучительной смертью.

Гарри рассмеялся, но оказался при этом почти в одиночестве.

– Он что, серьёзно? – вполголоса спросил он у Перси.

– Похоже на то, – нахмурившись, ответил Перси. – Странно, впрочем – обычно он объясняет причину, если куда-то запрещено ходить. В лесу, к примеру, полно опасного зверья, это понятно. А уж нам-то, префектам, мог бы и сказать заранее.

– А сейчас, перед тем, как нам всем разойтись по постелям, давайте споём гимн нашей школы! – провозгласил Дамблдор. Гарри заметил, что улыбки на лицах остальных учителей стали слегка натянутыми.

Дамблдор сделал лёгкое движение своей палочкой, как будто пытаюсь стряхнуть с её кончика муху, и из неё вылетела длинная золотистая лента, которая взлетела под потолок и свернулась в слова.

– Каждый выбирает подходящую мелодию, – сказал Дамблдор, – и поехали!
Вся школа грянула:

Хогвартс, Хогвартс,
Хогли-Вогли-Хогвартс,
Возьми нас в оборот;
Учение-
Мучение
На пользу нам пойдёт.

Набей нам наши чердаки
Уроками хорошими,
А то сейчас
Они у нас
Замшелы и заброшены.

Учи, чему положено,
Напомни, что забыли,
И не беда,
Что нам тогда
Зубрить, пока мозги не сгнили.

Закончили все вразнобой. Под конец пели одни только близнецы Уизли, которые затаили похоронный марш в очень медленном темпе. Дамблдор отбивал им такт своей палочкой, а когда они добрались до конца, бурно захлопал.

– Ах, музыка! – произнёс он, промакнув глаза. – Поистине, волшебство превыше прочих! Ну, а теперь – спать. Пора в кроватку!

Первоклассники Гриффиндора вслед за Перси протолкались сквозь гудящую толпу из Большого Зала, и поднялись по мраморной лестнице. Ноги у Гарри снова были как свинцом налитые, но на этот раз от усталости и большого количества еды. Ему так хотелось спать, что у него даже не было сил удивляться ни тому, как портреты на стенах показывают на них пальцами и перешёптываются между собой, ни тому, что пару раз Перси проводил их через двери, запрятанные за секретными панелями или прикрытые гобеленами. Они карабкались по лестницам, зевая и шаркая ногами. Гарри уже начал сомневаться, придут ли они когда-нибудь, как вдруг все резко остановились.

В воздухе перед ними витали несколько деревянных посохов, и стоило Перси сделать шаг вперёд, как они по очереди в него полетели.

– Это Брюзга, – прошептал Перси. – Полтергейст. Брюзга – покажись! – сказал он, повысив голос.

Ответом ему был громкий грубый звук – как воздушный шарик, когда из него выпускают воздух.

– Мне что, пойти к Кровавому Барону?

Раздался щелчок, и в воздухе возник маленький человечек с тёмными проказливыми глазами и ртом до ушей. Он сидел на пустоте, как в кресле, скрестив ноги, и сжимал в руках связку посохов.

– У-у-у! – протянул он, неприятно посмеиваясь. – Первоклашечки!

Повеселимся!

Он ринулся на них. Все пригнулись.

– Брюзга, а ну-ка катись отсюда! А то всё расскажу Барону, вот увидишь! – рявкнул Перси.

Брюзга высунул язык и испарился, а посохи посыпались вниз, прямо на голову Невилу. Ребята услышали, как Брюзга пролетает по коридору, гремя расставленными рыцарскими доспехами.

- За ним глаз да глаз, - сказал Перси, когда они пошли дальше. - Единственный, кого он слушается, это Кровавый Барон, а нас, префектов, он и не замечает. Ну, вот мы и пришли.

Они стояли в конце длинного коридора; прямо перед ними висел портрет какой-то толстой дамы в розовом шёлковом платье.

- Пароль? - сказала она.

- Carut Draconis [28], - ответил Перси, и портрет повернулся на петлях, открыв дыру в стене. Они пролезли в неё (Невиля пришлось подсаживать) и оказались в общей комнате Гриффиндора, очень уютной, круглой, с большими мягкими креслами.

Перси указал девочкам на одну из дверей, которая вела в их общежитие, а мальчики направились в другую. На самом верху винтовой лестницы (они, очевидно, находились в одной из башен) наконец-то нашлись их постели - пять железных кроватей с высокими спинками, задёрнутых тёмно-альми бархатными пологам. Кто-то уже принёс наверх их сундуки. Они кое-как натянули пижамы и рухнули под одеяла - от усталости даже языки у них еле поворачивались, так что говорить долго не хотелось.

- А еда-то какая! - пробормотал Рон за своей занавесью. - Скабберс, отвали отсюда! Он простыню жуёт.

Гарри совсем уже собрался спросить Рона, попробовал ли тот песочного торта, но вместо этого заснул.

Возможно, за ужином Гарри слегка переел, потому что сны у него в ту ночь были очень странные. Во сне он носил тюрбан профессора Квиррела, и этот тюрбан всё время с ним разговаривал, убеждая его перевестись в Пресмыкайс, потому что там лежала его судьба. Гарри всё повторял тюрбану, что он вовсе не хочет быть в Пресмыкайсе, но тюрбан не слушал; он становился всё тяжелее, Гарри попытался снять его, но он больно вцепился ему в голову - а потом появился Малфой, который глядел, как Гарри борется с тюрбаном и хохотал - а потом Малфой обернулся крючконосым учителем, профессором Снейпом, и смех его был всё более высоким и ледяным - сверкнула зелёная вспышка, и Гарри проснулся, в холодном поту и весь дрожа.

Он повернулся на другой бок и заснул опять, а на следующее утро про странный сон больше не вспоминал.

Глава восьмая. Учитель зелий.

- Вон, посмотри.

- Где?

- Да вон, рядом с тем длинным, рыжим.

- В очках, что ли?

- Ты его лицо видел?

- А ты видел шрам?

Как только Гарри покинул на следующий день общежитие, за ним всюду следовал шепоток. Ученики выстраивались перед школьными кабинетами на цыпочках - поглядеть на него, или поворачивали, пройдя мимо него, в коридорах - чтобы потаращиться на него ещё раз. Гарри от этого было не очень-то по себе, к тому же он изо всех сил старался не заблудиться. В Хогвартсе было сто сорок две лестницы - широких и плавных; узких и шатких; таких, которые по пятницам приводили не туда, куда обычно; таких, у которых какая-нибудь ступенька имела привычку исчезать под ногами, так что надо было не забывать через неё перешагивать. Кроме того, некоторые двери не открывались, пока их вежливо не попросишь или не потрёшь в правильном месте, а некоторые были и вовсе не двери, а глухие стены, притворявшиеся дверьми. Запомнить, где что находилось, было совершенно невозможно, потому что вещи всё время перемещались. Люди на портретах ходили друг к другу в гости, и Гарри был уверен, что пустые рыцарские доспехи умели ходить сами по себе.

От призраков тоже было не легче. Гарри неизменно вздрагивал, когда один из них вдруг решал пролететь сквозь дверь, которую он как раз собирался открыть. Почти Безголовый Ник всегда вежливо подсказывал новеньким Гриффиндорам, куда идти, но повстречаться с полтергейстом Брюзгой, когда

опаздываешь на урок, было похуже двух запертых дверей и капризной лестницы. Он сбрасывал на голову корзинки для бумаг, выдёргивал из-под ног ковровые дорожки, обсыпал мелом, или подкрадывался невидимкой сзади, хватал за нос и вопил: "ПОПАЛСЯ РУБИЛЬНИК!".

Но ещё опаснее Брюзги (если это вообще было возможно) был школьный сторож, Аргус Филч. Гарри и Рон умудрились его разозлить в первый же день. Филч набрёл на них, когда они пытались прорваться через дверь, которая, как оказалось, вела в запретный коридор на третьем этаже. Путаным объяснениям, что они потерялись, он не поверил, решил, что они пытались проникнуть туда нарочно, и уже собирался заточить их в темницу, но тут как раз мимо проходил профессор Квиррел, который их и вызволил. У Филча была кошка, которую он называл Миссис Норрис [29], костлявое создание грязно-серого цвета с выпученными, как у самого Филча, глазами-плошками. Стоило в её присутствии нарушить какое-нибудь правило, хоть ногу не туда поставить, как она тут же исчезала, и через две секунды, сопя, появлялся Филч. Он знал тайные проходы в школе лучше всех (кроме, может быть, близнецов Уизли), и мог внезапно оказаться где угодно, почти как призраки. Все ученики его ненавидели, и втайне мечтали когда-нибудь отвесить Миссис Норрис хорошего пинка.

Но когда ты наконец находишь свой класс, тут-то и начиналось самое сложное. Колдовство, как очень скоро выяснил Гарри - это тебе не просто махать палочкой и бормотать дурацкие слова.

Каждую среду, в полночь, они изучали через свои телескопы расположение звёзд, зубрили их имена и следили за движением планет. Трижды в неделю в больших теплицах на заднем дворе замка у них было травоведение, которое преподавала профессор Пророст, невысокая крепенькая ведьма. Она объясняла им, как заботиться о всяких странных растениях и грибах и как их использовать.

История магии была самым скучным предметом, а также единственным, который вёл призрак. Профессор Бинс был уже весьма в летах, когда уснул однажды в учительской перед камином, а на следующее утро, проснувшись перед уроком, так и оставил своё тело лежать в кресле. Он нудел и нудел, а они записывали за ним имена и даты, путая при этом Эмериха Жестокоего с Урихом Чокнутым.

Профессор Флитвик, учитель чар, был крошечного роста, так что ему приходилось стоять на стопке толстых книг, чтобы голова его выглядывала из-за стола. На первом уроке он проверял их по списку, дошёл до фамилии Гарри, взволнованно взвизгнул, кувырнулся назад и исчез из виду. Профессор Макгонагелл была непохожа на всех остальных. Мысль Гарри о том, что с ней шутки плохи, оказалась как нельзя более правильной. Она была умная, строгая, и прочла им внушение, как только они расселись по партам в первый день занятий.

- Превращения - один из самых сложных и опасных колдовских предметов, которые вам придётся изучать в Хогвартсе, - сказала она. - Если кто-нибудь вздумает шалить на моём уроке, то больше мы с ним в этом кабинете не увидимся. Второй раз я предупреждать не стану.

После чего она обернула свой стол в кабана и снова в стол. Всем было ужасно интересно, и не терпелось поскорей начать, но тут выяснилось, что делать животных из мебели они не будут ещё очень долго. Сначала они записывали что-то наполовину непонятное, а потом им раздали спички и велели обернуть их в иголки. К концу урока только Гермиона Грейнджер сумела хоть как-то изменить свою спичку. Профессор Макгонагелл показала всему классу, что спичка заострилась с одного конца и приобрела серебристый цвет, а потом одарила Гермиону редкой улыбкой.

Все с нетерпением ждали уроков по защите от Чёрных Сил, но под руководством Квиррела они оказались скорее смехотворными, чем интересными. В кабинете сильно пахло чесноком - все говорили, что это против вампира, которого он встретил в Румынии и с тех пор всё боялся, что тот за ним когда-нибудь явится. Квиррел сказал им, что тюрбан был ему преподнесён одним африканским вождём, в благодарность за избавление от надоедливого зомби, но в эту историю они не очень-то поверили. Во-первых,

когда Шеймус Финниган спросил, как именно ему удалось отогнать зомби, Квиррел покраснел и перевёл разговор на погоду, а во-вторых, они заметили, что вокруг тюрбана тоже витал какой-то странный запах. Зубоскалы брата Уизли утверждали, что он и в тюрбан напихал чесноку, чтобы не оставаться беззащитным, где бы он ни оказался. Гарри с облегчением узнал, что он не так уж сильно отстал от остальных. Многие ребята и в самом деле приехали из муглевых семей и, так же как и он, не подозревали раньше, что были на самом деле колдунами и ведьмами. К тому же учить нужно было столько всего, что даже Рону приходилось трудновато.

В пятницу Гарри и Рон отметили крупное для себя достижение – они наконец сумели добраться в Большой Зал к завтраку, ни разу не потерявшись.

– Что у нас сегодня? – спросил Гарри у Рона, посыпая сахаром свою овсянку.

– Два урока зелий подряд, с Пресмыкайсами, – ответил Рон. – Снейп – директор Пресмыкайса. Все говорят, что он им всегда поблажки делает – вот и посмотрим, правда ли это.

– От Макгонагелл поблажки, пожалуй, дождёшься, – сказал Гарри. Профессор Макгонагелл была директором Грифиндорского колледжа, но это ей ничуть не помешало задать им вчера кучу домашней работы.

Тут как раз пришла почта. Гарри к этому зрелищу немного попривык, а в первое утро здорово испугался, когда во время завтрака в Большой Зал разом влетело не меньше сотни сов, которые принялись кружить над столами, высматривая своих хозяев, и с лёту ронять на них письма и посылки.

Ядвига ещё ничего Гарри не принесла. Она иногда залетала посидеть у него на плече, потереться клювом о его ухо и склевать кусочек поджаренного хлеба, прежде чем снова улететь в совятню – дремать с другими школьными совами. Но в это утро она спланировала между блюдечком джема и сахарницей и уронила к Гарри на тарелку записку. Гарри сразу же её развернул. В записке неровными каракулями было нацарапано:

Милый Гарри!

Я слышал, у вас по пятницам после обеда свободно. Не хотел бы ты зайти и выпить со мной чашечку чаю часов около трёх?

Очень интересно услышать, как тебе в первую неделю. Ответ пришли с Ядвигой.

Гарри попросил у Рона перо, быстро написал на обороте "С удовольствием! Скоро встретимся", и Ядвига улетела.

Ожидание чая с Хагридом очень поддержало дух Гарри в тот день. Урок зелий оказался самым неприятным, что с ним до сих пор случилось в школе.

Ещё на банкете в честь начала учебного года Гарри решил, что Снейп его недолюбливает. К концу первого из двух уроков он понял, как он ошибался. Снейп Гарри не просто не любил – он его ненавидел.

Уроки зелий проходили в подземелье. Воздух здесь был холоднее, чем в замке, и руки покрывались гусиной кожей, даже если не глядеть на разную заспиртованную живность в банках, расставленных по стенам.

Снейп, как и Флитвик, прежде всего устроил перекличку по журналу и, как Флитвик, тоже остановился, произнеся фамилию Гарри.

– Ах, да, – тихо произнёс он. – Гарри Поттер. Наша новая... знаменитость. Драго Малфой и его дружки Краббе и Гойл прыснули в ладони. Снейп закончил со списком и поднял глаза от журнала. Они у него были чёрными, как у Хагрида, но Хагридовой теплоты в них не было. Они были пустыми и холодными, как два колодца.

– Здесь вы будете постигать изысканную науку и строгое искусство изготовления зелий, – начал он. Голос его едва поднимался над шёпотом, но все ловили каждое слово – как и у профессора Макгонагелл, у Снейпа был дар держать внимание класса, даже не прилагая к этому особых усилий. – Поскольку никаких легкомысленных маханий палочками тут не требуется, некоторые из вас, возможно, и не сочтут происходящее колдовством. Я полагаю, что излишним было бы требовать от вас истинного понимания того,

как прекрасен кипящий котёл и мерцающий пар над ним, или ожидать, что вы по достоинству сможете оценить хрупкую мощь настоя, пробирающегося сквозь вены, обволакивая сознание, затуманивая чувства... Я могу обучить вас, как сварить славу, приготовить счастье, даже закупорить смерть - если вы хотя бы малость способнее, чем те толпы балбесов, которых мне обыкновенно приходится учить.

За этой небольшой речью последовало длительное молчание. Гарри и Рон, удивлённо задрав брови, обменялись взглядами. Гермиона Грейнджер ёрзала на краешке своего стула, всем своим видом показывая, что её-то уж балбесом никак назвать нельзя.

- Поттер! - вдруг сказал Снейп. - Скажите-ка, что у меня получится, если я смешаю толчёный корень асфоделя с отваром полыни?

Толчёный корень чего с отваром чего? Гарри взглянул на Рона, но тот был точно в такой же растерянности. Рука Гермионы взлетела в воздух.

- Я не знаю, сэр, - признался Гарри.

Губы Снейпа сложились в ядовитую усмешку.

- Так, так... Похоже, на одной славе далеко не уедешь.

На руку Гермионы он внимания не обращал.

- Ну что ж, попробуем ещё раз. Поттер, если я попрошу Вас принести мне безоар, где Вы станете его искать?

Гермиона тянула руку так, что едва не вскакивала со стула, а у Гарри не было ни малейшего представления о том, что такое безоар. На Малфоя, Краббе и Гойла он старался не глядеть - те просто покатывались от хохота.

- Не знаю, сэр.

- Значит, открыть на досуге книгу перед тем, как являться в класс, Вам в голову не пришло, так, Поттер?

Гарри сделал над собой усилие и продолжал смотреть прямо в холодные бездонные глаза. Он ведь прочёл все учебники тогда у Дурсли, но не мог же Снейп требовать, чтобы он и в самом деле заучил "Тысячу чудодейственных трав" наизусть?

Снейп по-прежнему не замечал дрожащую руку Гермионы.

- Поттер, в чём разница между монашьям клобуком и волчьей пагубой?

Гермиона не выдержала и встала в полный рост, продолжая тянуть руку к потолку.

- Я не знаю, - сказал Гарри спокойно. - Гермиона, похоже, знает, почему бы Вам не спросить у неё?

Кое-кто засмеялся; Гарри взглянул на Шеймуса - тот молча показывал ему большой палец. Снейпу, впрочем, смешно не было.

- Сядьте на место! - рявкнул Снейп на Гермиону. - К Вашему сведению, Поттер: смешивая асфодель и полынь, получают сонное зелье такой силы, что его по праву называют Глотком Смерти. Безоар есть камень, который выделяют из козлиного желудка и используют для противодействия большинству ядов. Что же касается монашьям клобука и волчьей пагубы, то это одно и то же растение, известное также как аконит. Ну, в чём дело? Почему никто не записывает?

Все бросились доставать перья и пергамент. Перекрывая шум, Снейп добавил:

- А за Ваши остроумия, Поттер, я снимаю с Гриффиндора одно очко.

Чем дальше продолжался урок зелий, тем хуже шли дела для Гриффиндоров. Снейп разбил их на пары и задал приготовить простое зелье для лечения нарывов. Он носился взад и вперёд по комнате в развевающейся чёрной мантии, следя за тем, как они отвешивают сушёную крапиву и толкут в ступках змеиные клыки, и делал замечания - всем, кроме Малфоя, которому он благоволил. Он как раз начал разъяснять, как безукоризненно Малфой сварил своих улиток, как откуда-то вырвался огромный клуб едкого зелёного дыма и раздалось громкое шипение. Невиль умудрился каким-то образом расплавить котёл Шеймуса; котёл лежал на боку, оплывая в бесформенную грудку металла, а их зелье текло на пол, проедая дыры в обуви. Весь класс через мгновение уже стоял на стульях, а Невиль, которого окатило зельем, когда котёл рухнул, стонал от боли - по его рукам и ногам выскакивали красные нарывы.

- Кретин! - прорычал Снейп, избавившись от пролитого зелья одним движением своей палочки. - Не иначе как добавил иглы дикобраза перед тем, как снял котёл с огня?

Невиль пропищал что-то неразборчивое. На носу у него расцвёл и лопнул нарыв.

- Отведите его в медицинский кабинет, - бросил Снейп и напустился на Гарри и Рона, которые работали рядом с Невилем.

- А Вы, Поттер - почему Вы не объяснили ему, когда надо добавлять иглы? Наверное, решили, что если он опозорится, Вы будете лучше выглядеть на его фоне? Имейте в виду, Вы потеряли Гриффиндору ещё очко.

Гарри открыл было рот, чтобы начать спорить - это было явно несправедливо - но Рон толкнул его из-за своего котла.

- Брось, - пробурчал он. - Снейп, говорят, здорово неприятный субъект, когда злится.

Когда через час они выбирались по крутым ступенькам из подземелья, голова у Гарри гудела, а на сердце лежал камень. Первая неделя - и он уже потерял для Гриффиндора два очка. Ну почему, почему Снейп так к нему прицепился?!

- Да ладно тебе, - сказал Рон. - Снейп к Джорджу и Фреду тоже всегда придирается. Слушай, а можно я к Хагриду с тобой?

Без пяти три они вышли из замка и отправились в дальний конец школьной территории. Хагрид жил в небольшой бревенчатой избушке на краю запретного леса. Перед её дверью стояла пара резиновых сапог и дубовый лук.

Гарри постучал, и изнутри раздались звуки яростной борьбы и оглушительный лай. Потом донёсся могучий голос Хагрида:

- Клык, назад! Назад, говорю!

Дверь приоткрылась, и в неё просунулась Хагридова лохматая физиономия.

- Сейчас, - сказал он. - Клык, на место!

Он отошёл и пропустил их внутрь, с огромным усилием удерживая за ошейник невероятных размеров пса.

В избушке была всего одна комната. С потолка свисали копчёные окорока и связки дичи, на открытом огне кипел медный котелок. В углу стояла здоровенная, прочно сбитая деревянная кровать, покрытая лоскутным одеялом.

- Располагайтесь, - сказал Хагрид и отпустил ошейник. Клык немедленно прыгнул на Рона и принялся лизать его в ухо. Как и его хозяин, Клык явно был не таким злобным, каким казался на первый взгляд.

- Это Рон, - объяснил Гарри Хагриду, который наливал кипяток в большой заварочный чайник и высыпал на поднос пряники.

- Ещё, значит, один Уизли, - сказал Хагрид, взглянув на веснушки Рона. - Я полжизни тут положил, за твоими братцами гоняясь да от лесу их шугая. Пряники оказались каменными; Гарри и Рон чуть зубы не сломали, но грызли их, изображая на лицах удовольствие, и наперебой рассказывали Хагриду о своих первых уроках. Клык положил голову Гарри на колени и всё его облизывал.

Когда Хагрид назвал Филча "старый прыщ", Гарри и Рон просто пришли в восторг.

- А что до этой его кошки, Миссис Норрис, я её как-нибудь с Клыком познакомлю, честное слово. Знаете, как я в школу ни зайду, она тут как тут! Я уж по всякому пробовал - не отстаёт, и всё! Это Филч её подбивает, точно.

Гарри поведал Хагриду об уроке у Снейпа. Хагрид, как и Рон, посоветовал ему не особо огорчаться, и сказал, что Снейпу вообще мало кто из учеников нравится.

- Да, но меня он ненавидит!

- Ерунда! - сказал Хагрид. - С чего бы вдруг?

У Гарри, впрочем, было твердое убеждение, что Хагрид говорил это, старательно избегая смотреть ему в глаза.

- А как поживает твой братик Чарли? - спросил Хагрид у Рона. - Вот кого я любил, признаться! Такая на зверей рука лёгкая!

Гарри подумал, уж не нарочно ли Хагрид сменил тему. Пока Рон объяснял Хагриду про Чарли и драконов, Гарри подобрал обрывок бумаги, который лежал на столе, наполовину скрытый подставкой для чайника. Это оказалась вырезка из "Вечернего Пророка".

Попытка взлома в Гринготте – последние новости.

Продолжается расследование взлома в Гринготте 31 июля сего года, которое, по широко распространённому мнению, являлось работой неопознанных Чёрных колдунов или ведьм.

Гринготтские гоблины снова подчеркнули сегодня, что из хранилищ ничего не пропало. Сейф, который попытались взломать, был опустошён и запечатан утром того же дня.

– А что там было, мы вам не скажем, так что не суйте свои носы, куда вас не звали, а то как бы чего не случилось, – заявил сегодня вечером заместитель главного гоблина по работе с прессой.

– Хагрид! – сказал Гарри. – Этот взлом в Гринготте, он случился в мой день рождения! Может быть, в то самое время, когда мы там были! Теперь у Гарри не осталось никакого сомнения – Хагрид нарочно отводил глаза.

Хагрид крякнул и предложил ему ещё пряник. Гарри перечитал заметку. "Сейф, который попытались взломать, был опустошён и запечатан утром того же дня". Хагрид опустошил сейф семьсот тринадцать, если можно было назвать это "опустошением", то есть забрал оттуда невзрачную коробочку. Не её ли искали рабители?

Гарри и Рон брели обратно к замку, чтобы успеть к ужину, с полными карманами пряников, от которых у них не хватило сил отказаться. Гарри думал о том, что ни один из уроков на этой неделе не наводил его на такие серьёзные размышления, как этот чай у Хагрида. Неужели Хагрид случился в банке и выхватил коробочку как раз вовремя? И где она могла быть теперь? И что это Хагрид знает о Снейпе, но не хочет с ним этим поделиться?

Глава девятая. Полночная дуэль.

Гарри никогда бы не подумал, что встретит когда-нибудь сверстника более невыносимого, чем Дадли – до тех пор, пока не познакомился с Драго Малфоем. К счастью, первогодки-Гриффиндоры с Пресмыкайсами ходили только на зелья, так что Малфоя им приходилось терпеть всего раз в неделю. К несчастью, они заметили объявление, приколотое к доске в общей комнате Гриффиндора, при чтении которого у них вырвался общий тяжёлый вздох. В четверг начинаются уроки полётов; Гриффиндор и Пресмыкайс стояли в расписании вместе.

– Только этого-то мне и не хватало, – мрачно сказал Гарри. – Всю жизнь мечтал свалиться с помела [30] у Малфоя на виду.

А он так хотел наконец научиться летать – сильнее всех остальных волшебных наук.

– Во-первых, ещё не факт, что ты свалишься, – резонно заметил Рон. – И потом, Малфой, конечно, любит болтать про то, как он здорово летает, но я так думаю, что это всё трёп.

Малфой и в самом деле часто рассказывал о своих полётах. Он во всеуслышание жаловался, что первоклассникам несправедливо запрещают играть за свой колледж в квиддич и пространно хвастался о многочисленных похождениях, которые неизменно заканчивались тем, как он в последний момент уходил от жутких муглей, гнавших за ним на вертолёте. Впрочем, он был не один такой – если послушать Шеймуса Финнигана, так он всё своё детство провёл, шныряя на помеле. Даже Рон прожужжал всем уши тем, как он однажды чуть не врезался в дельтаплан на старой метле Чарли. Рон уже успел серьёзно повздорить с Дином Томасом, с которым они спали в одной палате, о футболе. Рон никак не мог взять в толк, что же может быть интересного в игре, где только один мяч и никто не летает. Гарри как-то

застал Рона за тем, как тот тыкал в плакат команды "Уэстхам", который висел у Дина над кроватью, пытаясь заставить игроков двигаться.

Невиль никогда в жизни не держал в руках помело – бабушка его к ним и близко не подпускала. Про себя Гарри не мог не согласиться с мудростью подобного решения – Невиль уже успел попасть в невероятное количество разных происшествий, даже твёрдо стоя на обеих ногах.

Гермиона Грейнджер волновалась перед первым полётом, пожалуй, не меньше Невиля. Научиться летать, вызубрив какую-нибудь книгу, было невозможно – хотя это и не помешало ей попробовать. В четверг за завтраком она выдавала лётные советы, почерпнутые из библиотечной книжки "Квиддич – многовековая история" [31], в таких количествах, что просто уши вяли. Невиль смотрел ей в рот, отчаянно пытаясь поймать что-нибудь, что помогло бы ему удержаться на помеле, но все остальные очень обрадовались, когда лекция Гермионы была прервана пришедшей почтой.

После записки Хагрида для Гарри ничего не приходило, и Малфой, естественно, не упускал случая это подметить. Филин Малфоя постоянно доставлял ему из дома коробки сладостей, которые он злорадно открывал прямо за Пресмыкайским столом.

Сипуха притащила Невилю небольшую посылку от бабушки. Он радостно вскрыл её и показал всем стеклянный шарик, наполненный изнутри белёсым дымом.

– Это напоминатель! – объяснил он. – Бабушка знает, что я всегда всё забываю, а эта штука – она для того, чтобы напомнить, когда что-то надо сделать. Нужно взять её вот так, и если она покраснеет – ой...

Невиль обеспокоенно следил, как напоминатель наливаётся алым.

– ... значит, что-то забыл...

Невиль изо всех сил пытался вспомнить, что же именно он забыл, но тут Драго Малфой, проходя мимо стола Гриффиндора, выхватил у него из рук напоминатель.

Гарри и Рон разом вскочили. Они давно ждали подходящего случая сцепиться с Малфоем, но профессор Макгонагелл, у которой на всякие перебранки нюх был острее, чем у всех остальных учителей, была тут как тут.

– В чём дело?

– Профессор, Малфой у меня напоминатель отобрал!

Ощерившись, Малфой быстро швырнул напоминатель на стол.

– Уж и посмотреть нельзя, – сказал он и удалился, сопровождаемый Краббе и Гойлом.

В половине четвертого Гарри, Рон и все остальные Гриффиндоры сбежали по парадной лестнице, спеша на свой первый урок полётов. День выдался чистый и ветреный, и трава стелилась у них под ногами, когда они спускались с горки по направлению к ровной, аккуратно подстриженной лужайке на другом конце участка, напротив запретного леса, качающего тёмными ветвями в отдалении.

Пресмыкайсы уже прибыли. На земле рядом лежали двадцать мётел. Гарри наслушался жалоб Фреда и Джорджа о том, что школьные помела или начинали трястись, если подняться слишком высоко, или постоянно заворачивали влево.

Вскоре подошла и учительница, мадам Хутч. У неё были коротко остриженные седые волосы и жёлтые, как у ястреба, глаза.

– За чем тут дело стало? – рявкнула она. – Разберитесь в линейку, каждый рядом с помелом. Давайте, давайте, поскорей!

Гарри посмотрел вниз на свою метлу. Она была старая, прутья торчали из неё во все стороны.

– Вытяните правую руку над помелом, – скомандовала мадам Хутч, – и скажите "Оп"!

– ОП! – закричали все вразнобой.

Метла Гарри тут же прыгнула ему прямо в руку, но он был одним из немногих, кому это удалось. Метла Гермионы Грейнджер лениво перевернулась на земле, а у Невиля даже и не шелохнулась. Может быть, мётлы, как лошади, чувствовали, когда наездник испуган, подумал Гарри – в голосе

Невиля явно слышалась дрожь, по которой можно было заключить, что ноги от земли ему отрывать не хочется.

Потом мадам Хутч показала им, как залезать на метлы так, чтобы не съезжать, и прошла вдоль линейки, осматривая и поправляя хватку. Гарри и Рон с удовлетворением услышали, как она втолковывала Малфоя, что он всё это время держался за метлу совершенно неправильно.

– А теперь, когда я дам свисток, оттолкнитесь метлой от земли, да покрепче, – сказала мадам Хутч. – Держите метлу ровно, поднимитесь метра на два и сразу же легонько наклоните метлу к земле, чтобы вернуться. По моей команде... Раз... Два...

Но тут Невиль, весь в растрёпанных чувствах из-за необходимости покинуть твёрдую опору, от волнения толкнулся ещё до того, как мадам Хутч поднесла к губам свисток.

– Назад! – закричала она, но Невиль поднимался отвесно вверх, как пробка из бутылки: четыре метра... пять... шесть... Гарри увидел его белое от ужаса лицо, глядевшее на удаляющуюся землю; Невиль ахнул, руки его соскользнули и...

ТР-РАХ! Раздался глухой удар, что-то жутко хрустнуло, и Невиль, как мешок, рухнул лицом в траву. Помело продолжало подниматься, всё выше, выше, потом плавно взяло курс на запретный лес и исчезло из виду. Мадам Хутч подбежала и наклонилась над Невилем, и лицо её было ещё блее, чем у него.

– Рука сломана... – бормотала она. – Ну, пойдём, пойдём... Всё в порядке, вставай...

Она обернулась к остальным ребятам.

– Никому с места не двигаться! Мне надо отвести его в медицинский кабинет. Метлы оставьте, где лежат, а не то вылетите из Хогвартса – не успеете произнести "квиддич"! Ну, пойдём, милый.

Невиль, залитый слезами, поковылял прочь, придерживая одну руку другой.

Мадам Хутч осторожно вела его, обняв за плечи.

Не успели они скрыться, как Малфой расхохотался.

– Ну и рожа у него была! Вот ведь куль с соломой!

Остальные Пресмыкайсы присоединились к нему.

– Заткнись, Малфой! – не выдержала Парвати Патил.

– Ах-ах, за Лонгботтома заступаемся! – вмешалась Панси Паркинсон, Пресмыкайская девочка с жестокатым лицом. – Никогда бы не подумала, Парвати, что тебе так нравятся маленькие жирненькие рёвущки.

– Глядите-ка! – сказал Малфой, быстро нагнувшись и выхватывая что-то из травы. – Это та фигня, которую Лонгботтому бабуля прислала!

Он поднял руку, и напоминатель сверкнул на солнце.

– Дай его сюда, Малфой, – спокойно сказал Гарри.

Все сразу же прекратили говорить и окружили их. Малфой усмехнулся.

– Я лучше оставлю его где-нибудь, чтобы Лонгботтому было проще найти. Как насчёт... На этом вот дереве?

– Дай сюда! – закричал Гарри, но Малфой уже вскочил на помело и взмыл в воздух. Он и вправду неплохо летал. Удерживая помело вровень с верхушкой раскидистого дуба, он завопил:

– Эй! Поттер! Если сможешь, отними!

– Не смей! – вскричала Гермиона Грейнджер. – Мадам Хутч сказала никуда не двигаться! Из-за тебя нас всех накажут!

Но Гарри её не слушал. В голове у него громко стучала кровь. Он взобрался на метлу, сильно оттолкнулся и пошёл вверх; ветер свистел у него в ушах, мантия развевалась и хлопала – и с диким восторгом он понял, что наконец-то нашёл что-то, что у него выходило само по себе, без учёбы и зубрёжки. Летать было легко. Летать было чудесно. Он слегка потянул помело на себя, чтобы взять чуть выше, и до него донеслись взволнованные крики девочек на лужайке и довольное уханье Рона.

Гарри резко повернул помело и встретил Малфоя нос к носу. Малфой выглядел ошарашенным.

– А ну, давай сюда, – потребовал Гарри, – или сейчас слетишь с метлы ещё похуже!

- Вот ещё! - сказал Малфой, пытаясь презрительно фыркнуть, но по нему было видно, что он испугался.

Гарри каким-то образом понял, что ему надо делать. Он наклонился вперёд, крепко сжал рукоять обеими руками, и метла устремилась прямо на Малфоя, как брошенное копьё. Малфой едва успел увернуться. Гарри круто развернулся и застыл в воздухе. Внизу кто-то захолопал.

- Тут тебе ни Краббе, ни Гойл не помогут, - сказал Гарри.

Похоже, что эта же мысль пришла в голову и Малфоя.

- Держи, если поймаешь! - крикнул он и подбросил стеклянный шар высоко в воздух, а сам рванул вниз.

Гарри, словно в замедленной съёмке, увидел, как шар поднялся, замер, и начал падать. Он сильно наклонился, направив метлу рукоятью к земле - и вот он уже нёсся в глубоком пике, набирая скорость, пытаясь догнать шар - крики снизу смешивались со свистом ветра - он протянул руку - в полуметре от земли поймал его, как раз вовремя, чтобы выровнять метлу, и мягко уселся на траву, крепко сжимая напоминатель в кулаке.

- ГАРРИ ПОТТЕР!

Сердце у него провалилось в желудок быстрее, чем сам он только что летел вниз. К ним бежала профессор Макгонагелл. Гарри, дрожа, поднялся на ноги.

- Ни единого раза... За всё моё время в Хогвартсе...

Профессор Макгонагелл просто слов не находила от потрясения, очки её яростно сверкали.

- Как Вы смеете... Шею сломать недолго...

- Но, профессор, он не виноват...

- Помолчите, мисс Патил.

- Это Малфой...

- Довольно, мистер Уизли. Поттер, следуйте за мной. Немедленно.

Уходя, Гарри заметил радостные лица Малфоя, Краббе и Гойла. Он смиренно плелся за профессором Макгонагелл, которая широко шагала к замку. Уж теперь-то его точно исключат, это ясно. Он хотел было сказать что-то в своё оправдание, но слова застряли в горле. Профессор Макгонагелл неслась вперёд, и не замечая его; чтобы не отстать, ему приходилось бежать. Вот и всё. И двух недель не продержался. Ещё десять минут, и можно собирать сундуки. Что-то скажут Дурсли, когда он объявится у их двери?

По парадной лестнице, потом по широким мраморным ступеням - а профессор Макгонагелл так ему ничего и не сказала. Она распахивала двери, пробегала по коридорам, и ему ничего не оставалось делать, как послушно тащиться за ней. Он подумал о Хагриде, которого тоже исключили, но разрешили остаться смотрителем. Может быть, Хагрид возьмёт его себе в помощники. Перед глазами у него встала душераздирающая картина - он таскает за Хагридом вокруг школы мешки и смотрит, как Рон и все остальные становятся колдунами.

Профессор Макгонагелл остановилась перед дверью в какой-то кабинет, открыла дверь и просунула голову внутрь.

- Прошу прощения, профессор Флитвик. Нельзя ли мне Вуда на минуточку?

"Вуда?" - удивлённо подумал Гарри. Что это за Вуд такой? Может, это способ наказания [32]?

Но Вуд был вовсе не наказанием, а крепким пятиклассником, который вышел из кабинета, где вёл урок профессор Флитвик, слегка озадаченным.

- Идите за мной, оба, - сказала профессор Макгонагелл, и они все трое зашагали по коридору.

Вуд с интересом разглядывал Гарри.

- Сюда.

Профессор Макгонагелл указала на пустой кабинет - пустой, если не считать Брюзги, старательно выписывавшего на классной доске ругательства.

- Брюзга, вон отсюда! - рявкнула она.

Брюзга швырнул мел в корзинку и вылетел, бормоча проклятия. Профессор Макгонагелл хлопнула за ним дверью и повернулась к мальчикам.

- Поттер, это Оливер Вуд. Вуд - я нашла для Вас искателя.

На лице Вуда удивление сменилось восторгом.

- В самом деле, профессор?

- Несомненно, - твердо ответила профессор Макгонагелл. - Этот парень - прирождённый игрок. В жизни не видала ничего подобного. Поттер, это ведь был Ваш первый полёт на помеле, не правда ли?

Гарри молча кивнул. Он не имел ни малейшего понятия о том, что происходит, но выгонять его вроде не собирались. Ноги у него понемногу перестали трястись.

- ... поймал его в пятнадцатиметровом пике, - продолжала рассказывать Вуду профессор Макгонагелл. - Ни единой царапины. Сомневаюсь, что и у Чарли Уизли вышло бы такое.

Теперь у Вуда было такое выражение, как будто разом сбылись все его самые заветные мечты.

- Поттер, ты видел когда-нибудь, как играют в квиддич? - возбуждённо спросил он.

- Вуд - капитан сборной Гриффиндора, - объяснила профессор Макгонагелл.

- И сложен он для искателя подходяще, - говорил Вуд, обходя Гарри кругом и не отрывая от него глаз. - Лёгкий... Ловкий... Только надо ему приличную метлу раздобыть, профессор. Нимбус две тысячи... или, может, Чистомёт семь, Вы как думаете?

- Я поговорю с профессором Дамблдором, узнаю, нельзя ли сделать исключение из правил для первоклассников. Давно пора собрать команду попримечнее, особенно чем в прошлом году. А уж этот последний матч с Пресмыкайсами - они нас просто разнесли. Я потом полмесяца Северу Снейпу в глаза смотреть стыдилась...

Профессор Макгонагелл строго взглянула на Гарри поверх очков.

- И чтобы тренироваться, как следует, Поттер. А то я могу и передумать насчёт наказания.

И вдруг она улыбнулась.

- Ваш отец мог бы Вами гордиться, - сказала она. - Он и сам, помнится, превосходно играл в квиддич.

- Заливаешь.

Они сидели за обеденным столом; Гарри только что закончил рассказывать Рону о том, что с ним случилось после того, как профессор Макгонагелл увела его с лужайки. Рон подцепил на вилку кусок мясного пирога, но до рта донести забыл.

- Искателем? Но ведь первогодки же никогда... Ты, должно быть, самый младший за последние...

- Сто лет, - сказал Гарри, запихивая пирог в рот. У него от всех утренних потрясений разыгрался аппетит. - Я знаю. Вуд мне уже говорил.

Рон был настолько потрясён и восхищён, что так и сидел с открытым ртом.

- Тренировки со следующей недели, - сказал Гарри. - Только не говори никому, ладно? Вуд хочет держать это пока в секрете.

В столовую вошли Фред и Джордж Уизли, заметили Гарри и прямоком направились к ним.

- Молодчина, Гарри, - сказал Джордж тихонько. - Вуд нам рассказал. Мы тоже в сборной - отбивные.

- Спорим, мы возьмём в этом году кубок школы? - сказал Фред. - С тех пор, как Чарли закончил, мы никак не могли выиграть, но в этом году команда подбирается - высший класс. Ты, Гарри, чем-то Вуду здорово приглянулся. Он прямо чуть ли не на одной ножке прыгал. Ну ладно, нам пора, а то там Ли Джордан говорит, что открыл новый потайной ход из школы.

- Да ну, небось, это тот лаз, который мы нашли в первую неделю, за бюстом Григория Подлизы. Ну, пока!

Не успели они выйти, как появился кое-кто гораздо менее приятный - Малфой, с Краббе и Гойлом по бокам.

- А, Поттер, решил подкрепиться напоследок? Когда отходит поезд к муглям?

- Что-то ты сильно осмелел, как на землю спустился и дружков своих подцепил, - сказал Гарри холодно.

Всё, что Краббе и Гойл могли себе позволить на виду у учителей за Верховным Столом - это нарочито хмуриться и похрустывать костяшками.

- Я тебя и один на один сделаю, в любое время, - сказал Малфой. - Да хоть сегодня ночью. Колдовская дуэль. Одни палочки - без контакта. Ну, чего замолк? Ах да, ты же о колдовской дуэли никогда не слышал!

- Слышал он, не бойся, - вмешался Рон, поворачиваясь на своём стуле. - Я его секундант, а у тебя кто?

Малфой оценивающе поглядел на Краббе и Гойла.

- Краббе, - ответил он. - Полночь годится? Встретимся в призовой комнате - там никогда не запирают.

Когда Малфой удалился, Гарри и Рон переглянулись.

- А теперь рассказывай, что такое колдовская дуэль, - потребовал Гарри. - И в каком смысле ты мой секундант?

- Ну, секундант - это на случай, если ты погибнешь, чтобы за тебя продолжать, - беззаботно сказал Рон и принялся наконец за свой пирог, который уже совсем остыл.

Заметив, какое выражение появилось на лице Гарри, он быстро добавил:

- Но умирают только на настоящих дуэлях, когда настоящие колдуны. Вы с Малфоем в лучшем случае друг друга искрами осыпете, и все дела. Ни у тебя, ни у него никакого колдовства посильнее просто не выйдет. И вообще, он-то небось думал, что ты откажешься.

- А что, если я взмахну палочкой, и ничего не случится?

- Ну, тогда бросай её и просто врежь ему по носу, - предложил Рон.

- Прошу прощения.

Рон и Гарри посмотрели вверх. Перед ними стояла Гермиона Грейнджер.

- Неужели здесь и поесть спокойно не дадут? - поинтересовался Рон.

Гермиона отвернулась от него и обратилась к Гарри.

- Я проходила мимо и не могла не услышать, как вы с Малфоем разговаривали...

- А ты попробуй когда-нибудь - вдруг сможешь, - вставил Рон.

- ... и я хочу заметить, что вам ни в коем случае не следует ходить ночью по школе, вы только подумайте, сколько очков это будет стоить Гриффиндору, если вы попадёте, а попадёте вы непременно. Это чистый эгоизм с вашей стороны, вот что.

- Да, и ещё это тебя совершенно не касается, - сказал Гарри.

- До свидания, - сказал Рон.

Тем не менее концовка у такого чудесного дня была явно сорвана, подумал Гарри, лёжа в постели. Он не спал и ждал, когда уснут Дин и Шеймус (Невиль ещё не вернулся из школьной поликлиники). Рон весь вечер провёл, давая ему полезные советы вроде "Если он захочет на тебя какую-нибудь порчу напустить, ты лучше уворачивайся; вообще-то их отбивать можно, только я забыл, как". Конечно, они запросто могли попасться Филчу или Миссис Норрис, и Гарри не совсем уютно чувствовал себя, собираясь нарушить второе правило за один день. Но с другой стороны, из темноты на него постоянно выплывало ехидное лицо Малфоя - а это был отличный шанс разобраться с ним один-на-один. Нет, упускать его было нельзя.

- Пол-двенадцатого, - пробормотал наконец Рон. - Пора идти.

Они накинули на себя халаты, вытащили свои палочки и прокрались к двери палаты, потом вниз по винтовой лестнице, и вошли в общую комнату Гриффиндора. В камине дотлевали угольки, бросая глубокие тени, так что кресла казались сторбленными чёрными фигурами. Они уже почти добрались до дыры, прикрытой портретом, как вдруг из ближайшего кресла донёсся голос:

- Ну, Гарри, никак не ожидала, что ты всё-таки на это пойдёшь.

Над креслом, мигая, зажглась лампа, обнаружив Гермиону Грейнджер. На плечах у неё был розовый купальный халат, а на лице - хмурое выражение.

- Ты! - сердито сказал Рон. - Шла бы ты спать!

- Я хотела твоему брату рассказать - и почти рассказала, - огрызнулась Гермиона. - Перси - он префект, он бы вас мигом укоротил.

Гарри и не думал, что можно настолько совать нос не в своё дело.

- Пойдём, - бросил он Рону.

Они отпихнули портрет Толстой Дамы и вылезли наружу.

Но Гермиона не собиралась сдаваться без боя. Она последовала за Роном в дыру, шипя, как разъярённая гусыня:

- Тебе, значит, на Гриффиндор наплевать, ты только о себе думаешь, а я, например, не хочу, чтобы Пресмыкайс снова победил, а ты все очки растеряешь, которые мне дала профессор Макгонагелл за то, что я знала про подменные заклинания.

- Сгинь.

- Ну смотрите, я вас предупреждаю, вы ещё вспомните, что я вам говорила, когда завтра будете в поезд садиться, вот увидите, вам ещё...

Но что же именно им ещё, узнать им не пришлось. Гермиона обернулась к портрету Толстой Дамы, чтобы влезть обратно, и тут выяснилось, что на картине никого не было. Толстая Дама ушла погулять, и попасть обратно в башню Гермиона никак не могла.

- Что же мне делать? - взвизгнула она.

- Твои проблемы, - ответил Рон. - А нам пора, а то мы опоздаем.

Они ещё не успели дойти до конца коридора, как Гермиона их догнала.

- Я пойду с вами, - объявила она.

- Ещё чего!

- А что же мне - стоять там и ждать, пока Филч придёт? Ну уж нет! Если он нас всех троих поймает, я ему всё расскажу, как было - что я вас пыталась задержать, а вы подтвердите.

- Ничего себе наглость... - громко начал Рон.

- Да тише вы оба! - резко одёрнул их Гарри. - Здесь кто-то есть.

Раздался какой-то шаркающий звук.

- Миссис Норрис? - прошептал Рон, шурясь в темноту.

Но это не была Миссис Норрис. Это был Невиль. Он спал, свернувшись калачиком на полу, но вскинулся, когда они стали к нему подкрадываться.

- Ой, как хорошо, что вы за мной пришли! Я здесь уже столько времени сижу. Я не мог в палату пойти, потому что я новый пароль забыл.

- Ты можешь потише? Пароль сегодня "свиное рыло", но толку тебе от него сейчас никакого, Толстая Дама где-то разгуливает. Как рука? - спросил Гарри.

- А, ничего себе, - сказал Невиль, вертя рукой. - Мадам Помфри [33] её в минуту исправила.

- Здорово - слушай, Невиль, нам надо кое-куда, так что пока...

- Не бросайте меня! - заныл Невиль, вставая с пола. - Я не хочу здесь один оставаться, тут Кровавый Барон уже два раза проходил.

Рон поглядел на свои часы, а потом злобно окинул взглядом Гермиону и Невилля.

- Если мы из-за вас попадёмся, я не успокоюсь, пока не узнаю, как произвести это проклятье домовых, про которое нам Квиррел рассказывал, и не испробую на вас обоих.

Гермиона уже открыла рот (вероятно, чтобы объяснить Рону, как применяется проклятье домовых), но Гарри зашипел на неё, чтобы она замолчала, и поманил их вперёд.

Они пробежали по пустым коридорам, перепрыгивая через полосы лунного света, которые легли на полу из высоких окон. За каждым поворотом Гарри ожидал наткнуться на Филча или Миссис Норрис, но пока что им везло. Они взбежали по спиральной лестнице на третий этаж и на цыпочках пробрались к призовой комнате.

Малфой и Краббе ещё не явились. Хрустальные дверцы шкафов с призами поблёскивали, отражая в своих гранях луну. Кубки, памятные доски, блюда и статуэтки подмигивали в темноте золотом и серебром. Ребята прижались к стене, напряжённо следя за дверями в обоих концах комнаты. Гарри держал палочку наизготовку - на случай, если Малфой решит напасть на него внезапно. Потянулись минуты ожидания.

- Опаздывает. Может, струсил? - прошептал Рон.

Резкий шум в соседней комнате заставил их всех вздрогнуть. Гарри начал поднимать палочку, но в это время поблизости кто-то заговорил - и этот кто-то был не Малфой.

- Нюхай хорошенько, моя прелесть, они могли притаиться в углу.

Это был Филч, и обращался он к Миссис Норрис. Объятый ужасом, Гарри бешено замахал остальным не отставать, и они беззвучно пробрались к противоположной двери, подальше от голоса Филча. Не успели полы халата Невилля обогнуть косяк, как Филч оказался в призовой комнате.

- Должны быть где-то здесь, - услышали они, как он хрипло бормочет себе под нос. - Спрятались, наверное.

- Сюда! - одними губами показал Гарри, и они отправились вдоль коридора, уставленного рыцарскими латами; ноги их от страха отказывались слушаться. Слышно было, что Филч приближается. Вдруг Невиль издал задавленный вскрик и понёсся вперёд, тут же споткнулся, схватил Рона поперёк живота, пытаясь удержаться, и они оба рухнули прямо на пару доспехов.

Грохоту и звону было столько, что проснуться должен был весь замок.

- Бежим! - завопил Гарри, и вся четвёрка рванула вперёд, не оглядываясь на Филча, который, возможно, их преследовал. Они резко повернули, промчались по одному коридору, потом по другому - Гарри вёл их, не разбирая дороги, не имея никакого представления, где они находились - они нырнули под какой-то гобелен, оказавшись в потайном тоннеле, покрыли его в несколько прыжков и вылетели неподалёку от кабинета чар, который, как они знали, был очень далеко от призовой комнаты.

- Кажется, оторвались, - тяжело дыша, проговорил Гарри, прислонился к прохладной стене и вытер со лба пот. Невиль сипел и кашлял рядом, согнувшись пополам.

- А я - вам - говорила, - выдавила Гермиона, ловя ртом воздух и кривясь от колотья в боку. - Говорила - я - вам.

- Надо попасть обратно в Грифиндорскую башню, - произнёс Рон. - Чем скорее - тем лучше.

- Малфой тебя надул, - обратилась Гермиона к Гарри. - Неужели не видно? Он и не собирался приходить... Филч знал, что кто-то будет в полночь в призовой комнате, а нашептал ему, конечно же, Малфой.

Гарри подумал, что она, скорее всего, права, но признаваться в этом вслух ему не хотелось.

- Пошли.

Легко сказать. Не прошли они и нескольких шагов, как ручка двери крутанулась, и кто-то вылетел из соседнего кабинета.

Это был Брюзга. Завидев их, он взвизгнул от удовольствия.

- Брюзга, помолчи! Ну пожалуйста... А то нас всех исключат.

Брюзга хихикнул.

- Значит, гуляете среди ночи, первоклашечки? Так, так, так. Кто не спрятался - я не виноват.

- Пожалуйста, Брюзга, не выдавай нас!

- Надо, надо сказать Филчу, - пропел Брюзга ангельским голосом, и глаза у него зажглись злобным огоньком. - Для вашего же блага, естественно.

- А ну, с дороги, - не выдержал Рон и замахнулся. Это было явной ошибкой.

- Ученики не в постели! - гулко заорал Брюзга. - Здесь, в коридоре около кабинета чар!

Они поднырнули под него и побежали что было сил, но, достигнув конца коридора, чуть не врезались в дверь - она была заперта.

- Всё! - простонал Рон, навалившись в отчаянии на дверь. - Конец!

Они слышали, как топочет Филч, торопясь на крики Брюзги.

- Да отойдите вы, - проворчала Гермиона.

Она выдернула у Гарри палочку, коснулась ей замка и прошептала:

- Alohomora!

Замок щёлкнул, и дверь отворилась. Они протиснулись в щель, быстро захлопнули дверь за собой и прижались к ней ушами.

- В какую сторону они пошли, Брюзга? - говорил Филч. - Отвечай скорее!

- Скажи "пожалуйста".

- Брюзга, я тут с тобой не в игрушки играю! Куда они пошли?!

- Ничего не скажу, пока не скажешь "пожалуйста", - протянул Брюзга нараспев своим противным голоском.

- Ну ладно. Пожалуйста.

- НИЧЕГО! Ха-ха! Я же обещал, что не скажу "ничего", если ты не скажешь "пожалуйста"! Ха-ха!

Они услышали, как Брюзга просвистел мимо и скрылся. Филч в ярости шипел ему вдогонку проклятия.

- Он думает, что дверь заперта, - прошептал Гарри. - Кажется, пронесло. Невиль, да отцепись ты!

Невиль последнюю минуту настойчиво дёргал Гарри за рукав.

- Ну, что там?

Гарри обернулся - и сразу очень хорошо увидел, что там. На мгновение ему показалось, что это просто кошмарный сон - зрелище это было уж слишком, да ещё поверх всего, что с ними случилось.

Они вовсе не были в комнате, как они думали. Перед ними был коридор. Запретный коридор на третьем этаже. И теперь было понятно, почему он был объявлен запретным.

Прямо на них глядели глаза чудовищного пса, который заполнял собой всё пространство до самого потолка. У него было три головы. Три пары безумно вращающихся глаз. И три носа, подрагивающих и принюхивающихся в их сторону. И три огромных пасти, из которых скользкими нитями свисала с жёлтых клыков слюна.

Пёс стоял неподвижно, устремив все шесть глаз прямо на них. Гарри понял, что он ещё не растерзал их лишь потому, что их внезапное появление сбило его с толку. Судя по угрожающему рычанию, которое становилось всё громче и громче, пёс уже вполне опомнился.

Гарри зашарил по двери в поисках ручки. Если выбор был между Филчем и верной смертью, выбирать стоило Филча.

Они вывалились из двери спиной вперёд; Гарри изо всех сил хлопнул ею, и они полетели по коридору. Филч, похоже, ушёл искать их где-то в другом месте, поскольку видно его нигде не было, но он их сейчас и не заботил. Всё, чего им хотелось - это оказаться как можно дальше от этого чудовища. Они бежали, не останавливаясь, до самого портрета Толстой Дамы на седьмом этаже.

- И где это только вас носило? - осведомилась она, рассматривая их красные, мокрые лица и халаты, еле державшиеся на плечах.

- Потом объясню. Свиное рыло, свиное рыло, - еле сумел сказать Гарри, задыхаясь. Портрет откинулся в сторону. Они пролезли в общую комнату и свалились в кресла, не в силах унять дрожь.

Прежде чем кто-либо из них заговорил, прошло немало времени. А глядя на Невилля, можно было подумать, что он теперь уже и вовсе никогда не заговорит.

- Они что, совсем одурели - такую жуть в школе держать? Да ещё взаперти, - произнёс наконец Рон. - Уж кому-кому, а этой собачке свежий воздух не повредил бы.

Гермиона отдышалась, и к ней вернулся её обычный язвительный характер.

- Вы гляделки свои по делу используете хоть иногда? - ядовито фыркнула она. - Вы что, не видели, на чём он стоял?

- М-м-м... на полу? - предположил Гарри. - Знаешь, у меня как-то на его лапы смотреть охоты не было - уж больно головы были интересные.

- Да ни на каком ни на полу! На люке в полу, вот на чём. Он же явно что-то охраняет.

Она встала перед ними, сверкая глазами.

- Ну, надеюсь, вы-то собой довольны - это ведь у нас самое главное!

Подумаешь, кого-то там могли в ключья разорвать. Или того хуже, исключить из школы. А теперь, если вы не возражаете, я пойду спать.

Рон смотрел ей вслед, открыв от удивления рот.

- Да нет, где уж нам возражать, - сказал он. - Во даёт! Можно подумать, мы её насильно с собой потащили.

Забираясь в постель, Гарри всё думал о том, что сказала Гермиона. Пёс что-то охраняет... Как Хагрид говорил? Чтобы что-нибудь сохранить, Гринготт - самое хорошее место, если не считать Хогвартса.

Кажется, Гарри наконец узнал, куда делась неприглядная коробочка из сейфа семьсот тринадцать.

Глава десятая. Ночь на Всех Святых.

Малфой глазам своим не поверил, когда на следующее утро убедился, что Гарри и Рон не только не вылетели из Хогвартса, но и пребывали во вполне весёлом настроении, хотя и выглядели усталыми. И в самом деле, при свете дня встреча с трёхголовым псом казалась не более чем весёлым приключением, и им не терпелось отправиться на поиски следующего. Гарри тем временем просветил Рона по поводу таинственной коробочки, которая, похоже, перебралась из Гринготта в Хогвартс, и они долго сидели и строили догадки, что же могло нуждаться в столь серьёзной охране.

- Эта штука или здорово ценная, или здорово опасная, - сказал Рон.

- Или и то, и другое, - добавил Гарри.

Так как ничего, кроме примерного размера (сантиметров пять) им о загадочном предмете известно не было, они решили, что необходимо добыть дальнейшую информацию, а иначе им ни за что не угадать, что это такое. Ни Гермиона, ни Невиль не выказали ни малейшего желания выяснять, что именно лежало в подполе, который охранял пёс. Невиль заявил, что всё, что ему хочется - это никогда больше с этим псом не встречаться.

Гермиона же теперь вообще отказывалась разговаривать с Гарри и Роном, но поскольку она была такой выскочкой и зазнайкой, им это обстоятельство скорее нравилось. Единственное, чего им не доставало - это случая отомстить Малфоя, и такой случай вскоре представился - в виде посылки, которую Гарри получил на следующей неделе.

Как обычно, совы заполонили во время завтрака Большой Зал, но внимание всех было приковано к длинному тонкому пакету, который с усилием тащили сразу шесть ушастых сов. Гарри было любопытно не меньше других, что же было в этом пакете, и он совершенно растерялся, когда совы нырнули вниз и уронили пакет на стол прямо перед ним, сбив на пол его тарелку. Не успели они вылететь из зала, как ещё одна сова бросила сверху пакета небольшую записку.

Гарри сперва разорвал конверт - и хорошо сделал. Записка гласила:

НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ПАКЕТ ЗА СТОЛОМ.

В нём лежит Ваша новая метла, Нимбус 2000. Я бы предпочла, чтобы никто не знал, что Вы получили помело, а то и им тоже захочется. Оливер Вуд будет ждать Вас сегодня на поле в семь вечера. Это будет Ваша первая тренировка.

Профессор М. Макгонагелл.

Гарри с трудом скрывал злорадство, передавая записку Рону.

- Нимбус две тысячи! - завистливо простонал Рон. - Я её ни разу в жизни даже не касался...

Они быстро выскользнули из столовой, надеясь успеть развернуть помело до начала занятий, но на полпути через прихожую обнаружили, что дорогу вверх по лестнице загораживают Краббе и Гойл. Малфой выхватил из рук Гарри пакет и ощупал его.

- Это же помело, - сказал он, швыряя пакет обратно Гарри, и на его лице отразилась зависть пополам со злобой. - Ну, теперь-то ты не выкрутишься, Поттер. Первоклассникам они запрещены.

Рон не мог удержаться.

- Это не просто помело, - сказал он. - Это Нимбус две тысячи. Ты как-то говорил, на чём ты дома летаешь - Комета двести шестьдесят, кажется? - Рон подмигнул Гарри. - Кометы, они с виду, конечно, броские, но до Нимбусов им далеко.

- Тебе-то откуда знать, Уизли - тебе и половина рукояти не по карману будет, - огрызнулся Малфой. - Братцы, небось, по пруту собирали.

Рон не успел ответить - у локтя Малфоя появился профессор Флитвик.

- Вы тут, я надеюсь, не ругаетесь? - пропищал он.

- Профессор Флитвик, а Поттеру помело прислали, - быстро наябедничал Малфой.

- Да, да, конечно, я в курсе, - сияя, сказал профессор Флитвик. - Профессор Макгонагелл разъяснила мне чрезвычайные обстоятельства Поттера. Какая модель?

- Нимбус две тысячи, сэр, - сказал Гарри, делая усилие, чтобы не расхохотаться, глядя на выражение ужаса на лице Малфоя. - И надо сказать, получил я его только благодаря Малфю.

Гарри и Рон отправились наверх, пытаюсь подавить смех и оставив Малфоя в ярости и замешательстве.

- А что? Так оно и было, - фыркнул Гарри, когда они поднялись по мраморной лестнице. - Если бы Малфой не стянул у Невилля напоминатель, не быть мне в сборной.

- Вот как? И ты теперь, вероятно, думаешь, что это для тебя - награда за непослушание? - раздался у них за спиной сердитый голос.

Гермиона топала вверх по ступеням, неодобрительно глядя на пакет в руках у Гарри.

- Ты же с нами, кажется, не разговариваешь, - сказал Гарри.

- И в самом деле, с чего бы вдруг начинать? - добавил Рон. - Нам это очень нравится.

Гермиона шумно удалилась, задрвав нос.

В тот день уроки Гарри на ум не шли. Все его мысли были заняты или новеньким помелом, лежавшим под кроватью в его палате, или уносились на квиддичное поле, где он вечером должен был учиться играть. Он сорвался с ужина, даже не разобрав, что он ел, и помчался наперегонки с Роном наверх, чтобы наконец развернуть Нимбус две тысячи.

- Ух ты! - вздохнул Рон, когда помело выкатилось на покрывало.

Даже Гарри, который в метлах совершенно не разбирался, увидел, что выглядит оно великолепно - изящное, блестящее, с рукоятью из красного дерева. Прутья на его конце были длинными и аккуратно подстриженными, а поверху шла надпись золотыми буквами: "Нимбус 2000".

Когда стрелки стали подбираться к семи, Гарри вышел из замка и в стущавшихся сумерках направился к полю для квиддича. На школьном стадионе он до этого ещё не бывал. Вокруг поля стояли трибуны - много сотен мест, поднятых высоко в воздух, чтобы зрители были поближе к игре. С обеих сторон поля были вкопаны по три золотистых шеста с вертикальными кольцами на концах. Гарри они сразу напомнили о пластмассовых палочках, через которые дети муглей любили пускать пузыри - только эти были пятнадцать метров в высоту.

Гарри так хотелось снова полетать, что Вуда он не дождался - он оседлал помело и сильно оттолкнулся от земли. Какое чудное чувство! Он пролетал между столбами с кольцами, огибал их, пронесился вдоль и поперёк поля. Нимбус повиновался малейшему движению, поворачивая в точности туда, куда Гарри хотелось.

- Эй, Поттер! Спускайся!

Это пришёл Оливер Вуд. Подмышкой он держал большой деревянный ящик. Гарри приземлился рядом с ним.

- Очень неплохо, - сказал Вуд. Глаза его горели. - Теперь я понял, что имела в виду профессор Макгонагелл. У тебя и в самом деле природённые способности. Сегодня я тебе расскажу основные правила, тогда ты сможешь тренироваться со всей командой, трижды в неделю.

Он открыл ящик; там оказались четыре мяча разных размеров.

- Значит, так, - сказал Вуд. - Понять, что к чему в квиддиче, совсем несложно - гораздо проще, чем играть в него. В каждой команде по семь игроков. Трое из них называются догонялы.

- Трое догонял, - повторил Гарри, а Вуд вытащил из ящика ярко-красный мяч размером с футбольный.

- Этот мяч называется квафль [34], - сказал он. - Догонялы перекидывают его друг другу, стараясь забросить в одно из колец противника - это считается гол. Каждый раз, когда квафль пролетает в кольцо, команда получает десять очков. Понятно объясняю?

- Догонялы кидают квафль в кольцо, чтобы забить гол, - сказал Гарри. - Значит, это вроде как баскетбол, только на помелах и с шестью кольцами, да?

- Баскетбол? - с интересом спросил Вуд.

- Проехали, - быстро сказал Гарри.

- Ну, вот, ещё один игрок в каждой команде - это вратарь. Я как раз играю вратаря за Грифиндор. Вратарь должен летать перед воротами и не давать противнику забросить мяч в кольцо.

- Три догонялы, один вратарь, - сказал Гарри. Он твёрдо решил всё запомнить. - Они работают с квафлем. Кажется, усвоил. А эти тогда зачем? Он указал на три мяча, оставшиеся в ящике.

- Сейчас покажу, - сказал Вуд. - Держи-ка.

Он протянул Гарри небольшую битую, наподобие той, которой играют в лапту.

- Сейчас увидишь, на что способен лупильник, - сказал Вуд. - Эти два - это лупильники.

Он указал на два одинаковых агатово-чёрных мяча, которые были немного поменьше, чем квафль. Гарри показалось, что они пытаются выпутаться из петель, которые удерживали их внутри ящика.

- Посторонись, - предупредил Вуд. Он нагнулся и отстегнул один из лупильников.

Чёрный мяч немедленно взлетел высоко в воздух и ринулся оттуда прямо Гарри в лицо. Гарри пришлось отмахнуться от него битой, чтобы мяч не сломал ему нос, и тот отскочил, петляя, потом облетел вокруг них и бросился на Вуда, который в прыжке накрыл его и прижал к земле.

- Видал? - спросил он, когда немного отдышался, запихивая лупильник обратно в ящик и пристёгивая его покрепче. - Лупильники носятся туда-сюда, пытаются сшибить игроков с мётел. Поэтому в команде есть два отбивных - у нас это близнецы Уизли. Их задача - защищать своих от лупильников, и отбивать их в сторону другой команды. Ну, как - всё запомнил?

- Три догонялы забрасывают квафль; вратарь охраняет кольца; отбивные отгоняют лупильники от своей команды, - отбарабанил Гарри.

- Точно, - сказал Вуд.

- А лупильники - они когда-нибудь убили кого-нибудь? - спросил Гарри беззаботным (как ему казалось) голосом.

- В Хогвартсе - ни разу. Пара сломанных челюстей, вот и всё. Так, теперь последний игрок в команде - искатель. Это ты. Тебе не надо обращать внимания ни на квафль, ни на лупильники...

- До тех пор, пока они не приложат меня по башке.

- Не бойся, паре лупильников против пары Уизли не устоять. Эти парни - они сами летают не хуже лупильников.

Вуд нагнулся к ящику и вынул последний, четвёртый мяч. По сравнению с квафлем и лупильниками он был просто крошечным - не больше грецкого ореха. Мяч был золотой, блестящий, а по бокам его трепетали маленькие серебристые крылышки.

- А это, - сказал Вуд, - это - Золотой Щелчок [35]. Самый важный мяч из них из всех. Поймать его очень сложно, потому что он маленький и незаметный. В этом и состоит твоя работа. Тебе надо уворачиваться от догонял, отбивных, лупильников и квафля, и отыскать щелчок до того, как это сможет сделать искатель соперника. Та команда, искатель которой поймал щелчок первым, получает сто пятьдесят очков - поэтому она почти всегда выигрывает. И поэтому на искателе всегда фолят. Матч кончается только тогда, когда щелчок пойман, так что в принципе играть можно очень долго. Кажется, рекордное время - что-то около трёх месяцев; игроков, естественно, заменяли, чтобы они могли отдохнуть. Ну, вот и всё, в общих чертах. Вопросы есть?

Гарри помотал головой. Что ему предстояло делать, он прекрасно понял. Проблема была в том, как.

- Со щелчком мы сейчас упражняться не будем, - сказал Вуд, осторожно положив его обратно в ящик, - темно уже, а потерять его ничего не стоит. Давай-ка лучше потренируемся вот на этих.

Он вытянул из кармана пакет обыкновенных мячиков для гольфа. Вуд и Гарри взлетели, и Вуд стал изо всей силы кидать мячики в разные стороны, а Гарри должен был их ловить.

Гарри не упустил ни одного; Вуд был просто в восторге. Через полчаса стало уже совсем темно, и им пришлось закругляться.

– Квиддичный кубок в этом году наш, голову даю, – радостно сказал Вуд, когда они топали обратно к замку. – Я не удивлюсь, если из тебя выйдет игрок не хуже Чарли Уизли – а он мог бы за сборную Англии играть, если бы ему не приспичило за драконами гоняться.

Свободного времени у Гарри совсем не было – горы домашней работы, и сверх того тренировки по три раза в неделю – и, возможно, поэтому он был так удивлён, когда понял, что уже провёл в Хогвартсе целых два месяца. В замке он чувствовал себя, как дома – чего никогда нельзя было сказать о домике в Оградном проезде. Да и сами уроки, после того, как он продрался через самые основы, становились всё более интересными.

Утром в канун Всех Святых их разбудил восхитительный запах печёной тыквы [36], витающий по коридорам. А на уроке чар профессор Флитвик объявил, что они уже, пожалуй, готовы к тому, чтобы попробовать заставить какие-нибудь предметы полетать. Они об этом просто мечтали – с тех самых пор, как увидели жабу Невилля, которую он пустил носиться по классу кругами. Профессор Флитвик разбил их на пары. Гарри достался Шеймус Финниган (чему он был очень рад, потому что Невиль ему в последнее время не давал проходу). Рону пришлось работать с Гермионой Грейнджер. Непонятно было, кто разозлился от этого сильнее – Рон или Гермиона. Она не перемолвилась с ними ни единым словом с того самого дня, когда Гарри пришло помело.

– Не забудьте, чему я вас учил – движение кисти лёгкое, плавное! – пищал профессор Флитвик, примостившись, как обычно, на стопке книг. – Раз – и два! Внимательнее! Раз – и два! И постарайтесь точнее произносить волшебные слова – помните чародея Баруффио, который как-то раз случайно заменил "с" на "з", и в результате оказался на полу, а сверху на нём сидел бизон.

Задача оказалась нелёгкая. Гарри и Шеймус делали и раз, и два, но перо, которому положено было взвиться под потолок, так и лежало перед ними на парте. Шеймус от нетерпения решил немного подтолкнуть его палочкой, и оно тут же вспыхнуло. Гарри пришлось сбивать огонь своей шляпой.

У Рона за соседним столом дела шли не лучше.

– Wingardium Leviosa! – кричал он, размахивая руками, как ветряная мельница – крыльями.

– Ты всё неправильно говоришь! – услышал Гарри сердитый голос Гермионы. – Вин-гар-ди-ум Ле-ви-о-са, "гар" надо хорошенько потянуть!

– Вот и делай сама, раз ты такая умная! – прорычал Рон.

Гермиона засучила рукава своей мантии, взмахнула палочкой и произнесла:

– Wingardium Leviosa!

Перо сорвалось с парты, взлетело и застыло метрах в полутора над её головой.

– Ах, умница! – вскричал профессор Флитвик, хлопая в ладоши. – Дети, смотрите все – у мисс Грейнджер чудесно получилось!

К концу урока Рон был мрачнее тучи.

– Ну и ничего удивительного, что с ней никто не водится, – сказал он Гарри, выходя в переполненный коридор. – Это же не девочка, а кошмар какой-то, честное слово.

На Гарри кто-то налетел и, не останавливаясь, побежал дальше. Это была Гермиона. Гарри с удивлением увидел, что всё лицо у неё было в слезах.

– Она, кажется, тебя слышала.

– Ну и пусть, – сказал Рон, хотя вид у него был озабоченный. – Могла бы и сама заметить, что у неё друзей нет.

На следующий урок Гермиона не явилась. Не видно её было и весь остаток дня. По дороге в Большой Зал на пиршество в честь кануна Всех Святых Гарри и Рон поймали краем уха, как Парвати Патил говорила своей подружке

Лаванде, что Гермиона рыдает в девчачьем туалете и просит всех от неё отстать. Услышав это, Рон совсем забеспокоился, но тут они вошли в Большой Зал, и праздничное убранство заставило их забыть обо всём на свете.

Со стен и потолка слетали тысячи живых летучих мышей; они роились тяжёлыми чёрными тучами над столами, так что воткнутые в тыквы свечи мигали и чуть не гасли. На золотых блюдах сами собой появились яства, так же, как и на банкете в честь начала учебного года.

Гарри как раз накладывал себе печёной картошки, как в зал ворвался профессор Квиррел. Тюрбан у него сбился набок, а в глазах был смертельный ужас. Все следили, как он подбежал к креслу профессора Дамблдора, облокотился о стол и, задыхаясь, выпалил:

- Там... В подземелье... Тролль... Надо... Предупредить...

После чего он рухнул в глубокий обморок.

Поднялся страшный шум. Профессору Дамблдору пришлось выпустить из своей палочки не меньше десятка лиловых ракет, прежде чем снова стало тихо.

- Префекты! - пророкотал он. - Немедленно ведите свои колледжи по общежитиям!

Перси словно этого и ждал.

- За мной! Первоклассники, держитесь кучнее! Если будете делать, как я скажу, никакой тролль вас не тронет! Не отставать! Разойдитесь, я первоклассников веду! Дорогу префекту!

- Как тролль мог сюда забраться? - спросил Гарри у Рона, поднимаясь по лестнице.

- Понятия не имею. Вообще-то они безнадёжно тупые, - ответил Рон. - Может, Брюзга его впустил? Шуточка очень в его стиле.

Группы людей пробегали, торопясь, в разные стороны. Проталкиваясь через толпу испуганных Футынотов, Гарри вдруг схватил Рона за рукав.

- Слушай, я только что вспомнил - Гермиона.

- Что Гермиона?

- Она-то про тролля не знает.

Рон закусил губу.

- Ну, ладно уж, - отгрызнулся он. - Только чтобы Перси не заметил.

Они пригнулись и смешались с Футынотами, которые шли в другую сторону, а потом ускользнули от них в пустынный коридор и побежали по направлению к туалету. Но не успели они завернуть за угол, как услышали за спиной чьи-то торопливые шаги.

- Перси! - зашипел Рон и утянул Гарри за огромного каменного грифона.

Они чуть-чуть высунулись из своего укрытия, но увидели не Перси, а Снейпа. Тот пересёк коридор и скрылся из виду.

- А он что тут делает? - прошептал Гарри. - Почему он вместе с остальными учителями не пошёл в подземелье?

- А я почём знаю.

Стараясь производить как можно меньше шума, они прокрались в следующий коридор, вслед за удаляющимися шагами Снейпа.

- Он на третий этаж отправился, - начал Гарри, но Рон остановил его жестом руки.

- Тихо. Чувствуешь запах?

Гарри втянул воздух и едва не закашлялся - в нос ему ударила отвратительная вонь, как от грязных носков и давно не мытого общественного туалета одновременно.

И тут они его услышали - низкое кряхтение и шарканье гигантских ног. Рон указал пальцем - в другом конце бокового прохода, слева от них, двигалась какая-то гигантская тень. Они вжались, как могли, в стену, и в страхе смотрели, как она подходила всё ближе и наконец пересекла полосу лунного света.

Их глазам открылось жуткое зрелище. Перед ними стояло четырёхметровой высоты страшилище. Тело его было серого цвета и напоминало грубый, неотесанный булыжник, на который кто-то прицепил сверху маленькую, не больше кокосового ореха, головку. Коротенькие ноги, толстые, как дубовые стволы, заканчивались плоскими ороговевшими ступнями. Смрад от него

исходил невероятный. В руке, свисавшей почти до пола, оно держало огромную дубину, которая волочилась по земле.

Тролль остановился у ближайшей двери и заглянул внутрь. Его длинные уши встали торчком – похоже, он напряжённо раскидывал своим жалким умишком. Наконец он медленно потащился в комнату.

– В замке торчит ключ, – прошептал Гарри. – Давай его там запрём.

– Отличная идея, – робко сказал Рон.

Они подкрались к открытой двери, каждую секунду опасаясь, что тролль из неё выскочит. Гарри одним прыжком метнулся к ней, захлопнул и повернул ключ.

– Ура!

Гордые своей победой, они побежали по коридору дальше, но на углу их настиг жуткий вопль, от которого им стало не по себе – и исходил он из-за той самой двери, которую они только что замкнули.

– Только не это, – сказал Рон, бледный, как Кровавый Барон.

– Это был туалет! – вскрикнул Гарри.

– Гермиона!!! – сказали они хором.

Меньше всего на свете им хотелось сейчас возвращаться – но что ещё им оставалось делать? Развернувшись на месте, они помчались обратно к двери и, после непродолжительной борьбы с ключом, открыли её. Гарри распахнул дверь, и они оба вбежали внутрь.

Гермиона стояла, прижавшись к противоположной стене, и вид у неё был такой, словно она собиралась упасть в обморок. Тролль надвигался на неё, сшибая по пути умывальники.

– Отвлеки его! – в отчаянии сказал Рону Гарри, а сам схватил с пола валявшийся водопроводный кран и изо всей силы швырнул его об стену. Тролль остановился в нескольких шагах от Гермионы. Потом он неуклюже обернулся, тупо помаргивая, чтобы посмотреть, что это за шум. Его маленькие злобные глазки заметили Гарри. Он поколебался мгновение, а потом пошёл на Гарри, поднимая свою дубину.

– Эй, ты, недоумок! – заорал Рон с другого конца комнаты и метнул в тролля куском железной трубы.

Тот и не поморщился, когда труба треснула ему по плечу, но крик Рона опять задержал его на месте. Он повёл своим рылом в сторону Рона, и у Гарри появилась возможность обежать его кругом.

– Ну, давай, беги!!! – закричал Гарри Гермионе, пытаюсь подтолкнуть её в сторону двери, но она не двигалась – казалось, она намертво приросла к стене, рот у неё был раскрыт в немом крике ужаса.

От всех этих воплей, которые к тому же отражались эхом от стен, тролль просто озверел. Он снова двинулся на Рона, который был к нему ближе остальных. Бежать Рону было некуда.

Тогда Гарри решился на шаг, который был одновременно очень смелым и очень глупым. Он хорошенько разбежался, подпрыгнул и уселся троллю на загривок, сцепив руки вокруг его шеи. Тролль, конечно же, не обратил бы внимания на столь незначительную помеху, но если тебе засунут в нос длинную палку, то такое и троллю не понравится. Дело в том, что волшебная палочка всё ещё была у Гарри в руках, и когда он подпрыгнул, она оказалась в ноздре у тролля.

Воя от боли, тролль завертелся на месте, отмахиваясь дубиной; Гарри держался из последних сил, ожидая, что тролль вот-вот стряхнёт его или зацепит страшным ударом дубины.

Гермиона сползла на пол. Рон вытащил свою палочку, хотя и не знал, что именно он собирался с ней делать, и выпалил первое заклинание, которое пришло ему в голову:

– Wingardium Leviosa!

Дубина неожиданно вырвалась из лапы тролля, поднялась высоко в воздух, застыла, медленно перевернулась – и свалилась на голову своего владельца с отвратительным хрустом. Тролль пошатнулся и грохнулся плашмя, так, что стены затряслись.

Гарри поднялся. Он дрожал и еле дышал. Рон как стоял с палочкой в руке, так и застыл в недоумении, пытаюсь понять, как это у него получилось.

Первой заговорила Гермиона.

- Он что - сдох?

- Вряд ли, - сказал Гарри. - Я думаю, что он просто в отключке.

Он нагнулся и выпростал свою палочку из носа тролля. Она вся была покрыта сероватыми глинистыми комьями.

- Фу-у! Тролльские козявки!

Он вытер палочку троллю об штаны.

Дверь громко хлопнула, и раздались быстрые шаги. Они посмотрели вверх. В пылу битвы они забыли о том, какой грохот они подняли, но внизу, конечно же, были слышны и падающие умывальники, и рёв тролля. Секундой позже в комнату ворвалась профессор Макгонагелл, Снейп следовал за ней по пятам, а Квиррел держался сзади. Бросив один взгляд на тролля, Квиррел слабо вспискнул и присел в уголке, схватившись за сердце.

Снейп нагнулся над троллем. Профессор Макгонагелл смотрела на Рона и Гарри. Никогда ещё они не видели её такой рассерженной. Губы у неё побелели. Похоже, что мечтам Гарри о том, как он сейчас заработает Гриффиндору пятьдесят очков, сбыться было не суждено.

- О чём вы двое думали? - осведомилась профессор Макгонагелл голосом, полным холодной ярости. Гарри поглядел на Рона - тот всё ещё держал в руках палочку. - Вы и не представляете себе, как вам повезло, что всё так обошлось. Почему вы не в общежитие?

Снейп метнул в Гарри быстрый пронизательный взгляд. Гарри уставился в пол. Ему очень хотелось, чтобы Рон опустил наконец свою палочку.

Но тут из угла донёлся слабый голос.

- Не сердитесь, профессор Макгонагелл - они пришли искать меня.

- Мисс Грейнджер!

Гермионе, кажется, удалось встать на ноги.

- Я пошла за троллем, потому что... потому что я думала, что могу с ним сама справиться... потому что я про них всё читала...

Рон уронил палочку. Гермиона Грейнджер, которая явно врёт перед учителем?

- Если бы они меня не нашли, мне бы здесь одной не выжить. Гарри сунул свою палочку ему в нос, а Рон треснул его по голове его же собственной дубиной. Они просто не успели никого позвать на помощь. Он уже собирался меня прикончить, и тут они пришли.

Гарри и Рон попытались изобразить своим выражением, что так оно в самом деле и было.

- Ну, что ж... В таком случае... - сказала профессор Макгонагелл, внимательно осматривая всех троих. - Мисс Грейнджер, глупая девчонка, как Вы могли даже подумать о том, чтобы идти на горного тролля в одиночку?! Гермиона виновато опустила голову. Гарри своим ушам не верил. От Гермионы меньше всего можно было ожидать, что она что-то сделает не по правилам - и всё же она только что призналась именно в этом, только для того, чтобы им не влетело. Даже если бы Снейп начал раздавать всем конфеты, Гарри бы, пожалуй, так не удивился.

- Мисс Грейнджер, из-за Вашего поведения с Гриффиндора снимается пять очков, - сказала профессор Макгонагелл. - Вы меня весьма огорчили. Если Вы никак не поранены, ступайте в Гриффиндорскую башню. Ученики заканчивают ужин в общих комнатах своих колледжей.

Гермиона вышла.

- Я по-прежнему считаю, что вам просто повезло, молодые люди, но тем не менее - не всякий первоклассник решится напасть на взрослого горного тролля. Каждый из вас получает по пять очков в пользу Гриффиндора. Я доложу об этом профессору Дамблдору. Идите.

Они выбежали наперегонки и не проронили ни слова, пока не оказались двумя этажами выше. Не считая всего остального, не находиться больше в одной комнате с этим омерзительным запахом уже было блаженством.

- По-моему, мы заслужили больше, чем какие-то десять очков, - проворчал Рон.

- Если считать те, что она сняла с Гермионы - то и вовсе пять.

- Вообще-то она молодец, что так за нас заступилась, - признался Рон. - Хотя нельзя не отметить, что мы её и в самом деле спасли.

- Если бы мы её не заперли наедине с этой уродиной, её бы и спасать не потребовалось, - напомнил ему Гарри.

Они дошли до портрета Толстой Дамы.

- Свиное рыло, - сказали они и забрались внутрь.

В общей комнате было шумно и полно народу. Все доедали еду, присланную наверх из Большого Зала. Одна лишь Гермиона стояла в одиночестве у двери, ожидая, когда они придут. Наступила неловкая пауза. Потом, не глядя друг на друга, они все разом сказали "Спасибо!" и побежали брать тарелки. С этого самого вечера Гарри, Рон и Гермиона стали друзьями. Есть на свете вещи, пройдя через которые, невозможно не подружиться, и одолеть четырёхметрового горного тролля было одной из них.

Глава одиннадцатая. Квиддич.

Пришёл ноябрь, и вместе с ним пришли холода. Горы, окружавшие школу, стали серо-ледяными, а озеро блестело, как остывшая сталь. На земле каждое утро появлялась изморозь. Из окошек своей башни они наблюдали, как Хагрид, в огромной дублёрке, кроличьих варежках и сапогах кротового меха, размораживал мётлы на поле для квиддича.

Начался квиддичный сезон. В эту субботу Гарри, после многих недель тренировок, должен был играть в своём первом матче - Гриффиндор против Пресмыкайса. Одержав победу, Гриффиндор передвинулся бы на второе место в кубке школы.

Мало кто видел, как Гарри на самом деле играет - Вуд решил, что Гарри, как их секретное оружие, должен оставаться, как бы это сказать... в секрете. Тем не менее весть о том, что он будет искателем, каким-то образом просочилась наружу. Гарри никак не мог решить, что было хуже - когда ему говорили, что он сыграет великолепно, или когда ему сочувственно предлагали бегать под ним по полю с большим матрасом. Гарри очень повезло, что Гермиона теперь с ним подружилась. Он и не представлял себе, как бы он мог справиться с домашней работой без её помощи, особенно когда Вуд начал гонять их на внеочередные тренировки. Ещё она дала ему почитать свою книжку "Квиддич - многовековая история", которая оказалась невероятно интересной.

Гарри узнал, например, что в квиддиче нарушить правила можно семьями различными способами - и что все они были осуществлены на чемпионате мира в 1473 году [37]; что искатели обычно небольшого роста и серьёзные травмы случаются, как правило, именно с ними; и что хотя игроки в квиддич погибали чрезвычайно редко, судьи время от времени исчезали с поля, а появлялись снова только через пару месяцев где-нибудь в пустыне Сахара. Гермиона перестала так уж сильно настаивать на неперемennom соблюдении разнообразных правил с тех пор, как Гарри и Рон спасли её от горного тролля, и это пошло ей на пользу. Накануне первого для Гарри квиддичного матча они втроём вышли на перемене во двор, и, чтобы не замёрзнуть, она заколдовала маленький синий огонёк, который можно было носить с собой в стеклянной банке из-под варенья. Они грелись, повернувшись к нему спинами, и в это время по двору проходил Снейп. Гарри немедленно заметил, что Снейп хромает. Гарри, Рон и Гермиона сдвинулись поближе, пытаясь закрыть от него огонь, поскольку догадывались, что делали что-то запретное. К сожалению, их виноватого вида была достаточно, чтобы привлечь внимания Снейпа. Он прохромал к ним. Огня он не заметил, но стал искать какую-нибудь причину тем не менее сделать им замечание.

- Что это у Вас, Поттер?

Гарри показал "Многовековую историю".

- Выносить библиотечные книги за пределы школы запрещено, - сказал Снейп.

- Дайте сюда. Пять очков с Гриффиндора.

- Небось, сам только что это правило и придумал, - злобно проворчал Гарри в спину Снейпу, который удалялся, прихрамывая. - Интересно, что у него с ногой?

- Что бы ни было, лишь бы болело сильнее, - в тон Гарри прибавил Рон.

В общей комнате Гриффиндора в тот вечер было очень шумно. Гарри, Рон и Гермиона сели у окна. Гермиона проверяла у них домашнюю работу для урока

Чар. Списывать она им, строго говоря, не позволяла ("А иначе как же вы научитесь?"), но они могли попросить её прочесть то, что они написали, и получить правильные ответы таким образом.

Гарри места себе не находил. Ему хотелось уткнуться в "Многовековую историю", чтобы хоть как-то отвлечься от завтрашней игры. Почему это он должен бояться Снейпа? Он встал и объявил Рону и Гермионе, что собирается пойти и спросить у Снейпа, нельзя ли ему получить книгу обратно.

- Ну-ну, давай, - сказали они хором, но Гарри потихоньку надеялся, что Снейп не сможет ему отказать, если рядом будут другие учителя.

Он дошёл до учительской и постучался. Никто не ответил. Он постучал ещё раз. Никого.

Может быть, Снейп просто оставил книгу лежать на столе? Надо посмотреть. Он осторожно приотворил дверь и заглянул внутрь. Его глазам предстала ужасающая картина.

В учительской были только Снейп и Филч. Снейп придерживал свою мантию чуть выше колена. Одна нога у него была изуродована и вся в крови. Филч подавал ему бинты.

- Поганая тварь, - шипел Снейп. - Ну, как я, по-вашему, должен следить за тремя головами сразу?

Гарри попытался бесшумно закрыть дверь, но...

- ПОТТЕР!

Лицо Снейпа исказилось от ярости; он быстро бросил полы мантии, прикрывая свою ногу. Гарри сглотнул.

- Я только... Я только хотел узнать, можно я возьму свою книгу?

- Вон! Вон отсюда!!!

Не дожидаясь, пока Снейп опять начнёт снимать с Гриффиндора очки, Гарри решил убраться. Он бегом взлетел обратно в башню.

- Ну, что, достал? - спросил Рон, завидев Гарри. - Ты чего это?

Гарри взволнованным шёпотом рассказал им, что он только что видел.

- Понимаете, в чём тут дело? - закончил он почти беззвучно. - В канун Всех Святых он пытался пройти мимо того трёхголового пса! Вот почему мы его там видели! Ему нужно то, что пёс охраняет! Спорим на моё новое помело - это он тролля впустил, чтобы всех отвлечь!

Гермиона широко распахнула глаза.

- Да нет, не может быть, - сказала она. - Особенно приятным его, конечно, не назовёшь, но это не значит, что он собирается украсть что-то, что Дамблдор хранит в секрете.

- Ну, Гермиона, ты даёшь. Тебя послушать, так все учителя прямо святые какие-то, - отрызнулся Рон. - Гарри правильно сказал - со Снейпом держи ухо востро. Но что же это ему так понадобилось? На чём этот пёс сидит? Этот вопрос всё ещё вертелся у Гарри в голове, когда все уже улеглись. Невиль громко храпел на соседней кровати, но к Гарри сон никак не шёл. Он пытался избавиться от назойливых мыслей - надо спать, надо уснуть, через несколько часов его первая игра в квиддич - но забыть выражение лица Снейпа, когда тот понял, что Гарри увидел его ногу, было не так-то просто.

Следующее утро выдалось солнечным и зябким. Большой Зал был заполнен чудесным запахом жареных сосисок и весёлым гомоном учеников, предвкушающих хороший квиддичный матч.

- Тебе надо поесть.

- Не хочу.

- Ну хоть хлеба кусочек, - продолжала настаивать Гермиона.

- Да я не голодный.

Гарри чувствовал себя неважно - а через час ему выходить на поле.

- Гарри, тебе надо сил набраться, - сказал Шеймус Финниган. - Искателей всегда мутузят сильнее всех.

- Благодарю за информацию, - сказал Гарри, глядя, как Шеймус заливает свои сосиски кетчупом.

К одиннадцати было похоже, что вся школа в полном составе расселась на трибунах вокруг стадиона. Многие держали в руках бинокли. Хотя места и были подняты довольно высоко над землёй, иногда всё равно было трудно разглядеть, что происходит.

Рон и Гермиона сели в верхнем ряду, вместе с Невилем, Шеймусом и Дином (страстным болельщиком "Уэстхама"). В качестве сюрприза для Гарри они приготовили большой плакат из простыни, которую изгрыз Скабберс. На плакате было написано "Поттера - в президенты"; Дин, который здорово рисовал, изобразил внизу большого Гриффиндорского льва, а Гермиона произвела над ним сложный наговор, так что краски переливались разными цветами.

Гарри в это время вместе с остальными игроками облачался в раздевалке в алую мантию Гриффиндора (Пресмыкайс играл в зелёном).

Вуд попросил внимания и прокашлялся.

- Ну, ребята, - начал он.

- И девочки, - поправила его догоняла Анжелина Джонсон.

- И девочки, - согласился Вуд. - Время пришло.

- Перед нами - наша главная цель, - подхватил Фред Уизли.

- Мы так долго к этому готовились, - продолжил Джордж.

- Торжественную речь Вуда мы знаем наизусть, - объяснил Гарри Фред. - Мы уже второй год в сборной.

- Помолчите вы, оба, - сказал Вуд. - Команда у Гриффиндора сейчас сильнее, чем за все последние годы. Так что мы победим. Точно говорю.

И он оглядел их всех с таким выражением, словно хотел прибавить: "А не то смотрите!"

- Вот. Ну ладно, пора. Удачи всем.

Гарри последовал за Фредом и Джорджем из раздевалки и вышел на поле, надеясь только, что ноги под ним не подогнутся. Его встретили громкими криками.

Судила мадам Хутч. Она уже стояла посередине поля с метлой в руке, ожидая, когда подойдут команды.

- Предупреждаю - играть честно, - сказала она, когда все наконец собрались вокруг.

Гарри заметил, что смотрела она при этом на капитана Пресмыкайса, шестиклассника Маркуса Флинта. Гарри всегда казалось, что у Флинта в предках не обошлось без троллей. Краешком глаза он увидел плакат "Поттера - в президенты", который развевался высоко в небе. Сердце у него подпрыгнуло, и он почувствовал себя чуточку смелее.

- Прошу всех приготовить метлы.

Гарри забрался на свой Нимбус.

Мадам Хутч громко засвистела в свой серебряный свисток.

Пятнадцать метел поднялись в воздух - всё выше, выше. Игра началась.

- Квафль у Анжелины Джонсон из команды Гриффиндора. Отличная догоняла, и к тому же такая хорошенькая...

- Джордан!

- Извиняюсь, профессор.

Ли Джордан, приятель близнецов Уизли, комментировал матч под строгим оком профессора Макгонагелл.

- Она мчится так, что только держись, превосходный пас Алисе Спиннет, надо отдать Вуду должное - у него чутьё на талантливых догонял, а ведь весь прошлый сезон она просидела в запасных... Пас обратно к Джонсон и... Нет, Пресмыкайсы отобрали квафль, капитан Маркус Флинт с квафлем, идёт вперёд... Флинт летит, как птица... Бросок... Отменно сыграл вратарь Гриффиндора Вуд, и с квафлем снова Гриффиндор... Догоняла Кэти Белл, нырком обошла Флинта, продвигается по краю поля и... Ай! Да, это, наверное, неприятно - получила лупильником по затылку. Квафль у Пресмыкайсов, Адриан Пьюси выходит к воротам, но там его ждал второй лупильник, направленный битой Джорджа или Фреда Уизли, кто их разберёт... Неважно, один из отбивных Гриффиндора на высоте... Джонсон снова подобрала квафль, перед ней свободное поле, стремительно проходит по центру...

уворачивается от несущегося лупильника... Ну, Анжелина, давай... Вратарь Блечли в прыжке пытается достать мяч... ГО-ОЛ!
Крики Грифиндоров потрясли морозный воздух, заглушая вой и стоны Пресмыкайса.

- Посторонись, двинься, ещё маленько...

- Хагрид!

Рон и Гермиона подвинулись, давая место Хагриду, который забрался к ним наверх.

- Я из избушки, значит, смотрел, - сказал Хагрид, поглаживая огромный бинокль, который висел у него на шее, - но всё ж таки это не то, что здесь. Во народищу-то! Как там шелчок, не видать ещё?

- Не-а, - сказал Рон. - Гарри пока что работы мало.

- Ну и ладно. Держится пока, и то славно, - сказал Хагрид и поднял бинокль к глазам, разглядывая вверху маленькую точку, которой с трибун казался Гарри.

Гарри и в самом деле взлетел очень высоко, скользя над полем и стараясь высмотреть хоть какой-нибудь намёк на то, где был шелчок. В этом был секретный план Вуда.

- Пока ни увидишь шелчок, держись в стороне, - говорил Вуд. - Нечего им на тебя нападать раньше времени.

Когда Анжелина забила гол, Гарри кувырнулся пару раз в воздухе, чтобы немного разрядить напряжение, но вскоре снова принялся за свою работу. Однажды в глаза ему блеснуло что-то золотое, но это оказался блик от наручных часов одного из Уизли, и ещё заплутавший лупильник промчался в его направлении, как пушечное ядро, но Гарри отлетел в сторону, а за лупильником погнался Фред.

- Как там дела, Гарри? - прокричал он, пролетая, и яростно отбил лупильник прямо на Маркуса Флинта.

- С квафлем Пресмыкайс, - говорил Ли Джордан, - догоняла Пьюси увернулся от двух лупильников, двух Уизли и догонялы Белл, мчится к во... Минуточку, не шелчок ли это?

По трибунам пронёсся вздох, а Адриан Пьюси уронил квафль, пытаясь уследить за золотым отблеском, мелькнувшим над его левым ухом. Гарри увидел его. По его телу пробежала волна радостного возбуждения, и он ринулся вперёд, за полоской золота. Искатель Пресмыкайса Теренс Хиггс тоже увидел шелчок, и вот они уже мчались вместе, плечом к плечу. Догонялы, казалось, забыли о своих обязанностях и спрудились в воздухе в середине поля, глядя на них.

Гарри был быстрее Хиггса. Он уже различал крохотные серебристые крылья по бокам золотого шарика, порхавшего перед ним... ещё один рывок... ХРЯСЬ! С Грифиндорской трибуны внизу раздался возмущённый рёв - Маркус Флинт уммышленно подставился, и метлу Гарри отнесло в сторону, а сам он только чудом удержался на ней.

- Штрафной! - вопили Грифиндоры.

Мадам Хутч отлетела с Флинтом в сторону и что-то сердито ему выговаривала, а потом назначила пенальти в ворота Пресмыкайса. Среди всеобщего замешательства шелчок, естественно, снова исчез из виду. В верхнем ряду Дин Томас никак не унимался.

- Флинта с поля! Красную карточку!

- Дин, что ты несёшь? - вежливо осведомился Рон.

- Красную карточку! - злобно повторил Дин. - В футболе за такое показывают красную карточку - и гуляй!

- Дин, мы не на футболе, - напомнил ему Рон.

Хагрид неожиданно выступил на стороне Дина.

- Парень верно говорит. Надо поменять правила. А то что это за дела - Флинт мог Гарри и вовсе зашибить.

На этот раз Ли Джордан и не старался сохранять объективность.

- Итак, после очевидного, отвратительного жульничества...

- Джордан! - проворчала профессор Макгонагелл.

- Извиняюсь, после открытого, нахального нарушения...

- Джордан, смотрите у меня...

- Ну ладно, ладно. Флинт чуть не укокошил Гриффиндорского искателя, что, конечно же, случается сплошь и рядом, с кем не бывает, так что штрафной в пользу Гриффиндора. Пробивать будет Спиннет... и она спокойно проводит мяч. Гриффиндоры разыгрывают в центре поля, и мы продолжаем игру. Гарри едва успел увернуться от ещё одного лупильника, просвистевшего прямо у него над головой - и тут-то оно и случилось. Метла под ним внезапно и жутко дрогнула. На мгновение ему показалось, что он сейчас сорвётся. Он крепче уцепился за метлу обеими руками и прижал рукоять коленями. Никогда он ещё не испытывал ничего подобного. И ещё раз. Казалось, метла пытается его стряхнуть - но Нимбусы не могут вдруг взять и решить стряхнуть своих седоков. Гарри попробовал повернуть в сторону ворот Гриффиндора - он раздумывал над тем, не попросить ли Вуда объявить тайм-аут - и тут он понял, что метла окончательно перестала его слушаться. Он не мог свернуть. Он вообще не мог её никуда направить. Метла двигалась рывками то в одну, то в другую сторону, время от времени резко и широко размахивая рукоятью, и Гарри каждый раз стоило больших усилий удержаться.

Ли продолжал комментировать.

- Пресмыкайсы атакуют... С мячом Флинт... обходит Спиннет... обходит Белл... какой удар - прямо в лицо лупильником, будем надеяться, что уж нос-то он ему переломал... Шутка, профессор. Тьфу! Пресмыкайс забивает гол.

Пресмыкайская трибуна вопила от радости. Похоже, никто не заметил, что метла Гарри ведёт себя странно. Она плавно поднималась всё выше, унося его прочь от игры, и при этом дрожала и дёргалась.

- Что-то я не пойму, что там Гарри себе думает, - проворчал Хагрид. Он не отрываясь смотрел в свой бинокль. - Кабы я не знал, что такого не бывает, я бы сказал, что он управление бросил... Ну не мог же он, в самом деле...

Вдруг на трибунах люди стали показывать пальцами в направлении Гарри - то там, то здесь, всё больше и больше. Его метла крутилась теперь вокруг оси, так что он едва не падал. Внезапно вся толпа ахнула в один голос. Метла Гарри резко вывернулась из-под него, и он сорвался. Теперь он свисал с неё, держась только одной рукой.

- Может, там что-нибудь сломалось, когда он на Флинта налетел? - шёпотом спросил Шеймус.

- Не, ни в коем разе, - отозвался Хагрид дрожащим голосом. - С помелом за просто так ничего не сделаешь, тут Чёрная магия нужна, да не слабая. А уж с Нимбусом такие штуки выделывать - это детишкам и вовсе не под силу. Пока он это говорил, Гермиона схватила его бинокль, но вместо того, чтобы глядеть на Гарри, начала что-то тщательно высматривать в толпе.

- Что ты делаешь? - простонал Рон, серый с лица от волнения.

- Так и знала, - выдохнула Гермиона. - Это Снейп - смотри сам.

Рон вырвал у неё бинокль. Снейп сидел в середине противоположной трибуны. Глаза его были устремлены на Гарри, и он что-то непрерывно и неслышно бормотал.

- Он что-то задумал. Он метлу хочет сглазить! - сказала Гермиона.

- Что же делать?

- Я сейчас.

Не успел Рон и слова вымолвить, как Гермионы и след простыл. Рон снова повернул бинокль в сторону Гарри. Метла его так сильно тряслась, что было ясно - долго он не продержится. Все зрители вскочили с мест и в ужасе наблюдали, как близнецы Уизли подлетели к Гарри, чтобы попытаться перетащить его на свою метлу - но безуспешно: всякий раз, когда они приближались к нему, его метла подпрыгивала ещё выше. Тогда они сбросили высоту и стали кружить под ним, очевидно, надеясь поймать его, если он станет падать. Маркус Флинт подобрал квафль и забросил его пять раз подряд, прежде чем кто-либо это заметил.

- Ну, Гермиона, давай, - в отчаянии повторял Рон.

Гермиона протолкалась через толпу на ту трибуну, где стоял Снейп, и быстро бежала вдоль предыдущего к нему ряда. Когда ей на пути попался

профессор Квиррел, она сшибла его так, что он полетел через скамейку головой вперёд, но даже не обернулась, чтобы извиниться. Достигнув Снейпа, она нагнулась, вытащила свою волшебную палочку и прошептала несколько слов. Из её палочки на подол мантии Снейпа лентой вылетело синее пламя.

Снейпу понадобилось с полминуты, чтобы осознать, что он горит. Он издал приглушённый вопль, который Гермиона приняла за знак того, что со своей задачей она справилась. Она быстро стрелба с него огонь в маленькую баночку, сунула её в карман и прокралась вдоль нижнего ряда обратно. Снейп, похоже, так и не понял, что случилось.

Этого было достаточно. Высоко в воздухе над полем Гарри вдруг удалось снова оседлать свою метлу.

- Невиль, уже можно смотреть! - сказал Рон. Последние пять минут Невиль горько всхлипывал, уткнувшись в куртку Хагрида.

Гарри уже нёсся к земле, и все увидели, как он прижал руку ко рту, как будто его собиралось сейчас стошнить - он приземлился на четвереньки, кашлянул, и в его подставленную руку выпало что-то маленькое и золотое.

- Я щелчок поймал! - крикнул он, размахивая им над головой, и среди всеобщего замешательства матч таким образом закончился.

- Да ничего он не поймал, он его едва не проглотил!

Двадцать минут спустя Флинт всё ещё продолжал голосить, но без толку - Гарри никаких правил не нарушил, и Ли Джордан радостно выкрикивал окончательный счёт: Гриффиндор победил, сто семьдесят - шестьдесят. Гарри этого, впрочем, не слышал - в это время Хагрид в своей избушке наливал ему кружку крепкого чая, а Рон и Гермиона сидели рядом.

- Это всё Снейп, - объяснял Рон, - мы с Гермионой всё видели. Он всё бормотал, бормотал, чтобы твою метлу сглазить, прямо глаз с тебя не спускал.

- Да ну, ерунда, - сказал Хагрид, который не услышал ни единого слова из того, что происходило рядом с ним на трибуне. - С какой радости Снейпу такое в голову придёт?

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, прикидывая, что именно стоит рассказать Хагриду. Гарри решил, что лучше всего - правду.

- Я про него кое-что узнал, - сказал он. - В ночь на Всех Святых он хотел пролезть в люк, на котором сидит трёхголовый пёс. И тот его укусил. Мы так думаем, что он хочет стащить то, что пёс охраняет.

Хагрид уронил чайник.

- А вы откуда про Пушистика знаете? - спросил он.

- Пушистика???

- Ну да. Это моя псина, я его откупил у одного мужика, грека [38], в кабаке мы встретились прошлым годом. Я его Дамблдору ссудил, чтобы оберегать...

- Ну? - жадно сказал Гарри.

- Ну и не приставай ко мне больше, - сказал Хагрид угрюмо. - Это вообще жуткая тайна, вот что.

- Но Снейп хочет это украсть!

- Ерунда, - повторил Хагрид. - Снейп - Хогвартский учитель, ничего подобного он ни в жисть не сделает.

- Тогда почему он только что пытался Гарри убить? - вскричала Гермиона. Недавние события, казалось, серьёзно пошатнули её мнение о Снейпе.

- Хагрид, уж я-то сглаз как-нибудь отличу, я про них всё-всё читала! Необходимо объект всё время держать в поле зрения - а Снейп даже не моргал, я сама видела!

- А я тебе говорю - что-то здесь не так! - горячо возразил Хагрид. - Почему метла у Гарри такие фортеля выкидывала, я не знаю, верно, да только Снейп не станет ни с того ни с сего ученика гробить! Слушайте сюда, все трое - вы впутываетесь в такие дела, до которых вам никакого касательства нету. Опасно это. Так что забудьте вы и про псину, и про то, что он стережёт - штука эта промежуто профессором Дамблдором и Николя Флямелем...

- Ага! - сказал Гарри. - Тут, значит, не обошлось без кого-то по имени Николая Флямель!

Хагрид был просто в ярости, но сердиться ему приходилось только на себя.
Глава двенадцатая. Зеркало Эйналеж.

Приближалось рождество. Однажды утром в середине декабря обитатели Хогвартса обнаружили, проснувшись, что вокруг навалило выше пояса снега. Озеро замёрзло; близнецам Уизли досталось за то, что они слепили и зачаровали несколько снежков так, что те гонялись за Квиррелом, а догнав, отскакивали от его тюрбана. Тех немногих сов, которые решались в пургу доставлять почту, Хагриду приходилось потом отхаживать, прежде чем они снова могли летать.

Все с нетерпением ждали наступления праздников. В общей комнате Гриффиндора и в Большом Зале всегда жарко топились камин, но в коридорах пробирало сквозняком, и холодный ветер гремел заледеневшими стёклами в кабинетах. Хуже всего было на уроках профессора Снейпа, внизу, в подземелье - дыхание стояло столбом морозного пара, и ребята жались поближе к своим кипящим котлам.

- Мне искренне жаль, - сказал Драго Малфой на одном из уроков зелий, - всех тех беднячек, которым придётся остаться на Рождество в Хогвартсе, потому что домой их никто не звал.

Говоря это, он смотрел прямо на Гарри. Краббе и Гойл хихикнули. Гарри отмеривал толчёный хребет лев-рыбы и пропустил замечание мимо ушей. После квиддичного матча Малфой стал ещё неприятнее, чем раньше. Не скрывая своего раздражения от проигрыша, он некоторое время пытался смешить окружающих своими заявлениями, что в следующий раз искателя вместо Гарри будет играть древесная лягушка-раззява. Скоро он сообразил, что этого никто забавным не находит - все были под впечатлением того, как Гарри, несмотря ни на что, смог всё же удержаться на своём помеле. Малфоя, при всей его злобе и зависти, ничего не оставалось, как продолжать дразнить Гарри тем, что у него нет настоящей семьи.

Гарри и в самом деле не собирался на каникулы в Оградный проезд. На прошлой неделе профессор Макгонагелл обошла всех учеников, заноса в список желающих остаться на Рождество в школе, и Гарри сразу же записался. Ему себя было несколько не жаль; напротив, он собирался провести здесь самое лучшее Рождество в своей жизни. Рону с братьями тоже пришлось остаться, потому что старшие Уизли собирались в Румынию, повидать Чарли.

Покидая подземелье после урока зелий, они наткнулись на огромную ёлку, которая перегородила весь коридор. Судя по двум огромным башмакам, проглядывающим снизу, и шумному сопению, с другой стороны её находился Хагрид.

- Привет, Хагрид. Помощь нужна? - спросил Рон, просовывая голову сквозь ветви.

- Не, справлюсь помалешку, спасибо, Рон.

- Не соизволите ли убраться с дороги? - раздался сзади холодный, растянутый голос Малфоя. - Что, Уизли, пытаешься подзаработать? Или решил егерем стать, когда вырастешь и школу окончишь? Хагридова халупа по сравнению с тем курятником, в котором твоя семейка проживает, небось, за хоромы покажется.

Рон прыгнул на Малфоя - как раз когда с лестницы начал спускаться Снейп.

- Уизли!!!

Рон отпустил ворот мантии Малфоя.

- Его подначивали, профессор Снейп, - сказал Хагрид, высывая из-за дерева свою косматую голову. - Малфой на его семью наезжал.

- Вполне возможно, Хагрид, однако драться в Хогвартсе строго запрещено, - елебно отозвался Снейп. - Пять очков с Гриффиндора, и скажите спасибо, Уизли, что не больше. А теперь проходите-ка.

Малфой, Краббе и Гойл грубо протолкались мимо дерева, рассыпая по полу иголки и ухмыляясь.

- Я до него доберусь, - прошипел Рон в спину Малфоя сквозь стиснутые зубы, - дай срок, уж я его достану...

- Обоих ненавижу, - сказал Гарри. - И Малфоя, и Снейпа.

- Да ладно вам дуться, Рождество вон на носу, - сказал Хагрид. - Вы вот что, давайте-ка со мной, поглядим на Большой Зал. Что они там сделали - это просто конфетка.

Они все трое последовали за Хагридом и ёлкой к Большому Залу, где профессор Макгонагелл и профессор Флитвик развешивали рождественские украшения.

- А, Хагрид! Это последнее дерево? Будь любезен, в дальний угол его, ладно?

Зал выглядел великолепно. По стенам были развешаны венки из остролиста и омелы [39], и по всей комнате стояло не меньше дюжины высоченных ёлок; на некоторых посверкивали крошечные сосульки, другие сияли сотнями свечей.

- И сколько вам ещё до каникул осталось? - спросил Хагрид.

- Всего один день, - ответила Гермиона. - Да, кстати - Гарри, Рон, у нас есть ещё полчаса до обеда, надо бы в библиотеку.

- Ах да, верно, - сказал Рон, не в силах оторвать глаз от профессора Флитвика, который пускал из своей палочки золотые пузыри и укладывал их прозьями на ветках принесённого Хагридом дерева.

- В библиотеку? - спросил Хагрид, выходя вслед за ними из зала. -

Накануне праздника? Ну, вы совсем заучились.

- А мы не учиться, - весело отозвался Гарри. - Ты тогда упомянул Николая Флямеля, и мы всё пытаемся узнать, кто же он такой.

- Чего-о? - Хагрид выглядел ошарашенным. - Вы смотрите! Говорю я вам - отлипните вы от этой затеи. Что пёс охраняет, то вам знать не положено.

- Мы только хотим узнать, что это за Николай Флямель, вот и всё, - сказала Гермиона.

- Может, ты сам нам скажешь, чтобы не возиться? - предложил Гарри. - Мы уже, наверное, сотню книг проглядели, не меньше, а его нигде нет. Ну хоть намекни! У меня такое чувство, что где-то я о нём читал.

- Ну уж нет, я теперь про это - молчок, - решительно сказал Хагрид.

- Что ж, придётся, значит, самим, - сказал Рон. Они оставили рассерженного Хагрида и помчались в библиотеку.

Они и в самом деле перерыли множество книг, пытаясь найти имя Флямеля, с тех пор, как оно вырвалось у Хагрида, решив, что без этого им не узнать, что же пытался выкрасть Снейп. Однако не зная, что именно мог совершить Флямель, чтобы про него написали в книге, им было сложно понять, где же начать свои поиски. Про него не было ни в "Великих волшебниках XX века", ни в "Выдающихся колдовских личностях нашего времени". "Важнейшие магические открытия современности" и "Анализ недавних событий в области чародейства" также не упоминали о нём ни единым словом. К тому же сам размер школьной библиотеки производил удручающее действие - десятки тысяч книг, тысячи полок, сотни узких проходов...

Гермиона составила список предметов и названий, которые она собиралась проработать; Рон просто выбрал первый попавшийся проход и пошёл вдоль него, вытаскивая книги наудачу. Гарри забрёл в специальный отдел. Ему уже давно было интересно, не найдётся ли Флямель в одной из книг для ограниченного пользования. К сожалению, для того, чтобы даже просто взглянуть на эти книги, требовалась особая записка с разрешением от одного из учителей, и они прекрасно знали, что подобного разрешения они ни за что не получают. В этих книгах содержалась могущественная Чёрная магия, которую в Хогвартсе не проходили; читать их позволялось только старшеклассникам, которые посещали дополнительные занятия по защите от Чёрных сил.

- Что Вы тут ищете, молодой человек?

- Ничего, - сказал Гарри.

Библиотекарша мадам Пенс [40] тряхнула в его сторону метёлкой для смахивания пыли.

- Тогда попрошу Вас выйти отсюда. Да поскорее!

Досадуя, что он не смог на ходу выдумать какую-нибудь правдоподобную историю, Гарри вышел из библиотеки. Они с Роном и Гермионой уже решили, что спрашивать про Флямеля у мадам Пенс лучше не стоит. Она несомненно смогла бы им ответить, но риск того, что Снейп тогда услышит или разузнает, что они задумали, был слишком велик.

Гарри остановился в коридоре подождать своих двух друзей, на случай если они что-нибудь найдут, но особенно он на это не надеялся. Они уже две недели потратили на поиски, но поскольку занимались они этим урывками, на переменах, неудивительно, что пока что ничего не проклюнулось. Долгая, обстоятельная работа, желательна без вмешательства со стороны мадам Пенс - вот что им было необходимо.

Через пять минут Рон и Гермиона присоединились к нему, разочарованно качая головами.

- Вы здесь без меня не бросайте это дело, ладно? - сказала Гермиона. - Если что-нибудь найдёте, сразу же шлите мне сову.

- А ты пока что спроси у своих родителей, не знают ли они, кто такой Флямель, - сказал Рон. - Их-то, наверное, спрашивать безопасно.

- О, совершенно безопасно - они оба зубные врачи, - заверила его Гермиона.

Однако когда начались каникулы, Гарри и Рон за весельем совсем забыли о Флямеле. Всё общежитие было в их распоряжении, в общей комнате тоже было гораздо свободнее, чем обычно, так что им удалось занять самые удобные кресла, прямо у камина. Они часами просиживали в них, поджаривая и поедая всё, что могло быть нацеплено на длинную двузубую вилку и засунуто в огонь - куски хлеба, булочки, пастилу - и болтали о разнообразных способах добиться исключения Малфоя (разговаривать об этом было приятно, даже несмотря на то, что ни один из них наверняка успехом бы не увенчался).

Ещё Рон начал учить Гарри играть в колдовские шахматы. К удивлению Гарри, они почти в точности походили на обычные, мuggleвые, за исключением того, что фигуры были живыми, и это превращало игру в подобие битвы, а игрока - в командующего войсками. Фигуры Рона были старыми и потрёпанными. Как и все его остальные вещи, они принадлежали когда-то более старшему члену семьи Уизли - а именно его дедушке. Старые фигуры, впрочем, не были неудобством, скорее наоборот - Рон так хорошо был с ними знаком, что ему не стоило труда направлять их куда ему хотелось.

Гарри играл фигурами, которые одолжил ему Шеймус Финниган, и они ему совсем не доверяли. Играл он пока что не очень уверенно, и они постоянно кричали на него и давали ему разнообразные советы, сбивая его с толку ("Ну зачем ты меня на это поле тащишь, ты что, коня не видишь, что ли? Его лучше подставь, без него мы как-нибудь обойдёмся!").

В рождественскую ночь Гарри отправился спать, предвкушая на следующий день много развлечений и вкусной еды, но вовсе не ожидая никаких подарков. Однако когда он проснулся на следующее утро, первым, что он увидел, была небольшая горка коробок в ногах кровати.

- Поздравляю с Рождеством, - сонно произнёс Рон, когда Гарри вылез из постели и начал натягивать халат.

- И тебе того же, - ответил Гарри. - Ты только посмотри! У меня тут подарки какие-то!

- А ты чего ждал - пареной репы, что ли? - отозвался Рон, приступая к своей груди, которая была гораздо больше, чем у Гарри.

Гарри взял верхнюю коробку. Она была завернута в коричневую бумагу; поперёк неё было нацарапано: "Гарри - от Хагрида". Внутри оказалась грубовато обделанная деревянная флейта. Хагрид несомненно вырезал её сам. Гарри подул в неё - звук был немного похож на свиное уханье.

Вторая коробочка, очень маленькая, содержала записку.

"Твоё письмо получили; рождественский подарок прилагается. Дядя Вернон, тётя Петунья". К записке липкой лентой была приклеена монетка в пятьдесят пенсов.

- Какой жест, - сказал Гарри.

Рон был зачарован полтинником.

- Ну и ну! - сказал он. - Это что, деньги такие? Такой формы [41]?

- Забирай, - сказал Гарри, смеясь над Роновым удивлением и над тем, как он обрадовался монетке. - Так, Хагрид и дядя с тётёй - это я понимаю, а эти-то кто прислал?

- Вот про это я, кажется, догадываюсь, - слегка покраснев, сказал Рон, указывая на большой бесформенный пакет. - Наша мама. Я же ей сказал, что ты никаких подарков не ждёшь... Ой, сдохнуть можно, - простонал он. - Она тебе Уизлийский свитер связала.

Гарри разорвал обёртку и вытащил толстый изумрудно-зелёный свитер домашней вязки и коробку самодельных ирисок.

- Каждый год она всем нам вяжет по свитеру, - сказал Рон, разворачивая точно такой же пакет, - и мне всегда лиловый.

- По-моему, очень мило с её стороны, - сказал Гарри, пробуя ириски, которые таяли во рту.

В следующем подарке тоже оказались сласти - большая коробка Шоколадных Жаб от Гермионы.

Оставался всего один свёрток. Гарри взял его в руки и внимательно ощупал. Свёрток почти ничего не весил. Гарри раскрыл его.

Что-то серебристо-серое заструилось вниз и улеглось на полу мерцающими складками. Рон ахнул.

- Я про них слышал, - сказал он шёпотом, уронив коробку "Мармеладок на любой вкус", которая досталась ему от Гермионы. - Если, конечно, это то, что я думаю... Они страшно редкостные, и страшно дорогие.

- Кто?

Гарри подобрал серебрящуюся материя. Она была очень странной на ощупь, как будто сотканной из воды.

- Это накидка-невидимка, - сказал Рон, на лице у которого появилось благоговейное выражение. - Точно говорю. Попробуй, надень её!

Гарри обернул накидку вокруг плеч, и Рон взвизгнул.

- Ну да! Погляди вниз!

Гарри поглядел на свои ноги, но на обычном месте их не оказалось. Он бросился к зеркалу. Действительно, у его отражения была только голова, висящая в воздухе, а тело было совершенно невидимо. Он натянул накидку на голову, и отражение исчезло совсем.

- Записка! - вдруг сказал Рон. - Оттуда записка выпала!

Гарри сбросил накидку и схватил письмо. Узким, петлистым почерком, какого он никогда раньше не видел, в ней было написано следующее:

Твой отец оставил этот предмет в моём распоряжении незадолго до своей смерти. Пришла пора вернуть его тебе. Постарайся использовать его разумно.

Счастливого Рождества.

Подписи не было. Гарри уставился на записку. Рон восхищённо разглядывал накидку.

- Я за такую штуку что хочешь отдал бы, - сказал он. - Что хочешь. Ты чего?

- Ничего, - сказал Гарри. Он чувствовал себя не совсем уютно. Странная какая-то история. Кто мог прислать ему эту накидку? Неужели она и в самом деле принадлежала его отцу?

Прежде чем он успел ещё что-либо произнести или даже подумать, дверь в общежитие распахнулась, и в палату влетели Фред и Джордж Уизли. Гарри быстро упибал накидку с глаз долой. Ему пока что не хотелось ни с кем больше ею делиться.

- Поздравляем с Рождеством!

- Эй, смотри-ка - у Гарри тоже Уизлийский свитер!

Фред и Джордж оба были в синих свитерах, на одном из которых была вывязана большая жёлтая буква "Ф", а на другом - "Д".

- А у Гарри получше будет, - заметил Фред, рассматривая свитер Гарри. - Для родственников она явно не так уж старается.

- Вы, профессор, меня просили прямо к Вам сразу идти, если кто-то ночью шляться станет, особенно в библиотеке - в специальном отделе.

У Гарри кровь отлила от лица. Похоже, Филч знал потайной ход - его вкрадчивый, жирный голос приближался и, к ужасу Гарри, ему отозвался голос Снейпа.

- В специальном отделе? Что ж, в таком случае далеко они уйти не могли. Мы их скоро догоним.

Гарри прирос к месту - и в это время Филч со Снейпом обогнули угол и вступили в коридор. Они, конечно, его не видели, но проход в этом месте был очень узким, и ступи они чуть-чуть в сторону, они непременно наткнулись бы прямо на него - бесплотным накидка его всё же не делала. Он беззвучно попятился. Дверь рядом с ним была приоткрыта. Больше надеяться было не на что. Он не дыша протиснулся сквозь дверь, изо всех сил стараясь не скрипнуть ею. К огромному его облегчению, ему удалось это сделать и не привлечь к себе внимания. Они прошли мимо, и Гарри обессиленно прислонился к стене, глубоко дыша и слушая, как их шаги замирают в отдалении. На этот раз пронесло, но едва. Прошло ещё несколько секунд, прежде чем он решился наконец оглядеть комнату, в которой он оказался.

Судя по всему, это был заброшенный учебный кабинет. Парты и стулья сгрудились бесформенными тенями в углу, корзинка для бумаг была перевернута - но у противоположной стены стояло нечто, что стоять здесь было не должно, как будто кто-то принёс его сюда, чтобы убрать с глаз подальше.

К стене было прислонено великолепное зеркало, до самого потолка, в изысканной золотой раме, стоящей на подставке в виде двух когтистых лап. Поверху рамы шла резная надпись: "Эйналеж еонт еваза эйнеж арт оен ши диву".

Поскольку Филч и Снейп ему больше не угрожали, Гарри осмелел и подошёл к зеркалу. Ему захотелось снова посмотреть, как в зеркале ничего не отразится. Он встал перед ним, и...

Чтобы не закричать, ему пришлось зажать себе рот руками. Он быстро обернулся. Сердце у него стучало сильнее, чем когда книга на него закричала - потому что в зеркале он увидел не только себя самого, но и ещё целую толпу народа, стоявшую у него за спиной.

Однако комната была пуста. Тяжело дыша, он медленно повернулся обратно к зеркалу.

Его отражение было тут как тут - бледное и испуганное, а за ним в зеркале было ещё по меньшей мере с десяток человек. Гарри осторожно посмотрел через плечо - нет, никого. А может быть, они все тоже были невидимыми? Вдруг он набрёл на комнату, в которой было полно невидимок, а зеркало было с секретом - оно умело отражать даже то, что невидимо?

Он опять взглянул в зеркало. Женщина, стоящая в зеркале прямо за его отражением, улыбалась и махала ему рукой. Он протянул руку назад - за ним был лишь воздух. Если бы она и в самом деле стояла за его спиной, он почувствовал бы её, их отражения почти соприкасались - но рука его ни на что не наткнулась. И она, и все остальные существовали только в зеркале. Она была очень красива. У неё были густые медно-рыжие волосы, а глаза - "Глаза прямо как у меня", подумал Гарри, придвигаясь поближе к стеклу. Ярко-зелёные - и совершенно такой же формы. Потом он заметил, что она плачет; она улыбалась, и одновременно плакала. Рядом с ней, обнимая её за плечи, стоял высокий, худой, черноволосый мужчина. Он был непричёсан и носил очки. Волосы его топорщились хохолком на затылке - в точности как у Гарри.

Гарри подошёл так близко к зеркалу, что почти касался носом своего отражения.

- Мама? - прошептал он. - Папа?

Но они только смотрели на него и улыбались. Переводя взгляд с одного лица в зеркале на другое, он увидел, что у многих были его зелёные глаза, или его нос, а один невысокий, пожилой человек стоял, неловко вывернув его

собственные узловатые коленки. В первый раз в своей жизни Гарри смотрел на свою семью.

Поттеры улыбались и махали Гарри, а он жадно глядел на них, упершись руками в стекло, словно надеялся, что его поверхность поддастся и позволит ему до них дотронуться. Сердце его саднило, наполненное наполовину радостью, наполовину невыносимой печалью.

Сколько времени он простоял перед зеркалом – неизвестно. Отражения не помутнели, никуда не исчезли, он смотрел и смотрел, пока наконец не пришёл в себя от какого-то далёкого звука. Дольше оставаться было нельзя. Он должен был возвращаться в башню, в свою постель. Он с трудом отвёл глаза от лица своей матери, прошептал "Я вернусь", и выбежал из комнаты.

– Мог бы меня и разбудить, – надувшись, сказал Рон.

– Я тебя сегодня с собой возьму, мне надо снова туда, я тебе свою семью покажу.

– Мне жуть как хочется на твоих папу с мамой посмотреть, – сказал Рон нетерпеливо.

– А я хочу всех твоих увидеть, всех Уизли – ты мне покажешь своих старших братьев.

– Ну, на них-то ты и без того посмотреть можешь. Приезжай к нам летом, и все дела. К тому же, может оно только мёртвых отражает. Жаль, конечно, что с Флямелем никуда не продвинулись. А чего ты не ешь? Возьми хоть ветчины, что ли.

Гарри кусок в рот не шёл. Он встретил своих родителей, и этой ночью собирался увидеть их снова. Про Флямеля он и думать забыл – вся эта история как-то потеряла для него значение. Какая, в конце концов, разница, что там охраняла трёхголовая собака? А если Снейп и в самом деле собирался это украсть – ну и что с того?

– Ты чего это? – спросил Рон. – У тебя вид странный какой-то.

Больше всего Гарри боялся, что он не сможет во второй раз отыскать комнату с зеркалом. На следующую ночь к нему под накидкой присоединился Рон, так что идти им пришлось осторожно и гораздо медленнее. Они хотели повторить вчерашний путь Гарри, начав от библиотеки, и битый час проплутали по тёмным коридорам и переходам.

– Я замёрз, – сказал Рон. – Да ну его, пошли обратно.

– Ну уж нет! – зашипел Гарри. – Это где-то здесь, я точно знаю.

Мимо них пролетело привидение какой-то ведьмы, но больше они никого не встретили. Рон уже начал ныть, что ноги у него совсем онемели от холода, и тут Гарри углядел наконец знакомые доспехи.

– Вот! Вот оно! Пришли!

Они распахнули дверь. Гарри сбросил накидку на плечи и подбежал к зеркалу.

Они его ждали. Его отец и мать просияли, увидев его.

– Видишь? – прошептал Гарри.

– Ничего не видно.

– Смотри! Вот они все... И вон там... Прямо целая толпа.

– Я вижу только тебя.

– Ты не так смотришь. Иди сюда, встань, где я стою.

Гарри сделал шаг в сторону, но когда Рон заступил на его место, он больше не мог разглядеть свою семью – в зеркале отражался только Рон в своей пёстрой пижаме.

Рон прямо-таки прирос к зеркалу, уставившись на своё изображение.

– Вот это да! – сказал он наконец.

– Ну что, вокруг тебя стоит вся твоя семья?

– Не-а. Я один – но только не такой какой-то... Как будто я стал старше... Гляди, я староста!

– Что-о?

– Ну да – у меня даже значок, прямо как у Билла был... и ещё я держу в руках кубок школы... И квиддичный кубок тоже... Я – капитан сборной!

- Для того, чтобы стать невидимым, мне накидка не требуется, - мягко сказал Дамблдор. - Ну, подумай-ка теперь - что зеркало Эйналеж показывает нам всем?

Гарри покачал головой.

- Ну хорошо. Слушай: самый счастливый человек на свете может смотреться в него, как в обычное зеркало - он увидит в нём себя в точности таким, какой он есть. Так легче?

Гарри задумался. Потом он медленно произнёс:

- Оно показывает то, что мы хотим... то, чего нам хочется...

- И да, и нет, - спокойно сказал Дамблдор. - Отражает оно лишь наше самое заветное, самое сокровенное желание - ни больше, ни меньше. Ты, никогда не знавший своей семьи, стоишь, окружённый родственниками. Рон Уизли, который вечно пытается выбиться из-под тени своих братьев, видит себя стоящим в одиночестве - лучше их всех. Однако зеркало не прибавляет нам знания, не открывает истину. Многие, не в силах расстаться с зеркалом, умирали подле него, зачарованные видениями. Другие теряли разум, пытались разгадать, происходило ли в самом деле то, что они в нём видели - или даже возможно ли это. На завтра зеркало отсюда унесут, на его новое место. Гарри, я хотел бы попросить тебя не искать его больше. Но если тебе случится снова встретиться с ним, оно уже не застанет тебя врасплох. Помни - кто углубляется в мечты, забывает о жизни. А теперь надевай-ка свою превосходную накидку и отправляйся спать.

Гарри встал.

- Сэр... Профессор Дамблдор - можно Вам задать один вопрос?

- Один вопрос ты мне, очевидным образом, только что задал, - улыбнулся Дамблдор. - Но так и быть, я отвечу тебе ещё на один.

- А что Вы видите, глядя в зеркало?

- Я? Я вижу себя, держащего пару хороших шерстяных носков.

Гарри уставился на него.

- Носков всегда не хватает, - сказал Дамблдор. - Вот и ещё одно Рождество пришло и прошло, а носков мне никто не подарил. Ни одной пары. Все почему-то всегда несут мне книги.

Только когда Гарри забрался к себе в постель, ему пришло в голову, что Дамблдор, возможно, не то чтобы сказал ему всю правду. С другой стороны, подумал он, сметая Скабберса со своей подушки, вопрос тоже был, возможно, не то чтобы очень тактичный.

Глава тринадцатая. Николя Флямель.

Дамблдор в самом деле убедил Гарри не искать больше зеркало Эйналеж [43], и весь остаток каникул накидка-невидимка пролежала сложенной на дне сундука. Но забыть о том, что он видел в зеркале, Гарри не смог, как ни старался. У него опять начались кошмары. Снова и снова во сне к нему приходило знакомое видение - вспышка зелёного света, отнимающая у него его родителей, и скрипучий высокий голос, надрывающийся от смеха.

- Прав был Дамблдор - это зеркало запросто может с ума свести, - сказал Рон, когда Гарри поведал ему о своих снах.

Гермиона приехала за день до начала занятий. У неё о происшедшем было особое мнение. С одной стороны, в неё вселяла ужас идея, что Гарри три ночи подряд ходил по школе ("А что, если бы Филч тебя поймал!"), а с другой - она огорчилась, что он так и не узнал, кто такой Флямель. Они уже почти совсем отчаялись найти упоминание о Флямеле в библиотечной книге, хотя Гарри по-прежнему был уверен, что где-то видел это имя. Началась новая четверть, и им снова пришлось ограничить свои поиски; всё, что они могли себе позволить - это несколько минут там и сям на перемене. У самого Гарри времени было ещё меньше, чем у остальных, из-за квиддичных тренировок.

Вуд взялся за команду ещё более серьёзно, чем прежде. Снег сменился нескончаемыми холодными дождями, но даже это не охладило его рвения.

Уизли в один голос жаловались, что Вуд их совсем загонял, но Гарри был на его стороне. Если они обыграют в следующем матче Футынут, то впервые за

последние семь лет Гриффиндор окажется впереди Пресмыкайса в общем зачёте. В дополнение к тому, что Гарри очень хотел выиграть, он заметил, что когда он сильно устаёт на тренировках, у него по ночам бывает меньше кошмаров.

Один раз, во время особенно мокрой и грязной тренировки, Вуд огорошил всю команду неприятным известием. Всё началось с того, что он страшно разозлился на близнецов, которые постоянно пикировали друг на друга и делали при этом вид, что чуть не падают с мётел.

- Да прекратите, наконец, выпендриваться! - заорал он. - С подобным отношением к делу мы как раз и проиграем! На этот раз судить будет Снейп, и уж он-то любую зацепку использует против Гриффиндора!

Услышав это, Джордж Уизли и в самом деле свалился с помела.

- Снейп? - булькнул он, отплевываясь и стирая с лица жидкую глину. - С каких это пор он квиддичным судьёй заделался? Как это он станет честно судить - мы же можем Пресмыкайс обойти!

Все остальные тоже спустились на землю рядом с Джорджем и начали кричать.

- А я-то тут при чём? - оправдывался Вуд. - Вот я и говорю - играть придётся предельно чисто, чтобы Снейпу не к чему было придрататься.

Отличная идея, подумал Гарри. У него, впрочем, была своя собственная причина, по которой Снейпа и квиддич стоило держать раздельно...

Как обычно, вся команда после тренировки задержалась поболтать, но Гарри направился напрямик в общую комнату Гриффиндора, где и нашёл Рона и Гермиону за шахматами. Шахматы были, пожалуй, единственным занятием, в котором Гермиона была не на самом высоком уровне. Рон и Гарри считали, что ей это чрезвычайно полезно.

- Не приставай пока что ко мне, - сказал Рон, когда Гарри подсел к нему. - Мне тут надо сосредо...

Тут он увидел выражение на лице Гарри.

- Ты чего? Ну у тебя и вид.

Очень тихо, так, чтобы никто другой не услышал, Гарри рассказал им обоим о внезапном, зловещем рвении Снейпа быть судьёй на следующем матче.

- Тебе нельзя играть, - тут же сказала Гермиона.

- Скажи, что ты заболел, - сказал Рон.

- Сделай вид, что ты сломал ногу, - предложила Гермиона.

- Или действительно сломай ногу, - сказал Рон.

- Не могу, - вздохнул Гарри. - У нас нет запасного искателя. Если я не выйду, Гриффиндор не сможет играть совсем.

В этот момент в комнату буквальным образом ввалился Невиль. Как он ухитрился пролезть в дыру за портретом, было совершенно неясно, потому что ноги у него были крепко прижаты одна к другой. Ребята сразу же распознали слез-ноговяз. Похоже, что в башню ему пришлось припрыгать. Все просто покатались со смеху - все, кроме Гермионы, которая вскочила и быстро применила противостлаз. Ноги Невилля расцепились и он поднялся, дрожа и шатаясь.

- Что случилось? - спросила Гермиона, осторожно ведя его к креслу рядом с Гарри и Роном.

- Это Малфой, - слабо ответил Невиль. - Мы около библиотеки встретились. Он сказал, что давно ищет кого-нибудь, на ком потренироваться.

- Ты должен пойти к Макгонагелл! - настаивала Гермиона. - Надо на него пожаловаться!

Невиль покачал головой.

- Да ну, чего я выступать буду, - пробормотал он.

- Нет уж, Невиль, ему ни в коем случае спуску давать нельзя! - сказал Рон. - Он привык через всех перешагивать, но это не повод перед ним расстелиться, чтобы ему удобнее было.

- Вам необязательно мне выговаривать, что у меня недостаточно храбрости, чтобы быть в Гриффиндоре. Малфой мне уже это доказал, - выдавил Невиль.

Гарри пошарил в кармане своей мантии и выудил шоколадную жабу - последнюю из той коробки, которую Гермиона прислала ему на Рождество. Он протянул её Невиллю, который, кажется, собирался зареветь.

- Ты один дюжины Малфоев стоишь, - сказал Гарри. - Тебя разборная шляпа куда поместила? В Гриффиндор. А Малфой где? В поганом Пресмыкайсе. Дрожащие губы Невилля сложились в слабую улыбку, и он начал разворачивать жабу.

- Спасибо, Гарри... Я, пожалуй, спать пойду... Хочешь, бери вкладыш - ты их, вроде, собираешь?

Невиль ушёл, а Гарри стал рассматривать карточку Знаменитого Колдуна.

- Опять Дамблдор, - сказал он. - Он мне самым первым по...

Он ахнул. Уставился на обратную сторону карточки. Потом перевёл глаза на Рона с Гермионой.

- Я его нашёл! - прошептал он. - Я Флямеля нашёл! Я же говорил, что я это имя где-то раньше видел - в поезде, когда мы сюда ехали! Слушайте:

"Известен победой над чёрным колдуном Гриндельвальдом в 1945 году. Открыл двенадцать применений крови дракона. Также знаменит работами в области алхимии со своим коллегой, Николая Флямелем"!

Гермиона вскочила. Такой взволнованной они её не видели с тех самых пор, когда им раздавали отметки за самую первую домашнюю работу.

- Стойте здесь! - бросила она, и помчалась вверх по лестнице, к своей палате. Гарри и Рон успели лишь обменяться озадаченными взглядами, а она уже сбегала вниз, держа в руках опромную старую книгу.

- Сюда-то мне заглянуть в голову и не пришло! - в волнении шептала она. - Я её уже давным-давно взяла в библиотеке, просто так, как лёгкое чтиво.

- Лёгкое? - начал было Рон, но Гермиона строго велела ему помолчать и принялась лихорадочно перелистывать страницы, неразборчиво бормоча что-то себе под нос.

Наконец она нашла нужное место.

- Так и знала! Так я и знала!

- А нам уже можно разговаривать? - проворчал Рон.

Гермиона не обратила на него внимания.

- Николая Флямель, - торжественно прошептала она, - является единственным известным изготовителем философского камня!

Однако ожидаемого эффекта это заявление не произвело.

- Чего-чего? - переспросили Гарри и Рон.

- Да ну вас обоих, в самом деле! Вы вообще читаете хоть что-нибудь?

Смотрите сюда - вот здесь.

Она ткнула им книгу, и они прочли следующее:

Издравле алхимические изыскания были направлены в основном на получение философского камня, знаменитой субстанции, обладающей поразительными свойствами. Этот камень обращает любой металл в чистое золото. С помощью него также производят эликсир жизни, который наделяет пьющего его бессмертием.

За последние несколько столетий поступало немало сообщений об успешном изготовлении философского камня; в настоящее время единственный известный экземпляр принадлежит господину Николаю Флямелю, заслуженному алхимику и поклоннику оперного искусства. Господин Флямель, недавно отметивший свой шестьсот шестьдесят пятый день рождения, ведёт уединённый образ жизни в графстве Девон со своей женой Перенеллой (шестьсот пятидесяти восьми лет) [44].

- Теперь ясно? - сказала Гермиона, когда Рон и Гарри закончили читать. - Та собака охраняет Флямелев философский камень! Спорим, он попросил Дамблдора, чтобы тот спрятал его в безопасное место - потому что они старые друзья, а он узнал, что за камнем кто-то охотится, и поэтому решил забрать его из Гринготта!

- Камень, который превращает всё в золото, и с которым никогда не умрёшь! - сказал Гарри. - Ничего удивительного, что Снейпу его хочется. Да и кому не захочется!

- И ничего удивительного, что мы не могли найти Флямеля в "Анализе недавних событий в области чародейства", - сказал Рон. - Его вряд ли назовешь "недавним" - в шестьсот-то с лишним лет!

Следующим утром на уроке защиты от Чёрных сил Гарри и Рон записывали под диктовку разнообразные способы исцеления от укусов оборотней, но при этом не прекращали обсуждать, что бы они сделали, если бы у них был философский камень. Когда Рон дошёл до покупки своей собственной квиддичной команды, Гарри внезапно вспомнил о Снейпе и о предстоящем матче.

- Я должен играть, - объявил он Рону и Гермионе. - Если я не выйду, Пресмыкайсы подумают, что я трусил, Снейпа испугался. Но я им всем докажу...

- Будем надеяться, что нам не придётся тебя после этого от поля отскребать - сказала Гермиона.

Однако чем ближе к матчу, тем более неуютно становилось у Гарри на душе, несмотря на то, что он продолжал храбриться перед друзьями. Да и у всей команды настроение было неважное. Конечно, возможность обойти Пресмыкайсы в кубке школы - это чудесно, они ждали этого целых семь лет, но позволит ли им это судья, который настолько явно представляет противоположные интересы?

Непонятно, чудилось ли это Гарри или нет, но куда бы он не шёл, он везде наткнулся на Снейпа. Временами ему начинало казаться, что Снейп нарочно преследует его, пытаясь подловить его в одиночестве. На уроках зелий Снейп так ужасно относился к Гарри, что они превратились в еженедельную пытку. А вдруг Снейп каким-то образом вызнал, что они догадались про Флямеля и философский камень? С одной стороны, было совершенно неясно, откуда - но у Гарри иногда появлялось жуткое ощущение, что Снейп умел читать мысли.

Когда на следующий день Рон и Гермиона пожелали Гарри ни пуха, ни пера возле раздевалки, он знал, что в глубине души они сомневались, увидят ли они его в живых после матча. Особенно ободряющими такие мысли назвать было сложно. Влезая в алую квиддичную накидку, Гарри вполуха выслушал очередную вдохновенную речь Вуда. Потом он подобрал свой Нимбус.

Рон и Гермиона тем временем выбрали себе места на трибуне рядом с Невилем, который никак не мог взять в толк, почему они так мрачно выглядят и почему они оба захватили на игру свои палочки. Гарри было невдомёк, что они тайком разучивали сглаз-ноговяз. Эта идея им пришла в голову, когда они увидели Невиля, на котором тренировался Малфой, и они решили, что они должны быть готовы применить его на Снейпе - в случае, если им покажется, что он пытается каким-то образом повредить Гарри.

- Ты только не забудь заклинание - *Locomotor Mortis*, - пробормотала Гермиона, глядя, как Рон прячет палочку в рукаве.

- Да помню я, - огрызнулся Рон. - Хватит нудить!

На выходе из раздевалки Вуд задержал Гарри и отвёл его в сторону.

- Я не к тому, чтобы на тебя давить, Поттер, но если нам когда надо бы поймать щелчок как можно раньше, так это сегодня. Хорошо бы закончить игру прежде, чем Снейпу удастся значительным образом подыграть Футынутам.

- Вся школа высыпала! - сказал Фред Уизли, выглядывая в дверь. - Даже... Чтоб мне провалиться - сам Дамблдор посмотреть пришёл!

Сердце Гарри от радости перекувырнулось у него в груди.

- Дамблдор?! - вскричал он и помчался к двери, чтобы убедиться своими глазами. Фред был прав - эту серебристую бороду ни с чем не спутаешь. Гарри чуть не засмеялся от облегчения. Теперь он был в безопасности. Как бы там ни было, Снейп ни за что не решился бы на него напасть при Дамблдоре.

Возможно, именно поэтому Снейп выглядел чрезвычайно сердито, когда команды вышли на поле. Рон тоже это заметил.

- Никогда не видел Снейпа таким злобным, - сказал он Гермионе. - Смотри - начинают. Ай!

Кто-то задел Рона по затылку - конечно же, Малфой.

- Ах, это ты, Уизли - извини, не заметил.

Малфой широко оскалился, глядя на Краббе и Гойла.

- Интересно, сколько времени Поттер будет цепляться за метлу на этот раз? С кем поспорить? Может, с тобой, Уизли?

Рон не ответил; Снейп только что назначил пенальти в ворота Гриффиндора потому, что Джордж Уизли отбил лупильник в его сторону. Гермиона держала руки на коленях, скрестив пальцы всеми возможными способами сразу, и неотрывно шурилась на Гарри, который давал над полем широкие круги наподобие сокола, пытаясь высмотреть щелчок.

- Я, кажется, понял, кого Гриффиндоры к себе в команду набирают, - громко начал Малфой пару минут спустя, после того, как Снейп назначил ещё один свободный удар в пользу Футынута без всякой причины. - Всяких несчастеньких, кого пожалуйста. Поттер, к примеру - у него нет родителей; потом Уизли - у них нет денег. Тебе, Лонгботтом, в сборной самое место - у тебя нет мозгов.

Невиль густо покраснел, но храбро развернулся на своём сиденье и оказался нос к носу с Малфоем.

- Я - я дюжины таких, как ты, стою, - заикаясь, проговорил он.

Малфой, Краббе и Гойл покатались со смеху, а Рон, не отрывая глаз от игры, сказал:

- Молодец, Невиль, так его.

- Ты, Лонгботтом? Да если бы за мозги платили золотом, ты был бы беднее Уизли - если такое вообще бывает.

Нервы у Рона были и так натянуты до предела из-за того, что он переживал за Гарри.

- Малфой, предупреждаю по-хорошему - ещё одно слово...

- Рон! - вдруг вмешалась Гермиона. - Гарри - гляди!

Гарри внезапно ушёл в головокружительное пике, вызвав на трибунах восторженный ропот и крики одобрения. Гермиона вскочила, закусив свои скрещенные пальцы. Гарри нёсся к земле быстрее пули.

- Да, Уизли, везёт тебе сегодня - Поттер, кажется, монетку углядел! - сказал Малфой

Тут Рон не выдержал. Малфой не успел даже пикнуть, как Рон повалил его на землю. Невиль, недолго думая, перелез через спинку сиденья и бросился помогать.

- Гарри, давай! - завопила Гермиона, вскочив на своё сиденье. Гарри мчался прямо на Снейпа. Гермиона даже не заметила, что Малфой и Рон катаются у неё под ногами; чуть поодаль Невиль, Краббе и Гойл исчезли в облаке пыли, из которого доносились вскрики и время от времени высывались мелькающие кулаки.

В воздухе над полем Снейп повернул своё помело боком - как раз вовремя, чтобы заметить, как рядом с ним промелькнуло что-то алое. Гарри чудом проскочил мимо - между ними оставалось не больше ладони - и в следующее мгновение вышел из своего пике, победно вытянув вверх руку, в которой сверкал щелчок.

- Рон! Ты где? Рон! Игра окончена! Гарри победил! Мы победили! Гриффиндор впереди! - верещала Гермиона, приплясывая и обнимая Парвати Патил, которая сидела в переднем ряду.

Гарри затормозил свою метлу в полуметре от земли и соскочил с неё. Он не верил собственным глазам. Он выиграл матч - всё уже закончилось; игра продолжалась едва ли пять минут. Ликующие Гриффиндоры высыпали на поле. Неподадалёку приземлился Снейп - лицо у него побелело, губы были сжаты в нитку. Потом Гарри почувствовал, как на его плечо легла чья-то рука, посмотрел вверх и увидел улыбающееся лицо Дамблдора.

- Превосходно, - сказал Дамблдор, понизив голос так, чтобы его слышал только Гарри. - Я очень рад, что ты занимался делом, вместо того, чтобы ходить и дуться про зеркало... чудесно...

Снейп злобно сплюнул.

Гарри задержался в раздевалке, и выходил оттуда последним, в одиночестве. Надо было отнести Нимбус в сарай, где хранились метлы. Он чувствовал себя совершенно счастливым. Сегодня он и вправду мог собой гордиться - теперь никто не мог сказать, что он всего лишь дутая знаменитость с известной

фамилией. Он всей грудью вдыхал вечерний воздух, который, казалось, был напоен какой-то особой сладостью. Ступая по мокрой траве, он заново переживал события последнего часа, слившиеся в один радостный ком: Гриффиндоры, бегущие к нему, поднимающие его на свои плечи; Рон и Гермиона, прыгающие от радости на трибунах (Рон кричал что-то, пытаясь унять сильное кровотечение из носа)...

Гарри тем временем уже подошёл к сараю. Облокотившись на сбитую из досок дверь, он поднял глаза на Хогвартс, в окна которого отражалось красноватое заходящее солнце. Гриффиндор – впереди! Он добился своего, доказал им всем – особенно Снейпу!

Кстати о Снейпе...

Высокая фигура в плаще с капюшоном быстро сбежала по парадным ступеням замка. Кто-то явно не хотел, чтобы его заметили – фигура направилась к запретному лесу, спеша изо всех сил. Чем дальше Гарри наблюдал за нею, тем прочнее выветривалась у него из головы недавняя победа. Он сразу узнал эту припадающую, скрытную походку. Снейп украдкой сбежал в лес в то время, как все остальные были за ужином. Что ему там было нужно?

Гарри вскочил на свой Нимбус и взлетел. Бесшумно скользнув над замком, он успел заметить, как Снейп вошёл в лес. Он последовал за ним.

Кроны деревьев сошлись так густо, что уследить, куда Снейп направлялся, было очень сложно. Гарри летал кругами, спускаясь всё ниже и ниже, чуть не задевая за деревья, пока не услышал голоса. Он полетел в их направлении и бесшумно опустился на огромный старый бук.

Он осторожно пополз по толстой ветке, крепко сжимая помело и стараясь разглядеть что-нибудь сквозь листву.

Прямо под ним, на тенистой опушке, стоял Снейп – но он был не один. С ним был Квиррел. Выражение его лица Гарри рассмотреть не мог, но заикался он ещё хуже, чем обычно. Гарри напряг слух, пытаясь поймать их разговор.

– ... п-почему т-т-ты вдруг решил именно зд-десь в-встретиться, не п-п-пойму...

– А я просто решил поболтать наедине, – ответил Снейп своим ледяным голосом. – В конце концов, ученикам про философский камень знать не положено, не так ли?

Гарри наклонился вперёд. Квиррел принялся бормотать что-то неразборчивое, но Снейп его прервал.

– Ну что, узнал, как пройти мимо Хагридова страшилища?

– Н-но... С-с-север, я же...

– Я бы не пожелал тебе иметь такого врага, как я, Квиррел, – сказал Снейп, делая к нему шаг.

– Я... Я п-понятия н-не имею...

– Брось. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Громко заухала сова, и Гарри чуть не свалился с дерева. Когда ему удалось снова обрести равновесие, Снейп говорил:

– ... твои дурацкие фокусы. Я жду.

– Н-но... Я и вп-правду н-не...

– Ну, что ж, – перебил его Снейп. – Придётся нам в скором времени продолжить эту беседу – когда у тебя будет время достаточно подробно обдумать этот вопрос и решить наконец, с кем ты заодно.

Он набросил капюшон себе на голову и широкими шагами покинул опушку. Уже совсем стемнело, но Гарри хорошо видел, что Квиррел остался стоять на месте, как будто окаменев.

– Гарри, где же ты был? – пискнула Гермиона.

– Мы победили! Ты победил! Мы победили! – орал Рон, гулко хлопая Гарри по спине. – А я Малфоя фингал поставил, а Невиль в одиночку пытался отколотить Краббе и Гойла! Он, правда, всё ещё не очухался, но мадам Помфри говорит, что всё будет в порядке. Ну, мы им и вломили, этим Пресмыкайсам! Тебя все заждались в общей комнате, у нас там пир горой, Фред и Джордж стащили из кухни пироги и ещё много всякого.

– Да плевать мне сейчас на это, – сказал Гарри почти беззвучно. – Пойдём, найдём пустой кабинет – я вам такое расскажу...

Прежде чем захлопнуть дверь, он убедился, что в комнате не притаился Брызга, а потом поведал им, что он услышал и увидел в лесу.

- Мы всё правильно поняли, это и в самом деле философский камень, а Снейп пытается заставить Квиррела помочь ему его достать. Он допытывался, не знает ли Квиррел, как пробраться мимо Пушистика... И говорил что-то про фокусы... Наверное, кроме Пушистика, там ещё что-то есть для безопасности - уйма наговоров, не иначе, а Квиррел, должно быть, напустил какие-то чары против Чёрных сил, и Снейпу надо через них пробиться...

- Не хочешь ли ты сказать, что камень в безопасности только до тех пор, пока у Квиррела хватает смелости противостоять Снейпу? - встревоженно спросила Гермиона.

- Ну, всё - к ближайшему вторнику его там не будет, - сказал Рон.

Глава четырнадцатая. Норберт, норвежский гребнеспин.

Однако Квиррел, похоже, оказался храбрее, чем они думали. Шли дни, потом недели, Квиррел бледнел, худел, но, судя по всему, не сдавался. Проходя мимо запретного коридора на третьем этаже, Гарри, Рон и Гермиона всякий раз прижимались ухом к двери, чтобы убедиться, что Пушистик всё ещё рычит, сидя на своём месте. Снейп продолжал шнырять по школе в своеобразном (то есть мрачном) расположении духа, из чего они заключили, что камень лежит, где лежал. Когда Гарри случилось встретиться с Квиррелом в коридоре, он старался ему ободряюще улыбнуться, а Рон теперь запрещал кому бы то ни было смеяться над Квирреловым заиканием.

У Гермионы, впрочем, было достаточно забот и без философского камня. Она целыми днями корпела над составлением расписания своих самостоятельных занятий, а все её конспекты были аккуратно размечены чернилами разных цветов. Гарри и Рон не стали бы слишком беспокоиться по этому поводу, но она вскоре начала заставлять и их.

- Гермиона, очнись - до экзаменов ещё далеко.

- Всего-то десять недель, - огрызнулась она. - И вовсе не "ещё далеко". Флямелю это вообще как одно мгновение.

- Нам пока ещё шестьсот лет не исполнилось, - напомнил её Рон. - И вообще - тебе-то зачем заниматься? Ты и так всё знаешь.

- Зачем заниматься?! Ты что, соображаешь вообще или нет? Ты, может, забыл, что если не сдать экзамены, то на следующий год нас не переведут? Это же так важно! Мне стоило начать готовиться ещё месяц назад - что это на меня нашло, сижу тут, ушами хлопаю...

К сожалению, учителя вели себя так, как будто были во всём согласны с Гермионой. На Пасху им назадали столько домашней работы, что толком повеселиться, как в Рождество, они так и не успели. Да и попробуй тут расслабиться, когда рядом Гермиона бубнит себе под нос двенадцать применений крови дракона, или отрабатывает движения палочкой. Хотя и со стонами, и преодолевая порой неудержимую зевоту, но всё же Гарри и Рон проводили большую часть свободного времени в библиотеке с Гермионой, продираясь через свои уроки.

- Мне этого ни за что не запомнить, - не выдержал как-то Рон, швыряя перо на пол и мечтательно поглядывая на окно библиотеки. На улице стоял чудный денёк, впервые за долгое время погода наладилась. На небе цвета незабудок не было ни облачка, и в воздухе висело сладкое предчувствие грядущего лета.

Гарри, который уже некоторое время пытался найти в "Тысяче чудодейственных трав и грибов" упоминание о бадьяне, оторвал глаза от книги, только когда услышал, как Рон вскричал:

- Хагрид! А ты зачем в библиотеке?

Хагрид вдвинулся в их поле зрения, пряча что-то за спиной. В своём неизменном брезентовом плаще он как-то не вязался со строгим окружением.

- Да так, поглядеть просто, - сказал он таким нарочито беззаботным голосом, что им сразу стало интересно, в чём тут дело. - А вы тут что поделываете, шалопаи?

Он внезапно посуровел.

- Уж не ищите ли всё Флямеля, а?

- Это-то мы нашли уже давным-давно, - сказал Рон значительно. - А ещё мы знаем, что пёс охраняет - философский ка...
- Тс-с-с! - Хагрид быстро оглянулся, не подслушивает ли кто. - Ты чего так разорался - думать надо, о чём говоришь!
- Кстати говоря, мы тут кое о чём тебя спросить хотели, - начал Гарри, - про то, что ещё стоит на пути к камню помимо Пушистика...
- Тс-с-с! - снова зашипел Хагрид. - Вы вот что - заходите ко мне сегодня ввечеру. Что я вам скажу, того обещать не стану, имейте в виду - ученикам про это дело и вовсе знать не положено. Ах ты ж! Они все теперь подумают - это я проболтался...
- Ну, тогда до встречи, - сказал Гарри.

Хагрид пошлёпал прочь.

- Что это он там за спиной прячет? - сказала Гермиона задумчиво.
- Ты думаешь, это что-нибудь про камень?
- Пойду, посмотрю, из какого он раздела пришёл, - сказал Рон, радуясь, что появился повод бросить на минутку занятия. Спустя минуту он появился снова, с целой стопкой книг подмышкой, и грохнул их на стол.
- Драконы! - прошептал он. - Хагрид читал книжки про драконов! Смотрите: "Породы драконов в Великобритании и Ирландии". А вот "Из яйца да в полымя - руководство по уходу за драконом".
- Хагриду всегда хотелось завести себе дракона, он мне сам сказал, когда мы ещё только познакомились, - вспомнил Гарри.
- Но это же против правил, - сказал Рон. - Разведение драконов запрещено Колдовской Конвенцией 1709 года [45], это всем известно, потому что дракона на заднем дворе от муглей просто так не спрячешь. К тому же они не приручаются - их держать опасно. Вы бы поглядели, какие у Чарли ожоги - от диких, румынских.
- Но в нашей стране диких нет, правда? - спросил Гарри.
- Конечно, есть, - ответил Рон. - Уэльские зелёные обыкновенные и Гебридские чёрные [46]. Представляю, сколько в Министерстве работы - их удерживать. Если кто из муглей их видит, на них приходится чары накладывать, чтобы они забыли.
- Так что же всё-таки у Хагрида на уме? - сказала Гермиона.

Спустя час они все вместе стучались в дверь хижины школьного егеря, и с удивлением обнаружили, что занавески на окнах плотно задёрнуты. Прежде чем впустить их, Хагрид осторожно осведомился, кто пришёл, и быстро захлопнул за ними дверь, как только они переступили через порог. Внутри было невыносимо жарко. Несмотря на то, что день выдался тёплым, в камине вовсе полыхал огонь. Хагрид заварил чай и предложил всей компании бутербродов с бельчатинной, от которых они отказались.

- Ну - хотите мне вопрос задать, или как?
- Да, - сказал Гарри твёрдо. Он не видел смысла темнить и увиливать. - Мы хотели узнать, не мог бы ты нам рассказать, что ещё, кроме Пушистика, охраняет философский камень.
Хагрид нахмурился.

- И не просите, - сказал он. - Перво-наперво, я и сам не знаю. Второе - вы и так слишком много чего разведали, так что ежели бы даже я и знал, всё равно не сказал бы. Камень, он здесь неспроста. Из Гринготта его, почитай, почти что спёрли - это вы, небось, тоже докумекали? И вообще, мне, к примеру, невдомёк, как вы про Пушистика пронюхали.

- Ну что ж, Хагрид, я отлично понимаю, что у тебя могут быть причины нам не рассказывать, но я ни за что не поверю, что происходящее в школе может каким-то образом пройти мимо тебя, - начала Гермиона тёплым, вкрадчивым, почти льстивым голосом.

Хагрид дёрнул бородой; видно было, что он улыбается.

- Нам просто интересно, кто именно занимался безопасностью камня, - продолжала Гермиона. - Интересно, кому ещё Дамблдор доверяет помочь ему в таком важном деле, кроме тебя.

Услышав это, Хагрид выпятил грудь. Гарри и Рон восхищенно посмотрели на Гермиону.

- Ну, ежели вы так просто... Может, в том большого вреда и не будет... Значит, так. Пушистика он у меня одолжил... Потом учителя чары напустили... Профессор Пророст, профессор Флитвик, профессор Макгонагелл... - загибал он на пальцах. - Профессор Квиррел... Дамблдор самолично руку приложил, ясно дело. Стойте-ка... Кого-то я ещё... Ах, да - профессор Снейп.

- Снейп?!

- Ага... Вы что, неужто опять всё про то же? Слушайте сюда - Снейп помог камень сохранить, не станет же он теперь его красть, в самом деле!

Гарри догадывался, что Рон и Гермиона думали в точности то же самое, что и он. Если Снейп участвовал в зачаровании камня, то ему ничего не стоило узнать, каким образом остальные учителя его оберегают. Он, должно быть, знал всё, что нужно - за исключением, казалось, наговора профессора Квиррела, и того, как пройти мимо Пушистика.

- Но ведь ты - единственный, кто знает, как можно пройти мимо Пушистика, правда, Хагрид? - сказал Гарри взволнованно. - Ты никому не говорил, даже учителям, верно?

- Окромя Дамблдора - ни единой душе, - гордо заявил Хагрид.

- Ну что ж, и то хорошо, - пробормотал Гарри. - Хагрид, давай хоть окно откроем, а? Я тут сейчас сварюсь.

- Извини, Гарри, никак нельзя, - ответил Хагрид. Гарри поймал его взгляд, устремлённый на пламя в камине, и тоже посмотрел туда.

- Хагрид - а это ещё что?!

Но он уже и так знал, что это. В самом жарком месте камина, под котелком, сидело огромное чёрное яйцо.

- Э-э... - протянул Хагрид, нервно ковыряясь в бороде. - Это... Это, знаешь ли...

- Где ты его достал, Хагрид? - спросил Рон, наклоняясь над огнём, чтобы получше рассмотреть яйцо. - Небось, недёшево обошлось.

- А вот и нет. Я его выиграл, - сказал Хагрид. - Намедни ночью. Пошёл я, значит, в деревню, пропустить пару кружечек на сон грядущий, и сели мы играть в карты с одним там... Сдаётся мне, этот малый был прям-таки рад от него избавиться.

- А когда оно вылупится, что ты с ним делать будешь? - спросила Гермиона.

- А я тут книжки разные читаю, не просто так, - сказал Хагрид, вытягивая из-под подушки толстенный том. - В библиотеке взял, во как. "Разведение драконов - приятное с полезным". Она, конечно, устарела чуток, ясно дело, но там про всё прописано. Яйцо, значит, в огне держать надо - потому что мамаша, она на них жаром пыхает, вот, а когда вылупится, поить его коньяком пополам с куриной кровью, через каждые полчаса. А здесь - здесь про то, как разные яйца различать. У меня тут, вишь ты, норвежский гребнеспин[47]. Они редкостные, эти вот.

Он положительно сиял, весьма довольный собой. Гермиона, впрочем, его восторгов не разделяла.

- Хагрид, у тебя дом сделан из дерева, - сказала она.

Но Хагрид её уже не слышал. Он весело напевал, перемешивая кочергой уголья.

Теперь ко всем их заботам прибавилась новая - что может случиться с Хагридом, если станет известно, что он прячет у себя в избушке незаконного дракона.

- Мне иногда интересно - бывает ли на свете такое, когда просто живёшь себе спокойно, - вздохнул Рон.

Вечер за вечером они проводили над домашними заданиями, которые всё увеличивались. Гермиона начала составлять расписания самостоятельных занятий для Гарри и Рона. Это здорово действовало им на нервы.

Наконец, однажды утром, за завтраком, Ядвига принесла Гарри записку от Хагрида. В ней было всего одно слово: "Вылупляется".

Гарри решил, что травоведение можно спокойно пропустить, и собрался сразу же бежать к избушке. Гермиона ничего подобного и слушать не желала.

- Гермиона, ну подумай, сколько раз в жизни нам перепадёт увидеть, как вылупляются драконы?

- У нас сейчас урок, нам всем влетит, но даже это всё ерунда по сравнению с тем, в каком положении окажется Хагрид, если кто-нибудь узнает, что он затеял...

- Тише ты! - прошептал Гарри.

Малфой проходил мимо в нескольких шагах от них и остановился так резко, что не было никакого сомнения - он подслушивал. Что именно ему удалось услышать, Гарри не знал, но выражение на лице Малфоя ему очень не понравилось.

Рон продолжал препираться с Гермионой, пока они не пришли на травоведение, и Гермиона в конце концов согласилась сбежать с ними к Хагриду на первой перемене. Когда из замка донёсся колокольчик, возвестивший конец урока, вся троица немедленно бросила лопатки и понеслась через весь двор на опушку леса. Хагрид встречал их у дверей, раскрасневшийся и взволнованный.

- Уже почти вылез.

Он быстро втолкнул их внутрь.

Яйцо лежало на столе, покрытое глубокими трещинами. Внутри что-то шевелилось, и оттуда раздавалось странное щёлканье.

Они подоодвинули к столу табуретки и смотрели, затаив дыхание.

Внезапно раздался громкий скрип, и яйцо распалось надвое. Дракончик вывалился из него на стол. Красивым его назвать было сложно; Гарри он больше всего напомнил помятый чёрный зонтик. Кожистые крылья его, покрытые шипами, казались слишком большими для тощего костлявого тельца цвета воронёной стали. У него было длинное рыльце с широко посаженными ноздрями, крохотные выпуклости на голове, там, где должны были вырасти рожки, и оранжево-жёлтые, навыкате, глаза.

Он чихнул; из ноздрей при этом вылетело несколько искр.

- Ну что за прелесть! - промурлыкал Хагрид. Он потянулся, чтобы погладить дракончика по голове. Тот ловко обернулся и щёлкнул острыми зубками, намереваясь цапнуть его за руку.

- Ах ты радость моя, мамочку признал! - умилился Хагрид.

- Хагрид, - сказала Гермиона, - скажи, пожалуйста, насколько быстро они растут, эти норвежские гребнеспины?

Хагрид открыл было рот, но вдруг остановился и сильно побледнел, потом вскочил и подбежал к окну.

- В чём дело?

- Кто-то сквозь щёлку в занавеске подглядывал... Мальчишка какой-то... Вон, дует обратно к школе.

Гарри бросился к двери и выглянул наружу. Несмотря на большое расстояние, ошибки тут быть не могло.

Малфой видел дракона.

Всю следующую неделю Малфой носил на губах ехидную усмешку; Гарри, Рона и Гермиону она вгоняла в тоску. Большую часть свободного времени они проводили в хижине Хагрида, в которой теперь царил полумрак, и пытались его увещевать.

- А ты его просто выпусти, - упрашивал Гарри. - Отпусти на свободу.

- Да как я могу, - отбивался Хагрид. - Он ещё маленький. Помрёт, того гляди.

Они поглядели на дракончика. Он всего за неделю вытянулся в длину по меньшей мере втрое. Из ноздрей его всё время курился едкий дым, завиваясь кольцами. Хагрид совсем забросил свои егерские обязанности - дракон отнимал у него слишком много сил. Весь пол был усеян куриными перьями и пустыми бутылками из-под коньяка.

- Я его решил назвать Норбертом, - объявил Хагрид, глядя на дракона, и глаза у него блаженно затуманились. - Он меня уже знает. Глядите-ка.

Норберт! Но-орберт! Ну-ка, где наша мамочка?

- Всё. Крыша поехала, - пробормотал Рон Гарри на ухо.

- Хагрид, - громко сказал Гарри. - Ещё пара недель, и Норберт будет размером с твой домик. А Малфой может наябедничать Дамблдору в любой момент.

Хагрид закусил губу.

- Я... Вы не думайте, я понимаю, что держать его очень долго у меня, может, и не выйдет. Ну, не могу же я его просто бросить. Не могу, и всё! Гарри вдруг повернулся к Рону.

- Чарли, - сказал он.

- Ты что, тоже не в себе? - спросил Рон. - Меня зовут Рон. Помнишь такого?

- Да нет, Чарли - твой брат Чарли. В Румынии. Драконов изучает. Мы можем отправить Норберта к нему. Чарли его вырастит, а потом отпустит!

- Гениально! - сказал Рон. - Хагрид, а ты как думаешь?

После долгих уговоров Хагрид согласился, что сову, так и быть, послать к Чарли всё-таки можно - на всякий случай, потому что спросить никогда не мешает.

Следующая неделя тянулась чрезвычайно медленно. В среду вечером Гарри и Гермиона сидели в общей комнате в одиночестве - все уже давно разошлись по палатам. Часы на стене пробили полночь, и дыра за портретом наконец-то распахнулась. Из воздуха возник Рон, стаскивающий с себя накидку-невидимку. Он весь вечер провёл в избушке у Хагрида, помогая ему кормить Норберта. Норберт теперь жрал дохлых крыс - бочонками.

- Укусил! - сказал Рон, показывая свою руку, обмотанную окровавленным платком. - Я теперь, наверное, целую неделю перо в руки взять не смогу. Вы уж мне поверьте, этот дракон - самый мерзкий зверь, которого я встречал в своей жизни. А Хагрид заливаётся - его послушать, так это просто маленький миленький кролик. Он меня укусил, так Хагрид мне же после этого выговаривать стал - я его испугал, будто бы. Потом он начал ему колыбельную петь, ну, тут я и ушёл.

В тёмное окно кто-то постучался.

- Ядвига! - воскликнул Гарри, и бросился её впускать. - Она ответ от Чарли принесла!

Они сдвинулись головами и начали читать записку.

Дорогой Рон:

Как поживаешь? Большое спасибо за письмо - я с удовольствием взял бы гребнеспина, но перетаскать его сюда будет непросто. Лучше всего, я думаю, было бы послать его с моими друзьями, которые собираются ко мне на следующей неделе. Только надо позаботиться, чтобы их не засекли с незаконным драконом.

Не могли бы вы отнести гребнеспина на верхушку самой высокой башни в эту субботу, в полночь? Они вас там встретят и заберут его, пока темно. Пришли ответ как можно скорее.

Твой

- Чарли.

Они переглянулись.

- У нас есть накидка-невидимка, - сказал Гарри. - Я думаю, что всё в порядке - под накидкой места хватит на двух из нас и Норберта.

Рон и Гермиона согласились почти без звука - ещё один знак того, как трудно далась им прошлая неделя. Они уже на всё были готовы, лишь бы отделаться от дракона - и Малфоя.

Всё оказалось не так просто. На следующее утро прокушенная рука распухла так, что стала вдвое толще обычного. Рон сперва не решался показать её мадам Помфри - а вдруг она знает, как выглядят укусы драконов? Однако к обеду выбора у него не осталось - кожа вокруг раны приняла отвратительный зеленоватый оттенок. Похоже, клыки у Норберта оказались ядовитыми.

После ужина Гарри и Гермиона помчались в больничное крыло, где и нашли Рона в постели, в довольно плачевном виде.

- Рука-то ладно, не в ней дело, - прошептал он. - Правда, чувство такое, будто она сейчас отвалится. Малфой сказал мадам Помфри, что ему нужно у меня книжку взять почитать, чтобы она его ко мне пустила, а сам пришёл надо мной поиздеваться. Он всё грозился, что расскажет ей, откуда у меня этот укус. Я сказал, что это собака, но мне кажется, она не очень-то поверила. Не стоило мне с ним на последнем квиддиче драться - я уверен, что это он так отомстить пытается.

Гарри и Гермиона постарались успокоить его, как могли.

- В субботу в полночь всё кончится, - сказала Гермиона, но Рона это вовсе не утешило. Напротив, он вдруг сел в своей кровати, и его бросило в жар.

- В субботу в полночь! - хрипло повторил он. - Ой... ой-ой-ой... Я сейчас вспомнил - записка от Чарли была заложена в ту книжку, которую Малфой взял, он теперь узнает, что мы Норберта отправляем!

Ответить ему Гарри и Гермиона не успели - пришла мадам Помфри и вытолкала их, сказав, что Рону нужен покой.

- Перерешать теперь уже поздно, - сказал Гермионе Гарри. - Посылать Чарли ещё одну сову у нас времени нет, да и другого случая избавиться от Норберта тоже не будет. Придётся рискнуть. И кроме того, Малфой не знает про накидку-невидимку.

Несчастный Клык сидел снаружи от Хагридовой избушки с забинтованным хвостом. Когда они постучались, Хагрид приоткрыл окно.

- Впустить никак не могу, - натужно сопя, объявил он. - У Норберта сейчас переходный возраст... Но я справлюсь, всё путём...

Когда они рассказали ему о письме Чарли, глаза его наполнились слезами - впрочем, возможно, что не от печальной новости, а от того, что Норберт вцепился ему в ногу.

- А-а-ай ты! Ничего, ничего, он только башмак закусил... Играет просто... Он же ещё ребёночек, ежели подумать...

Ребёночек треснул хвостом в стену так, что затряслись окна. Гарри и Гермиона отправились обратно к замку, втайне сожалея, что до субботы ещё так далеко.

Когда Хагриду пришла пора расставаться с Норбертом, жалость к нему у них смешивалась с тревогой перед тем, что им предстояло. Ночь на воскресенье оказалась пасмурной и очень тёмной, а до Хагридовой лачуги они добрались позже назначенного времени, потому что им пришлось пережидать, пока Брюзга перестанет носиться по прихожей зале, играя в теннис "об стенку" и загораживая им путь.

Хагрид уже упаковал Норберта в большой ящик.

- Я ему там крыс побольше положил, и коньяку - на дорожку, - глухо сказал он. - И его любимого медвежонка, плюшевого, чтобы ему не так скучать.

Из ящика раздался громкий треск, из чего они заключили, что любимый медвежонок только что распрощался с головой.

- Счастливо, Норберт! - хлупал Хагрид, глядя, как Гарри и Гермиона накрывают ящик накидкой-невидимкой и втискиваются под неё сами. - Твоя мамочка тебя не забудет!

Как им удалось дотащить ящик до башни, они и сами не знали. Полночь неумолимо приближалась. Они взгромоздили ящик вверх по мраморной лестнице и потащили его по тёмным коридорам. Ещё одна лестница, и ещё - даже любимый потайной ход Гарри им не очень помог.

- Почти... пришли... - пропыхтел Гарри, когда они добрались до основания самой высокой башни.

Из-за внезапного движения в коридоре у них на пути они чуть не выронили ящик. Забыв на мгновение, что они невидимы, они вжались в стену, уставившись на два тёмных силуэта, боровшихся друг с другом в нескольких метрах от них. Зажглась лампа.

Профессор Макгонагелл, в клетчатом [48] халате, с волосами, забранными в сеточку, держала за ухо Малфоя.

- Останетесь после уроков [49]! - громко провозгласила она. - И двадцать очков с Пресмыкайса! Расхаживать по школе в такой поздний час! Как Вы смеете!

- Подождите, профессор, Вы не понимаете - сейчас придёт Гарри Поттер, вместе с драконом!

- Что ещё за чушь! Как Вы смеете так нагло врать! Ну, пошевеливайтесь - и имейте в виду, я непременно поговорю о Вас с профессором Снейпом! После подобной сцены крутой винтовой лестницы на верхушку башни они почти не заметили. Накидку они не снимали до самой верхушки, где смогли, наконец, с облегчением вдохнуть свежий, прохладный ночной воздух. Гермиона пустилась в пляс.

- Малфой попался! Будет сидеть после уроков! Я прямо запеть готова!

- Не стоит, - предостерёг её Гарри.

Они уселись ждать, еле сдерживая смех, когда вспоминали про Малфоя. Норберт шумно возился в своём ящике. Десять минут спустя из темноты вынырнули четыре помела.

Друзья Чарли (очень веселый народ) показали Гарри и Гермионе, как они особым образом скрепили несколько ремней, чтобы приторочить к ним Норберта. Потом они пристегнули ящик, Гарри с Гермионой пожали всем руки и сказали большое спасибо.

И вот наконец Норберт начал удаляться... удаляться... и исчез из виду. Они соскользнули вниз по винтовой лестнице, и на сердце у них было так же легко, как в опустевших руках, с которых они Норберта сбывли долой. Дракона больше нет - Малфоя светит сидеть после уроков - что же могло омрачить их радость?

Ответ на этот вопрос уже поджидал их внизу. Не успели они выйти в коридор, как из тьмы на них выскочило лицо Филча.

- Ну, ну, - прошептал он. - Вот мы и влетели.

Накидка-невидимка осталась лежать на верхушке башни.

Глава пятнадцатая. Запретный лес.

Дела шли - хуже не придумаешь.

Филч отвёл их к профессору Макгонагелл, в её кабинет на первом этаже, и оставил сидеть. Они сидели и ждали, не обменявшись ни единым словом. Гермиона дрожала, как лист. В голове у Гарри веские причины гонялись за серьёзными основаниями и сталкивались с исчерпывающими объяснениями, но чем дальше, тем менее правдоподобно все они звучали. Было совершенно ясно, что на этот раз им не выкрутиться. Попались они серьёзно. Как же они могли допустить такую глупость - забыть накидку? Ни одно обстоятельство на свете не могло убедить профессора Макгонагелл, что им можно было этой ночью шататься по школе - а тем более лезть на самую высокую башню, которая была запретной в любое время, кроме уроков астрономии. А если прибавить к этому Норберта и накидку-невидимку... в общем, можно было начинать собираться.

А чтобы Гарри не думал, что хуже уже быть не может, профессор Макгонагелл появилась в кабинете, ведя за руку Невилля.

- Гарри! - выпалил Невиль, как только завидел их. - Я... я хотел тебя предупредить, потому что Малфой сказал, что он тебя поймает, и что у тебя есть дра...

Гарри изо всех сил затряс головой, чтобы Невиль поскорей заткнулся, но профессор Макгонагелл это заметила. Нависая над ними тремя, она, казалось, собиралась испепелить их таким языком пламени, какой Норберту и не снился.

- Вот уж от вас я такого никак не ожидала. Мистер Филч утверждает, что застал вас у астрономической башни. Уже час ночи. Извольте объясниться.

Гермиона впервые в жизни отказалась ответить на вопрос учителя. Она внимательно разглядывала свои тапочки, застыв неподвижно, как статуя.

- Что ж, мне и так всё понятно, - сказала профессор Макгонагелл. - Тут не требуется быть семи пядей во лбу. Вы наболтали Малфоя чепухи про какого-то там дракона, чтобы выгнать его из постели и подставить под наказание.

Его я уже поймала. Я полагаю, вы также находите забавным тот факт, что Лонгботтом услышал что-то краем уха и принял это за чистую монету? Гарри встретился взглядом с Невилем и попытался разуверить его (без слов, конечно), поскольку Невиль выглядел изумлённым и обиженным. Бедняга Невиль! Гарри догадывался, чего ему стоило отправиться искать их ночью, в темноте.

- Отвратительно, - продолжала профессор Макгонагелл. - Четверо учеников в одну ночь! Ничего подобного мне и слышать не приходилось! Вы, мисс Грейнджер - я всегда считала, что у Вас-то хватает здравого смысла. А что касается Вас, Поттер - мне казалось, что честь Гриффиндора для Вас кое-что значит. Вы все трое будете наказаны. Да, включая и Вас, Лонгботтом - что бы там ни было, это не даёт Вам права бродить ночью по школе, это чрезвычайно опасно, особенно в последнее время. С Гриффиндора будет снято пятьдесят очков.

- Пятьдесят?! - задохнулся Гарри. Но они же потеряют то преимущество, которое он выиграл в квиддич!

- Пятьдесят за каждого из вас, - сказала профессор Макгонагелл, тяжело сопя своим длинным острым носом.

- Профессор... ну пожалуйста...

- Вы не можете...

- Попрошу не указывать мне, что я могу и чего не могу, Поттер.

Отправляйтесь в постель. Никогда ещё мне не было так стыдно за учеников Гриффиндора.

Они потеряли сто пятьдесят очков. Гриффиндор таким образом оказывался на последнем месте. В одну ночь они лишили свой колледж всякой надежды завоевать кубок школы. У Гарри было такое ощущение, будто сердце его провалилось в желудок, да там и осталось. Как же им теперь быть?

Он всю ночь не сомкнул глаз. Рядом с ним Невиль всхлипывал в подушку - не переставая, часами. Ничего утешительного Гарри ему сказать не мог. Он знал, что Невиль, как и он сам, боялся прихода утра. Что будет, когда все остальные Гриффиндоры узнают, что они натворили?

Сперва ученики Гриффиндора, проходившие мимо огромных песочных часов, отмечавших положение колледжей, думали, что произошла какая-то ошибка. Как иначе было объяснить, у них вдруг оказалось на сто пятьдесят очков меньше, чем накануне? Потом, медленно, но верно, начался шёпот, пошли слухи: Гарри Поттер, знаменитый Гарри Поттер, герой двух квиддичных матчей - это он стоил им их места в общем зачёте, он и ещё парочка безмозглых первоклашек.

Из самого известного и уважаемого ученика в школе Гарри очень быстро превратился в самого презираемого. Даже Враноклювы и Футынуты на него обозлились - всем давно хотелось, чтобы Пресмыкайс наконец проиграл. Где бы Гарри ни появлялся, повсюду на него показывали пальцами и ругали его в полный голос, не стесняясь. Пресмыкайсы, напротив, взяли привычку хлопать и свистеть, когда он проходил мимо, и кричали ему в спину: "Эй, Поттер! Спасибо! Мы у тебя в долгу!"

Один лишь Рон от него не отвернулся.

- Дай им пару недель, и всё забудется. Фред и Джордж - они знаешь сколько очков напроигрывали за это время, а с ними всё равно все водятся.

- Ну да, - сказал Гарри, чувствуя себя очень несчастным. - Сто пятьдесят очков одним махом они, небось, никогда не теряли.

- М-м-м... нет, - признался Рон.

Заглаживать ошибку было уже поздно, но Гарри тем не менее дал самому себе обещание никогда больше не впутываться в то, что его не касается. Хватит с него секретов, тайных ходов и тому подобного. Ему было так стыдно, что он даже пошёл к Вуду и сказал, что он хочет отказаться от своего места в сборной.

- Отказаться? - прогремел в ответ Вуд. - Кому от этого легче будет? Если мы и в квиддич не сможем побеждать - как мы тогда будем очки обратно отыгрывать?

Но даже квиддич не приносил Гарри прежней радости. Никто из команды с ним во время тренировок не разговаривал, а если кому-то и надо было к нему обратиться, то называли его не иначе, как "искатель".

Гермиона и Невиль тоже страдали. Им приходилось не так туго, потому что они не были настолько известными, но с ними тоже никто теперь не говорил. Гермиона даже перестала постоянно привлекать к себе внимание на уроках; она сидела, опустив голову, и молча работала.

Гарри почти радовался, что до экзаменов оставалось недолго. Занятия и домашняя работа отвлекали его от мыслей о своих неприятностях. Он, Рон и Гермиона держались вместе, подальше от остальных, и засиживались допоздна, пытаясь запомнить рецепты сложных зелий, выучить наизусть заклинания и наговоры, зазубрить даты магических открытий и восстаний гоблинов...

Однако за неделю перед началом сессии решимость Гарри не вмешиваться не в свои дела внезапно подверглась серьёзному испытанию. Однажды после обеда он шёл один из библиотеки, и вдруг услышал чьё-то жалобное нытьё в кабинете, мимо которого он собирался пройти. Подойдя ближе, он узнал голос Квиррела:

- Нет... Нет... Умоляю, не надо больше...

Похоже было, что ему кто-то угрожал. Гарри придвинулся ещё ближе.

- Ну ладно... ладно... - всхлипывал Квиррел.

В следующее мгновение он вылетел из кабинета, на ходу поправляя свой тюрбан. Он был очень бледен и чуть не плакал. Квиррел быстро скрылся из виду; Гарри был уверен, что он его не заметил. Он подождал, пока шаги Квиррела затихли в отдалении, и заглянул в кабинет. В нём было пусто, но дверь в противоположной стене была распахнута. Только пройдя половину пути к ней, Гарри вспомнил про своё обещание не совать свой нос куда не нужно.

Впрочем, он и так был готов поспорить на дюжину философских камней, что через эту дверь только что вышел Снейп. Судя по тому, что Гарри удалось подслушать, Снейп теперь должен был ходить по школе вприпрыжку - Квиррел, похоже, сдался.

Гарри вернулся в библиотеку. Гермиона гоняла Рона по астрономии. Гарри рассказал им об услышанном.

- Значит, Снейп своего добился! - сказал Рон. - Если Квиррел рассказал ему, как обойти наговор против чёрных сил...

- Но ведь там ещё Пушистик, - напомнила Гермиона.

- Может, Снейп догадался, как его одолеть, и без помощи Хагрида, - сказал Рон, оглядывая тысячи книг на полках вокруг них. - Наверняка где-нибудь тут стоит книга, в которой написано, как усмирять огромных трёхголовых собак. Что же нам теперь делать, Гарри?

В глазах у Рона снова зажгётся огонёк - он предвкушал приключение. Но Гермиона ответила раньше, чем Гарри успел открыть рот:

- Надо идти к Дамблдору. И вообще, это стоило сделать ещё давным-давно.

Если мы снова что-нибудь сами откинем, нас точно исключат.

- Но мы же не сможем ничего доказать! - сказал Гарри. - А Квиррел, скорее всего, так напуган, что нашу историю подтверждать не станет. Снейпу стоит только сказать, что он не знает, кто впустил в школу тролля в канун Всех Святых, и что его ноги к третьему этажу и близко не было - как вы думаете, кому скорее поверят, ему или нам? Всем известно, что мы его терпеть не можем, Дамблдор сразу решит, что мы всё это выдумали, чтобы от него избавиться. Филч нам не подмога; он пальцем не пошевелит, даже если от этого его собственная жизнь будет зависеть, они со Снейпом - не разлей вода, с его точки зрения чем больше учеников наисключают, тем лучше. Да, и чтобы вы не забыли - нам ничего ни про камень, ни про Пушистика неизвестно. Попробуйте-ка теперь это всё кому-нибудь объяснить.

На Гермиону эта речь подействовала, но Рон не унимался.

- Ну, мы только самую малость повынюживаем...

- Нет, - решительно сказал Гарри. - Я уже достаточно навьюживался.

Он пододвинул к себе карту Юпитера и принялся заучивать имена его спутников.

На следующее утро Гарри, Гермиону и Невилу на столе за завтраком ждали записки. У всех троих они были одинаковыми:

Отбывать наказание Вы будете сегодня ночью, в одиннадцать часов. Мистер Филч встретит Вас у парадного входа.

Профессор М. Макгонагелл.

На Гарри так сильно подействовало всеобщее презрение по поводу потерянных очков, что про наказание он и думать забыл. Он не удивился бы, если бы Гермиона начала ныть, что таким образом бессмысленно пропадёт целый вечер, в то время, как они могли бы заниматься, но она не сказала ни слова. Как и сам Гарри, в глубине души она считала, что им досталось по заслугам.

Ровно в одиннадцать они пожелали Рону спокойной ночи и вместе с Невилем спустились в прихожую залу. Филч их уже поджидал – вместе с Малфоем. Про то, что Малфоя наказали вместе с ними, Гарри тоже успел забыть.

– Следуйте за мной, – сказал Филч, зажигая фонарь, и вышел за ворота.
– Ну, теперь-то вы, небось, двадцать раз подумаете, прежде чем правила нарушать, а? – начал он, бросая на них злобные косые взгляды. – Да уж... Тяжкий труд – лучшее воспитание, я так считаю... Так жаль, что старые добрые способы наказания никто больше не применяет, совсем забросили... Подвесить бы вас к потолку на недельку... Кандалы-то у меня в кабинете так и лежат, я их всегда наготове держу, чистенькие, смазанные – вдруг да и пригодятся... Ну, поторапливайтесь, и про то, чтобы сбежать, даже и не мыслите – только хуже будет.

В темноте они отправились на другой конец лужайки. Невиль хлюпал носом. Гарри раздумывал, в чём же будет состоять их наказание. Наверное, что-то жуткое, иначе с чего бы Филч так радовался?

Луна светила ярко, но набегающие на неё облака то и дело окутывали их тьмой. Впереди Гарри различал огонёк в окне Хагридовой избушки. Оттуда донёсся отдалённый крик:

– Филч, это ты, нет? Давай скорей, идти-то давно пора.

Сердце Гарри подпрыгнуло; если работать нужно будет с Хагридом, то это ещё ничего. Должно быть, на лице его отразилось что-то вроде облегчения, потому что Филч немедленно заскрипел:

– Ты что, думаешь, что тебе тут с этим грубияном развлекаться, что ли? Ну уж нет, мальчишка – вам дорога прямиком в лес, и если я не ошибаюсь, оттуда живыми не выйдут!

Услышав это, Невиль застонал, а Малфой остановился вмертвую.

– В лес? – повторил он, и голос у него разом потерял обычную наглую нотку. – Я не пойду ночью в лес – там полно всякого... Там, говорят, оборотни...

Невиль крепко ухватился Гарри за рукав и задавленно пискнул.

– А это теперь ваша забота, не так ли? – пропел Филч, не сдерживая злорадства. – Про оборотней-то не мешало бы подумать перед тем, как нашалить, а?

Навстречу к ним из темноты шагнул Хагрид; за ним бежал Клык. Хагрид нёс большой арбалет, а через плечо у него был перекинут колчан с короткими стрелами.

– Явился, не запылится, – сказал он. – Я тут уже полчаса как жду. Гарри, Гермиона, как оно там?

– На твоём месте я бы с ними особо не церемонился, Хагрид, – холодно заметил Филч, – это наказание, в конце концов.

– Так вот ты почему опоздал? – нахмурился Хагрид. – Морали им читал, значит? Выше себя берёшь. Ты своё дело сделал, теперь мой черёд.

– Я вернусь на рассвете, – сказал Филч. – Заберу то, что от них останется, – добавил он с неприятной усмешкой, повернулся и отправился обратно к замку.

Они некоторое время следили, как фонарь подпрыгивает в такт его шагам. Малфой повернулся к Хагриду.

- Я в лес не пойду, - заявил он, и Гарри с удовольствием услышал в его голосе неподдельный страх.

- Ежели хочешь продолжать тут учиться, так будешь делать, что тебе прикажут, - ожесточённо ответил Хагрид. - Набедокурил, теперь пришла пора отвечать.

- Но это же... это же для прислуги дело, не для учеников. Я думал, мы будем упражнения переписывать, или что-нибудь в таком роде. Если мой отец узнает...

- Так он тебе расскажет, каково оно в Хогвартсе бывает! - зарычал Хагрид.

- Упражнения переписывать! Будто от этого кому горячо или холодно. Нет уж, или будешь помогать, или катись отседова. Если твоему папеньке приятней будет, чтобы тебя вышвырнули - давай, топай в замок, да начинай собираться! Чего стоишь?

Малфой не двинулся с места. Он яростно посмотрел на Хагрида, но быстро отвернулся.

- Ну, то-то же, - сказал Хагрид. - Значит, слушайте сюда - что мы сегодня делать будем, это здорово опасно, и я не хочу, чтобы вы нарочно нарывались. Ну-ка, отойдём в сторону.

Хагрид подвёл их к самому краю леса. Потом, держа фонарь высоко над головой, он указал на узенькую, заросшую тропинку, которая вилась между огромными чёрными стволами и исчезала в чаще. Они заглянули в лес; налетевший ветерок взъерошил им волосы.

- Смотрите во-он туда, - сказал Хагрид. - Видите, на земле светится что-то? Серебристое такое? Это будет кровь единорога. Единорог, значит, здесь бродит, и чтой-то его сильно поранило. За одну неделю второй раз уже. Прошлую среду я одного мёртвого нашёл. Нам, значит, этого теперь разыскать надо, бедняжку. Может статься, его пристрелить придётся, чтоб не мучился.

- А что, если нас сперва разыщет то, что ранило этого единорога? - спросил Малфой, на этот раз и не пытаясь скрыть ужас в своём голосе.

- В этом лесу ничего нет такого, что вам повредит, если я с вами, или Клык, - отозвался Хагрид. - И вот ещё что - с тропы не сходите. Ну, так, значит. Разделимся на двое, и пойдём по тропе в разные стороны. Там всюду крови набрызгано - небось, он ещё с прошлой ночи мечется.

- Чур, я с Клыком, - быстро сказал Малфой, рассматривая пасть Клыка с острыми зубами.

- Дело твоё. Имей в виду, он трус порядочный, - сказал Хагрид. - Ну, тогда я, Гарри и Гермиона, мы пойдём в одну сторону, а Драго, Невиль и Клык, значит, в другую. Ежели кому из нас единорог попадётся, то тогда выстрелим зелёными ракетами, ясно? Ну-ка, доставайте палочки и попробуйте... Во, точно так. А если кто в переделку попал, пускайте красные ракеты, мы сразу на подмогу прибежим. Осторожней там только. Ну, пошли, что ли.

В лесу было тихо и очень темно. Пройдя несколько шагов, они увидели, что тропинка перед ними расходится; Гарри, Гермиона и Хагрид пошли налево, а Малфой, Невиль и Клык взяли вправо.

Некоторое время они шли молча, вперив глаза в землю. Сквозь густые кроны пробивался лунный свет, и на ковре из палых листьев то здесь, то там проступала серебристо-голубая кровь.

Гарри заметил, что Хагрид был видимо озабочен.

- А оборотни - может так быть, что один из них убивает единорогов? - спросил он.

- Не поспеет, - ответил Хагрид. - Единорога словить - дело нелёгкое. Они крепко волшебные создания, единороги. Я раньше никогда не знал, что его вообще повредить можно.

Они проходили мимо замшелого болота. Гарри слышал журчание воды; должно быть, где-то неподалёку протекал ручей. На тропе по-прежнему то и дело встречались капли крови единорога.

- Гермiona, как там дела? - спросил Хагрид шёпотом. - Ты не бойся. Если он так сильно поранился, то далеко ему не уйти, мы его скоро... За дерево, быстро!!!

Хагрид подхватил Гарри и Гермionу и перенёс их с тропы под толстенный дуб на обочине. Сам он вытянул стрелу, приладил её на арбалет и встал наизготовку. По опавшей листве невдалеке что-то прошуршало, словно кто-то волочил по земле полы накидки. Хагрид прищурился, вглядываясь, но через несколько секунд звук исчез вдали.

- Так и знал, - пробормотал Хагрид. - Что-то тут ползает, чему ползать не положено.

- Оборотень? - выпалил Гарри.

- Никакой это был не оборотень, и не единорог тоже, - мрачно сказал Хагрид. - Ну, пошли дальше. Держитесь-ка за мной, и не зевайте.

Они отправились дальше, на этот раз более медленно, напрягая слух и вздрагивая от малейшего шороха. Вдруг впереди, на небольшой поляне, они увидели, как что-то явственно двигалось.

- Кто идёт? - крикнул Хагрид. - А ну, покажись! Я при оружии!

На тропу медленно вышел... Был ли это человек, или конь? Выше пояса - несомненно человек, с рыжими волосами и бородой, но ниже начиналось блестящее лошадиное тело каурой масти, с длинным тёмно-каштановым хвостом. Гарри и Гермiona остолбенели.

- А, Ронан, это ты, - облегчённо выдохнул Хагрид. - Как поживаешь?

Он подошёл к кентавру и пожал ему руку.

- Доброго тебе здравия, Хагрид, - ответил Ронан. Голос у него был низкий и печальный. - Не собирался ли ты меня застрелить?

- Ну, осторожность никогда не помешает, - сказал Хагрид, похлопывая по арбалету. - Какая-то в лесу нечисть завелась, понимаешь. Да кстати - это вот Гарри Поттер, а это - Гермiona Грейнджер. В школе учатся. А вы двое - познакомьтесь, это Ронан. Он кентавр.

- Да, мы заметили, - слабым голосом сказала Гермiona.

- Приветствую вас, - сказал Ронан. - Вы - ученики? И многому вас обучают там, в школе?

- М-м-м...

- Кое-чему, - сказала Гермiona робко.

- Кое-чему. Ну что ж, - вздохнул Ронан. Он запрокинул голову и стал смотреть на небо. - Марс сегодня чрезвычайно ярок.

- Ага, - сказал Хагрид. - Слушай, хорошо, что мы на тебя наткнулись, Ронан, потому что тут, понимаешь, единорога кто-то подбил. Ты не видал, случаем?

Ронан ответил не сразу. Некоторое время он, не мигая, продолжал глядеть ввысь, а потом снова вздохнул.

- Первыми жертвами всегда падают невинные, - сказал он. - Так было из веку, так будет всегда.

- Ну да, - сказал Хагрид, - но ты-то сам ничего не заметил? Необычное что-нибудь, а?

- Яркий Марс сегодня, - повторил Ронан. - Необычно яркий.

- Это я понял, - сказал Хагрид, - но меня-то собственно интересует обстановка маленько поближе. Значит, ничего особенного не видал?

И снова Ронан медлил с ответом. Наконец, он проронил:

- Лес хранит множество тайн.

Меж деревьев что-то проскользнуло; Хагрид вскинул арбалет, но это оказался ещё один кентавр, вороной и черноволосый. Выглядел он гораздо более диким, чем Ронан.

- Привет, Бэйн, - сказал Хагрид. - Как дела?

- Приветствую и тебя, Хагрид. Надеюсь, обстоятельства складываются благополучно?

- Да ничего себе. Слушай, я тут Ронана уже спрашивал, вы не заметили ли странного чего? Тут единорога кто-то зацепил - вам про это дело ничего не известно?

Бэйн подошёл поближе, встал рядом с Ронаном и задрал голову.

- Марс яркий сегодня, - сказал он просто.

- Как же, слышаны, - проворчал Хагрид. - Ну, в общем, если набредёте на что-нибудь, дайте знать, что ли. Мы пойдём, пожалуй.

Гарри и Гермиона вслед за ним покинули поляну, оборачиваясь через плечо на Ронана и Бэйна, пока деревья не скрыли их из виду.

- Эх, - раздражённо сказал Хагрид, - знал же ведь, что с кентавра прямого ответа спрашивать - гиблое дело. Звездочёты, чтоб их... Ничего, что ближе луны, их не колышет.

- Их тут что, много? - спросила Гермиона.

- Да порядком. Они в основном промеж себя держатся, но когда мне с ними поговорить требуется, они обычно выходят. Я на них не в обиде. Они, понимаешь, умные, кентавры-то... Знают про всякое разное... А вот трепаться не любят.

- Может, это мы кентавра там услышали? - сказал Гарри.

- Разве оно на копыта похоже было? Не, я так полагаю, это и есть то, что единорогов губит - никогда я ничего похожего не слышал.

Тропинка пробиралась между густо растущими могучими деревьями. Гарри всё время нервно оглядывался. У него было странное чувство, будто за ними кто-то следил, и он был рад, что им достался Хагрид со своим арбалетом. Они как раз повернули, следуя за тропой, как вдруг Гермиона схватила Хагрида за руку.

- Хагрид! Гляди! Красная ракета! Они в опасности!

- Стойте здесь, оба! - крикнул Хагрид. - С тропы ни шагу! Я за вами вернусь!

Некоторое время они слышали, как он ломится напрямик через кустарник, но вскоре вокруг них снова ступилась тишина, если не считать мягкого шелеста листьев. Они стояли, глядя друг на друга, и им было очень страшно.

- Правда ведь, с ними ничего не случилось? - прошептала Гермиона.

- На Малфоя мне наплевать, но если вдруг Невиль... Это мы виноваты, что он здесь оказался.

Время тянулось невыносимо медленно. Слух у них, казалось, обострился - Гарри замечал любой порыв ветра, любую хрустнувшую ветку. Что произошло? Где все остальные?

Наконец громкий треск возвестил им о приближении Хагрида. Малфой, Невиль и Клык шли позади. Хагрид был вне себя. Оказывается, Малфой подкрался сзади к Невиллю и схватил его - просто так, шутки ради. Невиль в панике послал ракету.

- Ну, теперь нам уж точно ничего не поймать - такую вы там бучу подняли. Значит, так - меняемся. Невиль, ты останешься со мной и Гермионой, а ты, Гарри, иди с Клыком и с этим болваном. Ты уж извини, - добавил Хагрид шёпотом, наклонившись к Гарри, - но тебя ему так просто не напугать, а нам распутать это дело всё же таки надо.

Таким образом Гарри пришлось отправиться в самую чащу леса с Малфоем и Клыком. Они шли не меньше получаса, углубляясь всё дальше. Следовать тропе стало почти невозможно, так тесно стояли стволы. Гарри казалось, что чем дальше они шли, тем чаще им попадались пятна крови. На корнях одного из деревьев кровь лежала особенно густо, как будто несчастное создание металось, страдая от боли, где-то поблизости. Сквозь переплетённые ветви векового дуба Гарри разглядел впереди небольшой просвет.

- Смотри, - пробормотал он, вытянув руку, чтобы остановить Малфоя.

На земле что-то сияло ровным, ярким белым светом. Они подкрались поближе. Это и в самом деле был единорог, но он был уже мёртв. Гарри никогда не видел ничего более прекрасного и печального. Длинные, изящные ноги единорога были неловко подвёрнуты и торчали во все стороны - видно было, что он просто изнемог и рухнул замертво. Его жемчужно-белая грива разметалась по тёмной опавшей листве.

Гарри шагнул к нему, но тут поблизости раздалось шипение, и он прирос к месту. Куст, стоявший на краю поляны, задрожал... Из глубокой тени под деревьями появилась чья-то фигура в плаще, с головой, накрытой капюшоном, и поползла по земле - словно хищник крался за жертвой. Гарри, Малфой и

Клык стояли, не шевелясь. Фигура в плаще достигла того места, где лежал единорог, наклонилась над зияющей раной на его боку и принялась пить его кровь.

- А-а-а-а!

Малфой страшно заорал и рванулся прочь, Клык - за ним. Существо в плаще подняло голову и поглядело прямо Гарри в глаза; блестящая кровь каплями стекала по его лицу. Оно встало и быстро пошло в сторону Гарри, который окаменел от ужаса.

Небывалая, невыносимая боль пронзила его. Казалось, шрам у него на лбу загорелся. Слепленный, он попятился. За его спиной раздался стук копыт, кто-то перемахнул через него, взмывая высоко над его головой, и бросился на темную фигуру.

Не в силах унять боль в голове, Гарри опустился на колени. Прошло ещё несколько минут, прежде чем ему стало немного легче. Над ним стоял кентавр - не Ронан и не Бэйн, этот выглядел моложе. Он был чалой масти, с длинными светлыми волосами.

- Всё в порядке? - спросил кентавр, помогая Гарри подняться.

- Да... Кажется... Благодарю Вас... А что это было?

Кентавр не ответил. У него были поразительно голубые глаза, как два бледных сапфира. Он внимательно оглядел Гарри, задержав взгляд на шраме, который пылал на его лбу.

- Ты, должно быть, юный Поттер, - сказал он. - Необходимо вернуть тебя Хагриду. В лесу в такое время небезопасно - особенно для тебя. Умеешь ли ты ездить верхом? Так было бы скорее всего. Моё имя - Флоренций, - добавил он, подгибая передние ноги, чтобы Гарри смог забраться ему на спину.

Снова застучали копыта, и на поляну ворвались Ронан и Бэйн. Бока у них были в мыле и тяжело вздымались от скачки.

- Флоренций! - загремел Бэйн. - Что ты задумал? Ты несёшь на спине человека! Ты совсем потерял стыд! Уподобился обыкновенному мулу!

- Разве ты не видишь, кто это такой? - ответил Флоренций. - Это юный Поттер. Чем скорее он покинет лес, тем лучше.

- Что ты ему тут успел поведать? - прорычал Бэйн. - Или ты забыл, Флоренций, что мы поклялись не противопоставлять себя небесам? Разве не известно тебе, что сулит нам движение планет?

Ронан взволнованно рыл копытом землю.

- Я уверен, что Флоренций действовал из лучших побуждений, - сказал он мрачно.

Бэйн в гневе взбрыкнул задними ногами.

- Побуждений! Происходящее здесь никак не касается нас! Кентавры должны заботиться лишь о том, что нам предсказано! Негоже нам гоняться по лесу, как простым ослам, за заблудившимися людьми!

Флоренций, неожиданно обозлившись, встал на дыбы, так что Гарри пришлось ухватиться за его плечи, чтобы не упасть.

- А ты - видишь ли ты этого единорога? - загремел он, обращаясь к Бэйну.

- Известно ли тебе, почему он погиб? Или, быть может, планеты держат это от тебя в секрете? Я восставил себя против мерзости, ползающей теперь по этому лесу; да, я встану против неё плечом к плечу с людьми, если потребуется!

Флоренций прынул и помчался прочь; Гарри держался за него из последних сил. Они устремились в лес, оставив позади Ронана и Бэйна.

Гарри так и не понял, что произошло.

- Почему Бэйн так рассердился? - спросил он. - И всё-таки, от чего это Вы меня спасли?

Флоренций перешёл на шаг, предупредив Гарри держать голову пониже - на случай низко висящих ветвей - но на его вопрос так и не ответил. Они молча пробирались сквозь лес - так долго, что Гарри успел решить, что Флоренций с ним больше разговаривать не желает. Когда они подошли к одной особенно густой заросли, он неожиданно остановился.

- Знаешь ли ты, Гарри Поттер, зачем используют кровь единорога?

- Н-нет, - сказал Гарри, озадаченный странным вопросом. - Мы на уроках зелий только кусочки рога и волосы из хвоста брали.

- Это оттого, что убийство единорога - чудовищное злодеяние, - сказал Флоренций. - Только те, кому нечего терять, но есть что приобрести, решаются на подобное преступление. Кровь единорога помогает остаться в живых, даже если ты на волосок от смерти, но дорогой ценой заплатишь ты за это. Чтобы спасти себя, ты умертвил создание столь чистое и беззащитное, что проживёшь ты жизнь после этого лишь наполовину. Вся жизнь твоя проклята с того мига, как первая капля коснулась твоих губ. Гарри уставился на затылок Флоренция, отливающий серебром в лунном свете.

- Но кто же это может быть в таком отчаянии? - думал он вслух. - Уж лучше смерть, чем вечное проклятие. Ведь правда?

- Да, - согласился Флоренций, - но что, если тебе нужно всего лишь протянуть немного, пока ты не сможешь выпить нечто другое - что восстановит в тебе былую власть и силу, принесёт тебе бессмертие? Известно ли тебе, Поттер, что таится сейчас в подвале школы?

- Философский камень! Ну конечно - эликсир жизни! Но я всё равно не понимаю, кому...

- Подумай - не знаешь ли ты, кто ждал многие годы возвращения своей силы, своей славы, кто цеплялся за жизнь, ловя любую возможность?

Сердце Гарри как будто стянуло железным обручем. В шорохе листьев вокруг он различил те слова, которые сказал ему Хагрид в ночь их первой встречи: "Кое-кто говорит, будто он умер. Брехня собачья, я так скажу. В нём, чтобы умереть, уже недостаточно человеческого было".

- Значит, - прохрипел Гарри, - это был Воль...

- Гарри! Гарри, ты жив? Ты ранен?

Гермиона со всех ног бежала к ним по тропинке; позади неё пыхтел Хагрид.

- Я-то в порядке, - крикнул Гарри, едва соображая, что он говорит. - Хагрид, единорог убит - он лежит там, на поляне.

- Пришло время мне тебя покинуть, - промурлыкал Флоренций, провожая глазами Хагрида, спешащего к единорогу. - Теперь ты вне опасности. Гарри соскользнул с его спины.

- Желая тебе удачи, Гарри Поттер, - сказал Флоренций. - Прежде случалось, что движение планет было истолковано неверно, в том числе и кентаврами. Я льщу себя надеждой, что мы ошиблись и на этот раз. Он повернулся и ускакал обратно в чащу леса, а Гарри, дрожа, остался стоять на тропе.

Рон, не дождавшись их, уснул в тёмной общей комнате. Во сне он выкрикивал что-то о квиддиче и штрафных. Гарри грубо потряс его за плечо. Как только он начал свой рассказ о том, что произошло в лесу, сна у Рона не осталось ни в одном глазу.

Гарри не мог усидеть на месте. Он мерил шагами площадку перед камином; его всё ещё трясло.

- Снейпу нужен камень для Вольдеморта... Вольдеморт притаился там, в лесу... А мы-то думали, Снейп просто разбогатеть хочет...

- Перестань произносить имя! - испуганно шептал Рон, словно опасаясь, что Вольдеморт мог их услышать.

Но Гарри не обратил на него внимания.

- Флоренций меня спас, хотя ему и не стоило этого делать... Бэйн - он просто в ярости был... Он всё говорил про планеты, и что нельзя вмешиваться в то, чему суждено произойти... Должно быть, планеты предсказывают, что Вольдеморт вернётся... Бэйн считает, что Флоренций должен был позволить Вольдеморту меня убить... Наверное, они и это тоже в звёздах увидели...

- Да хватит тебе имя-то говорить! - зашипел Рон.

- Теперь мне только ждать, пока Снейп украдёт камень, - горячо продолжал Гарри, - и тогда Вольдеморт придёт и меня прикончит... Ну что ж, хоть Бэйну будет какая-то радость...

У Гермионы вид был очень перепуганный, но говорила она разумно и даже утешительно:

- Гарри, все говорят, что Дамблдор - единственный, кого Сам-Знаешь-Кто боялся. Пока Дамблдор здесь, Сам-Знаешь-Кто не посмеет тебя тронуть. И потом, кто знает, правы ли кентавры? Всё это очень напоминает ясновидение, а профессор Макгонагелл всегда говорит, что это исключительно неточная область чародейства.

Они не могли уgomониться до самого рассвета, и в постель пошли, только когда окончательно вымотались, наговорившись до хрипоты. Но эта ночь преподнесла Гарри ещё одну неожиданность.

Когда Гарри откинул одеяло, под ним обнаружилась аккуратно сложенная накидка-невидимка. К ней была приколотата записка:

На всякий случай.

Глава шестнадцатая. Через люк в подвал.

Впоследствии Гарри никак не мог припомнить, каким образом ему удалось пережить экзамены, когда он с минуты на минуту ожидал, что в дверь ворвётся Вольдеморт. Однако шёл день за днём, а Пушистик несомненно всё ещё сидел за запертой дверью, живой и невредимый.

Стояла страшная жара; особенно душно было в больших кабинетах, где их всех собирали для письменных контрольных. На каждый экзамен им выдавали особые перья, заговоренные против списывания.

Кроме контрольных, надо было сдавать ещё и практические экзамены.

Профессор Флитвик вызывал их по одному в свой класс - с тем, чтобы они заставили ананас отплясывать на парте чечётку. Профессор Макгонагелл наблюдала, как они превращают мышей в табакерки; оценка была тем выше, чем красивее получалась табакерка, но снижалась, если на ней оставались усы. Снейп нагнал на них страху, стоя за их спинами, пока они пытались вспомнить, как готовится зелье от забывчивости.

Гарри старался, как мог. Он пытался не обращать внимания на острую боль во лбу, не оставляющую его с самого ночного путешествия в лес. Невиль думал, что Гарри просто очень волнуется перед экзаменами, потому что Гарри почти не спал. На самом же деле, стоило ему сомкнуть глаза, как к нему снова являлся его знакомый кошмар, только во много раз хуже - теперь в нём была ещё тёмная фигура под капюшоном, залитая кровью.

Оттого ли, что они не видели того, что в лесу пришлось увидеть Гарри, или оттого, что у них во лбу не горел шрам, но Рон и Гермиона не так уж беспокоились о философском камне. Конечно, они боялись появления Вольдеморта, но всё же он не являлся к ним во сне, а учёбой они были заняты так плотно, что на мысли о том, что задумал Снейп (или кто бы то ни было другой) у них просто не оставалось времени.

Самым последним экзаменом была история магии. Ещё один час - который они провели, отвечая на вопросы о спятивших старых колдунах, которые изобретали что-нибудь наподобие котлов с самоперемешиванием - и они будут наконец свободны, на целую блаженную неделю, пока не объявят результаты экзаменов. Когда призрак профессора Бинса велел им положить перья и свернуть пергаменты, Гарри присоединился к общему ликованию.

- Даже легче оказалось, чем я думала, - сказала Гермиона, когда они вышли на залитый солнцем двор, где, похоже, собралась вся школа. - Про кодекс оборотней 1637 года [50] и восстание Эльфрика Жадного можно было и не учить.

После каждого экзамена Гермиона обычно садилась разбирать свои ответы, но на этот раз Рон заявил, что его от этого стошнит, так что они направились к озеру и плюхнулись на берегу в тени от большого дерева. Неподалёку братья Уизли и Ли Джордан щекотали под щупальцами гигантского спрута, который выплыл погреться на мелководье.

- Всё, конец занятиям, - радостно вздохнул Рон, растянувшись на траве. - Эй, Гарри, гляди веселей - у нас впереди ещё целая неделя. Пока мы не узнаем, что завалили экзамены, беспокоиться не стоит.

Гарри тёр свой лоб.

- Хоть бы знать, что это означает, - не выдержал он. - Мой шрам всё болит и болит. Раньше так тоже бывало, но чтобы так часто - никогда.

- Сходи, покажись мадам Помфри, - предложила Гермиона.
- Да я не болен, - сказал Гарри. - Я так думаю, это предупреждение какое-то... Грядёт что-то ужасное...

Рону было слишком жарко для того, чтобы серьёзно испугаться.

- Ладно тебе... Гермиона правильно говорит - пока Дамблдор здесь, камень будет цел. К тому же, никто не сказал, что Снейп знает, как Пушистика обойти. Он уже один раз чуть без ноги не остался - что-то мне кажется, что ему не особо хочется ещё раз попробовать. А уж чтобы Хагрид Дамблдора подвёл - да Невиль раньше за сборную Англии в квиддич играть будет. Гарри кивал, но его не оставляло какое-то грызущее чувство - словно он что-то забыл, что-то очень важное. Он попробовал выразить это чувство словами, но Гермиона не дала ему закончить:

- Это всё экзамены. Я прошлой ночью тоже проснулась, и пока не прочла свои конспекты по превращениям до середины, не вспомнила, что мы их уже сдали.

Гарри, впрочем, был твёрдо уверен, то к занятиям его чувство никакого отношения не имело. Он следил за совой, которая летела, пересекая безоблачное ярко-голубое небо по направлению к школе, сжимая письмо в клюве. Хагрид - только он посылал Гарри письма. Хагрид Дамблдора никогда не подведёт. Хагрид никогда никому не расскажет, как справиться с Пушистиком... никогда... разве что...

Гарри вдруг вскочил.

- Ты куда собрался? - сонно спросил Рон.

- Мне просто одна мысль в голову пришла, - сказал Гарри. Краска сошла с его лица. - Надо идти к Хагриду. Прямо сейчас.

- Почему? - спросила Гермиона, слегка задыхаясь и стараясь не отставать.

- Вам не кажется, что это немного странно, - ответил Гарри, карабкаясь по заросшему травой склону, - что Хагриду хотелось дракона больше всего на свете, и тут совершенно случайно появляется какой-то незнакомец с яйцом под мышкой? Подумайте - много ли народу бродит в округе с драконами, если это запрещено? Им просто удивительно повезло, что Хагрид подвернулся, а? И как же я раньше-то не заметил?

- Что-то я не пойму, - начал Рон, но Гарри прибавил ходу и не ответил. Хагрид сидел в кресле на крылечке своей избушки. Закатав штаны и завернув рукава, он лулил горох в огромную бадью, стоящую перед ним.

- Привет, привет, - сказал он, добродушно улыбаясь. - От экзаменов, значит, отделались? Не хотите ли чайку?

- С удово... - начал было Рон, но Гарри его перебил.

- Не сейчас, мы очень спешим. Хагрид, мне нужно у тебя кое-что спросить. Помнишь, как ты выиграл Норберта тогда ночью в деревне? Тот бродяга, с которым ты в карты сел играть, как он выглядел?

- А кто его знает, - беззаботно ответил Хагрид. - Он всё время в плащ завёрнутый сидел.

Увидев их поражённые лица, он удивлённо задрал брови.

- Да нет, в этом ничего такого особенного, в "Кабаньей Голове", то есть в таверне этой, завсегда тот ещё народец. Может, он драконами торговал, откуда ж мне знать. Я лица-то его не разглядел, потому как оно под капюшоном было.

Ноги у Гарри подогнулись, и он тяжело опустился на землю рядом с ушатом гороха.

- Хагрид, о чём ты с ним говорил? Ты про Хогвартс тогда упоминал?

- Ну, может, пару раз, когда к слову пришлось, - сказал Хагрид. Он наморщил нос, вспоминая. - Ну да... Он, значит, спрашивает, где я работаю, а я и отвечаю - егеря я, в школе... Потом поговорили чуток про зверьё разное, за которым я тут приглядываю... Тут я и говорю - эх, говорю, а пуще всего мне бы дракона хотелось... А потом... Тут я не шибко помню, потому он мне всё подливал стакан за стаканом... Да. Ну вот, а он и говорит - а у меня как раз драконово яйцо, давай, мол, сыграем, а коли выиграешь - твоё будет... Только он его не в любые руки отдавал, всё допытывался, справлюсь ли я... Ну, я ему так и сказал - эх, парень, да после Пушистика мне море по колёно...

- А он... Ему про Пушистика интересно было? - спросил Гарри, стараясь сдержать волнение в своём голосе.

- Э-э-э... Да вроде... Ну, ясно дело - не каждый же день на трёхголового пса-то наткнёшься, даже пусть и в Хогвартсе, верно? Я, значит, и говорю: с Пушистиком дурацкое дело - не хитрое, только к нему подход нужен. Знать надо, как его успокоить - музыки какой ему сыграешь, или споёшь, так его сразу и в сон клонит [51]...

Вдруг на лице Хагрида тоже отразился ужас.

- Эх ты ж! - выпалил он. - Ну кто меня за язык тянул, вам-то это рассказывать! Считайте, что я ничего не говорил. Эй, вы куда помчались? Гарри, Рон и Гермиона не проронили ни слова, пока не добежали до парадной двери. В приёмной зале, после жаркого летнего марева снаружи, было мрачно и пробирало холодом.

- Надо идти к Дамблдору, - сказал Гарри твёрдо. - Хагрид рассказал незнакомцу, как обойти Пушистика. Под этим плащом точно был или Снейп, или сам Вольдеморт - а чтобы вернее было, он Хагрида подпоил. Только бы Дамблдор нам поверил. Флоренций может подтвердить, если Бэйн, конечно, не будет против. На каком этаже кабинет Дамблдора? Они разом оглянулись, словно надеясь увидеть большую стрелку, показывающую в правильном направлении. Им никто никогда не говорил, где живёт Дамблдор, и они не могли припомнить, чтобы к нему кого-нибудь посылали.

- Придётся... - начал Гарри, но в другом конце залы вдруг гулко раздался чей-то голос:

- А почему вы трое всё ещё не во дворе?

К ним шла профессор Макгонагелл. Она несла толстую стопку книг.

- Нам нужно к профессору Дамблдору, - ответила Гермиона, удивив Гарри и Рона своей храбростью.

- К профессору Дамблдору? - повторила профессор Макгонагелл, как будто они затевали что-то подозрительное. - Зачем?

Гарри судорожно сглотнул. Что же делать?

- Это... это - секрет, - сказал он, и немедленно пожалел об этом - крылья длинного носа профессора Макгонагелл яростно затрепетали.

- Профессор Дамблдор отбыл десять минут тому назад, - сказала она холодно. - Он получил срочную сову из министерства и незамедлительно улетел в Лондон.

- Улетел? - в отчаянии вскричал Гарри. - Только что?

- Профессор Дамблдор - весьма значительный колдун, Поттер, у него, как Вы можете себе представить, довольно много дел...

- Но... но это очень важно!

- Не хотите ли Вы сказать, что это важнее, чем срочное поручение из министерства Магии?

- Дело в том, - сказал Гарри, отбросив всякую осторожность, - профессор... философский камень...

Неизвестно, какого ответа ожидала профессор Макгонагелл, но явно не такого. Книги посыпались у неё из рук, но она и не подумала их поднимать.

- Вы... Вам... Откуда вы знаете? - задыхнулась она.

- Профессор, я думаю... Я уверен, что Сн... Что кто-то замышляет его украсть. Нам очень нужно поговорить с профессором Дамблдором.

Она смотрела на них - наполовину потрясённо, наполовину в сомнении.

- Профессор Дамблдор завтра вернётся, - вымолвила она наконец. - Я не знаю, откуда вам известно про камень, но позвольте мне заверить вас, что украсть его невозможно - он слишком тщательно предохранён.

- Но, профессор...

- Извините, Поттер, я знаю, что говорю, - сказала она решительно. Потом она нагнулась и стала собирать рассыпавшиеся книги. - А теперь идите на улицу, погрейтесь на солнышке.

Чего они и не сделали.

- Сегодня ночью, - сказал Гарри, убедившись, что профессор Макгонагелл их больше не слышит. - Этой ночью Снейп ползет в люк. Он всё, что нужно,

уже знает, а теперь и Дамблдор ему не сможет помешать. Спорим, это он сову послал. То-то удивятся в министерстве, когда Дамблдор туда явится.

- Но что же нам...

Гермиона ахнула. Гарри и Рон резко развернулись на месте.

Рядом с ними стоял Снейп.

- Зачем же сидеть в четырёх стенах в такой чудный день, - сказал он, и губы у него сложились в странную, кривую усмешку.

- Мы только... - начал Гарри, хотя и понятия не имел, как он собирается продолжать предложение.

- Вам стоило бы поостеречься, - сказал Снейп. - Уединились, шепчетесь - вдруг кто-нибудь подумает, что вы что-то замышляете. Гриффиндору терять очки теперь и вовсе не с руки, не правда ли?

Гарри покраснел. Они повернулись и пошли к двери, но Снейп их остановил.

- А Вас, Поттер, я предупреждаю - ещё одно ночное путешествие, и я лично позабочусь о Вашем исключении. Приятной прогулки.

И он зашагал в сторону учительской.

На мраморных ступенях крыльца Гарри снова обратился к своим друзьям.

- Значит, действовать будем так, - торопливо зашептал он. - Одному из нас придётся следить за Снейпом - нужно стеречь его у дверей учительской, и как только он выйдет, глаз с него не спускать. Гермиона, это будет твоя работа.

- Почему?

- Потому, - сказал Рон. - Ты можешь сделать вид, что ждёшь Флитвика. Ну, как ты там обычно... "Ах, профессор Флитвик," - запищал он, - "я так волнуюсь, так волнуюсь, мне кажется, я неправильно ответила на вторую часть четырнадцатого вопроса..."

- Да ну тебя, - фыркнула Гермиона, но пойти караулить Снейпа тем не менее согласилась.

- А нам пора на третий этаж, к запретному коридору, - сказал Гарри. -

Пошли, Рон.

Однако эта часть операции потерпела полный провал. Как только они дошли до двери, отделявшей Пушистика от всей остальной школы, в коридоре появилась профессор Макгонагелл, и на этот раз терпение у неё лопнуло.

- Вам, вероятно, кажется, что вас обойти сложнее, чем все наговоры, вместе взятые! - бушевала она. - Довольно! Я не потерплю подобной ерунды! Если я ещё раз застаю вас около этой двери, Гриффиндор недосчитается ещё пятидесяти очков! Нечего так смотреть на меня, Уизли - да, я сниму очки со своего колледжа!

Гарри и Рон побрели в общую комнату. Не успел Гарри сказать: "Ну, хотя бы Гермиона за Снейпом присматривает", как портрет Толстой Дамы откинулся, и Гермиона залезла внутрь.

- Гарри, прости, пожалуйста! - сбивчиво объясняла она, чуть не плача. - Снейп вышел, и он спросил, что я здесь делаю, а я сказала, что я жду Флитвика, а Снейп сказал, что он сейчас за ним сходит, и ушёл, а я еле успела убежать, и я совсем не знаю, куда он пошёл...

- Ну, что ж. Теперь уже всё равно, - сказал Гарри.

Они посмотрели на него. Он был бледен, но глаза у него горели.

- Сегодня ночью я туда иду, и я выкраду камень, прежде чем до него доберётся кто бы то ни было.

- Ты что, совсем того? - сказал Рон.

- Нельзя! - сказала Гермиона. - Ты же слышал, что сказали Макгонагелл и Снейп. Тебя же исключат!

- Ну и что!!! - закричал Гарри. - Вы что, не понимаете, что ли? Если камень достанется Снейпу, то Вольдеморту сможет вернуться! Вам что, не рассказывали, каково оно было, когда он пытался свою силу утвердить? Исключат! Да исключать-то неоткуда будет! Он же весь Хогвартс с землёй сравнивает, или наизнанку вывернет, устроит здесь школу чёрных искусств! Подумаешь, очки потеряем - это же всё теперь бессмысленно, неужели не ясно? Как будто если Гриффиндор выиграет кубок, Вольдеморту ваши семьи в награду не тронет! Если попадусь - ну, тогда поеду обратно к Дурсли, подожду, пока он меня там разыщет. Может, погибну чуть позже, вот и вся

разница, потому что на чёрную сторону я ни за что не перейду! Я сегодня ночью иду через люк в подвал, и что бы вы двое тут не говорили, меня это не остановит! Если вы забыли – моих родителей он уже убил!

Он смерил их уничтожающим взглядом.

– Да, Гарри, ты прав, – тихо сказала Гермиона.

– Я пойду под накидкой-невидимкой, – сказал Гарри. – Мне просто повезло, что я её обратно получил.

– А на троих её хватит? – спросил Рон.

– На... На троих?

– Да ладно тебе – неужели же мы тебя одного бросим?

– Ни за что, – сказала Гермиона бодро. – Тебе без нас до камня не добраться. Вот что, я, пожалуй, пойду, загляну в кое-какие книжки, может, найду что-нибудь полезное...

– Если мы попадёмся, вас тоже исключат.

– Это мы ещё посмотрим, – мрачно отозвалась Гермиона. – Флитвик мне шепнул по секрету, что у меня за контрольную пять с двумя плюсами. Меня теперь так просто не выгонишь.

После ужина они расселись по разным углам общей комнаты. К ним никто не приставал; в конце концов, всё, что Гриффиндоры хотели сказать Гарри, они уже сказали. На этот раз подобное обстоятельство их несколько не огорчало. Гермиона листала свои конспекты в надежде на то, что там упоминается хотя бы одно из заклинаний, с которыми им придётся сегодня встретиться. Гарри и Рон сидели молча. Оба они перебирали в голове планы на предстоящую ночь.

Комната постепенно пустела – народ расходился по палатам.

– Пора нести накидку, – пробормотал Рон, наблюдая за Ли Джорданом, который пошёл к двери, потягиваясь и зевая.

Гарри взбежал вверх по лестнице, ведущей в общежитие, где было уже темно. Он вытащил накидку; потом глаза его упали на флейту – рождественский подарок Хагрида. Он сунул её в карман – петь Пушистику колыбельные ему не очень хотелось.

Потом он сбежал обратно в общую комнату.

– Накидку лучше надеть прямо тут. Постарайтесь натянуть поплотнее, чтобы она вокруг всех троих обернулась – а то если Филч увидит одну из наших ног, которая гуляет сама по себе...

– А что это вы делаете? – вдруг раздался голос из угла. Из-под кресла выполз Невиль, крепко сжимая свою жабу по имени Тревор, которая явно намеревалась попробовать в очередной раз вырваться на свободу.

– Ничего. Совершенно ничего, – сказал Гарри, поспешно пряча накидку за спину.

Невиль отглядел их виноватые физиономии.

– Опять уходить собрались, – сказал он.

– Нет, нет, – сказала Гермиона. – И вовсе не собрались. А тебе, Невиль, давно пора в кроватку.

Гарри бросил взгляд на циферблат больших напольных часов у двери. Нельзя было терять ни минуты; возможно, Снейп уже убаюкивал Пушистика.

– Вам нельзя уходить, – сказал Невиль, – вас опять кто-нибудь поймает. Гриффиндору будет ещё хуже.

– Невиль, ты не понимаешь, – сказал Гарри. – Это ужасно важно.

Но Невиль, кажется, решил совершить что-то отчаянно смелое.

– Я вас не пушу, – сказал он и загородил собою дыру за портретом. – Вы... Вам придётся со мной драться!

– Невиль! – взорвался Рон. – А ну, отойди оттуда немедленно! Ну что за идиот...

– Не смей меня идиотом обзывать! – сказал Невиль. – Я думаю, что с вас достаточно нарушать правила! И вообще, ты сам меня учил за себя постоять!

– Чудесно, но не против нас же! – гневно закричал Рон. – Невиль, ты понятия не имеешь, во что ты ввязался.

Он сделал шаг вперёд, и Невиль выронил Тревора, который немедленно ускакал.

- Ну, давай! Попробуй, ударь меня! - выговорил Невиль, сжимая кулаки. - Я готов!

Гарри обернулся к Гермионе.

- Ну, сделай же что-нибудь, - безнадежно сказал он.

Гермиона выступила вперед.

- Невиль, - сказала она. - Мне очень, очень жаль.

Она подняла свою палочку.

- Petrificus Totalus! - вскричала она, указывая палочкой на Невилля.

Руки Невилля приросли к его бокам; ноги составились вместе. Всё его тело словно окаменело. Он пошатнулся на месте и рухнул плашмя, лицом вперед, прямой, как доска.

Гермиона подбежала и перевернула его на спину. Его челюсти были плотно сжаты, так что говорить он не мог. Двигались одни лишь глаза, которые он в ужасе переводил с одного лица на другое.

- Что это с ним? - прошептал Гарри.

- Полное телотвердение, - ответила несчастная Гермиона. - Ах, Невиль, прости, пожалуйста...

- Извини, но так надо, - сказал Гарри. - Сейчас нет времени объяснять.

- Потом поймешь, Невиль, - сказал Рон, перешагивая через него и залезая под накидку-невидимку.

Они ещё только начали - а бедняга Невиль уже остался лежать без движения. Это было явно недобрым предзнаменованием, и на душе у них было неуютно; любая тень от статуи казалась им теперь Филчем, крадущимся за ними по пятам, любой сквозняк напоминал о Брюзге, готовом броситься на них из-под потолка.

Они спустились по первой лестнице и сразу же заметили Миссис Норрис, которая как раз вышла на ту же самую площадку.

- Ну давай её пнём, ну, хоть разочек! - прошептал Рон Гарри на ухо, но тот покачал головой. Они осторожно обошли кошку; она устремила свои глаза-плошки прямо сквозь них, но ничего не сделала.

Им удалось добраться до самой лестницы на третий этаж, ни на кого больше не наткнувшись. Здесь Брюзга порхал над ступеньками, выдёргивая и сминая ковровую дорожку, в надежде, что кто-нибудь зацепится и упадёт.

- Кто идёт? - сказал он вдруг, когда они поравнялись с ним; его злобные чёрные глазки сузились. - Хотя мне вас и не видать, я-то знаю, что вы здесь. Или призрачки, или привиденечки, или мяконькие школьнички?

Он поднялся повыше и прищурился, пытаясь их разглядеть.

- Надо, надо Филча звать - что-то крадётся, что-то ползётся, да не видно! Гарри вдруг осенило.

- Брюзга, - хрипло прошептал он, - у Кровавого Барона свои причины быть невидимым!

От неожиданности Брюзга чуть не свалился. Он едва успел остановить падение и завис в полуметре от ступенек.

- Ах, прощения просим, ваша кровавость, дорогой сэр, любезный Барон, - запел он ластивым, жирным голосом. - Ошибочка вышла, оплошность случилась... Не заметил, не распознал... Да и как распознаешь - Вы же невидимы, хи-хи-хи... Всего лишь шутка, благородный сэр простит несчастненькому Брюзге, не правда ли, сэр...

- Мне недосуг, Брюзга, - просипел Гарри. - У меня здесь дело этой ночью, так что держись подальше.

- Несомненно, сэр, а как же, всенепременно, - ответил Брюзга, взлетая снова. - Надеюсь, дело обернется в лучшую сторону, милый Барон, а я уж мешать не стану.

И он умчался.

- Гарри - ты гений, - прошептал Рон.

Спустя несколько секунд они уже стояли у двери в коридоре на третьем этаже. Дверь была немного приотворена.

- Ну вот, пожалуйста, - сказал Гарри тихо. - Снейп уже прошёл.

Вид этой полуоткрытой двери с новой силой напомнил им о той опасности, которая ждала их за ней. Не снимая накидки, Гарри повернулся к Рону и Гермионе лицом.

- Если хотите вернуться, я не обижусь. Берите накидку и идите - мне она больше ни к чему.

- Не дури, - сказал Рон.

- Мы с тобой, - сказала Гермиона.

Гарри открыл дверь.

Вместе со скрипом двери до них донеслось низкое ворчание. Пёс их не видел, но все три его носа бешено принюхивались в их направлении.

- Что это у него под ногами? - шёпотом спросила Гермиона.

- Похоже на лиру, - сказал Рон. - Наверное, Снейп оставил.

- Собака, наверное, просыпается, как только перестаёшь играть, - сказал Гарри. - Ну, поехали...

Он поднёс к губам Хагридову флейту и подул. Никакой связной мелодии у него не выходило, но едва прозвучала первая нота, глаза у чудовища начали слипаться. Рычание постепенно затихло; пёс зашатался, потом передние лапы у него подогнулись и он опустился на пол, объятый глубоким сном.

- Ты уж играть-то не бросай, - предупредил Рон.

Они выскользнули из-под накидки и подкрались к люку. Проходя мимо трёх огромных голов, они ощутили на себе горячее, смрадное дыхание.

- Кажется, люк я могу откинуть, - сообщил Рон, едва выглядывая из-за собачьей спины. - Гермиона, хочешь - иди первая?

- Ни чуточки!

- Ну ладно.

Рон скрипнул зубами и осторожно перешагнул через одну из лап. Он нагнулся и с натугой потянул за кольцо в люке. Крышка откинулась в сторону; проход был открыт.

- Что, что ты там видишь? - нетерпеливо спросила Гермиона.

- Ничего. Темно очень. Тут лестницы нет, придётся прыгать.

Гарри, не выпуская изо рта флейты, жестами привлёк внимание Рона и показал на себя.

- Ты хочешь вперёд? Уверен? - сказал Рон. - Знаешь, отсюда не видно, какой эта штука глубины. Давай флейту Гермионе, только чтобы это чудище не проснулось.

Гарри передал флейту. Несколько мгновений тишины было достаточно, чтобы пёс снова заворчал и задёргался, но как только Гермиона заиграла, он снова крепко заснул.

Гарри перелез через него и поглядел в люк. Дна отсюда не угадывалось. Он опускался до тех пор, пока не повис на кончиках пальцев. Тогда он поглядел вверх на Рона и сказал:

- Если со мной что-нибудь случится, не лезьте сюда. Идите напрямиком в совятню, отошлите Ядвигу к Дамблдору, ясно?

- Ясно, - сказал Рон.

- Ну, до встречи. Надеюсь, что скорой.

И Гарри отпустил руки. Мимо него засвистел холодный сырой воздух, он падал всё быстрее, всё дальше...

ШЛЁП. Гарри приземлился на что-то мягкое, издавшее странный, приглушённый звук. Он сел и вслепую зашарил руками вокруг себя - глаза у него ещё не привыкли к темноте.

- Всё в порядке! - крикнул он вверх, где светился крохотный, с почтовую марку, прямоугольник люка. - Здесь мягко, можно прыгать!

Рону два раза повторять не пришлось. Он приземлился недалеко от Гарри.

- Что это тут? - были его первые слова.

- Понятия не имею, вроде растение какое-то. Наверное, нарочно положили, чтобы мягче было. Гермиона, давай!

Далёкая музыка прервалась, раздался громкий лай, но Гермиона уже успела спрыгнуть. Она упала с другой стороны от Гарри.

- Ну и ну, - сказала она. - Мы глубоко под школой - сотни метров.

- Да уж, наше счастье, что этот куст тут растёт, - сказал Рон.

- Счастье! - взвизгнула Гермиона. - Смотрите! Поглядите на себя!

Она вскочила и с трудом отбежала к влажной стене в нескольких шагах. Ей пришлось изрядно потрудиться, потому что растение уже начало закручивать

змеевидные отростки вокруг её щиколоток. Гарри с Роном и не заметили, что их ноги уже были крепко обвязаны длинными стеблями.

Гермиона успела освободиться прежде, чем куст смог ухватить её, и теперь с ужасом наблюдала, как мальчики пытались вырваться из объятий растения, но чем отчаяннее они боролись, тем плотнее и быстрее оно их обвивало.

- Лежите, не двигайтесь! - приказала она. - Я знаю, что это такое - это чёртов силок!

- Я так рад, что мы наконец-то узнали его название! Уж теперь-то оно нам не страшно! - прорычал Рон, пытаясь не дать кусту обмотаться вокруг своей шеи.

- Да помолчи ты! Я пытаюсь вспомнить, как с ним справиться! - сказала Гермиона.

- Вспоминай скорее, я задыхаюсь! - прохрипел Гарри, и ещё один отросток ухватил его поперёк груди.

- Чёртов силок, чёртов силок... Что там говорила профессор Пророст? Любит темноту и сырость...

- Ну, так зажги огонь! - еле вымолвил Гарри.

- Огонь! Ну конечно... Но как? Здесь нет дерева! - вскричала Гермиона, ломая руки.

- Ты что, совсем рехнулась? - заревел Рон. - Ведьма ты или не ведьма?

- Ах, ну да! - сказала Гермиона, выхватила свою палочку, взмахнула ею и выпустила на куст язык того же самого васильково-синего пламени, которое она испробовала на Снейпе. Не прошло и минуты, как мальчики почувствовали, что растение ослабило хватку, съживаясь от света и жара. Извиваясь и хлеща ветвями в воздухе, оно отступало, освобождая их из своих пут.

- Наше счастье, что ты не зевала на травоведении, - сказал Гарри, присоединившись к Гермионе у стены и отирая со лба пот.

- Ага, - сказал Рон. - И наше счастье, что Гарри не теряет голову в ответственный момент... "Нет дерева"! Ну, ты даёшь...

- Сюда, - сказал Гарри, указывая на каменный тоннель, который был единственным выходом.

Кроме их собственных шагов, тишину нарушали лишь струйки воды, журчавшие по стенам. Тоннель плавно уходил вниз, напомнив Гарри о Гринготте. Когда он вспомнил, что сейфы в колдовском банке охраняют драконы, в животе у него похолодело. Если им сейчас повстречается дракон, настоящий, взрослый дракон... Они и с Норбертом не знали, что делать...

- Слышите, шум какой-то? - спросил Рон.

Гарри прислушался. Впереди раздавалось какое-то мягкое шуршание, и что-то позвякивало.

- Привидение?

- Не знаю... Да нет, больше похоже на шорох крыльев.

Они дошли до конца каменного коридора. Перед ними была залитая ослепительным светом комната; высокий сводчатый потолок сходил в арку. Она была полна небольших птиц, которые порхали и кувыркались, сверкая, как драгоценные камни. В противоположной стене была тяжёлая с виду деревянная дверь.

- Как ты думаешь - они на нас нападут, если мы пойдём дальше?

- Наверное, - сказал Гарри. - Вообще-то они выглядят не очень опасно. Разве что все вместе бросятся... Всё равно, другого пути нет. Я побегу первый.

Он набрал побольше воздуха, закрыл лицо руками и помчался, пересекая комнату наискосок. Он ожидал, что в него сейчас вопьются сотни острых когтей и клювов, но ничего подобного не случилось - до двери он добрался совершенно невредимым. Потянув за ручку, он обнаружил, что дверь заперта. Рон и Гермиона быстро присоединились к нему. Они все вместе некоторое время толкали и тянули дверь, но она не поддавалась. Гермиона попробовала применить заклинание "Alohomora", но и это не помогло.

- И что теперь? - спросил Рон.

- Птицы... Они здесь не для красоты, - сказала Гермиона.

Они посмотрели на птиц, которые кружили у них над головой, отбрасывая на стены блики. Блики?

- Никакие это не птицы! - вдруг сказал Гарри. - Это ключи! Летучие ключи - присмотритесь. Значит, тут где-то...

Он начал оглядываться; Рон с Гермионой, сощурившись, внимательно следили за стайкой ключей.

- Ну конечно! Смотрите - вон там! Мётлы! Надо поймать ключ, который подходит к двери!

- Но их же тут сотни разных!

Рон осмотрел замок на двери.

- Ищите такой большой, старинный - скорее всего, серебряный, как эта ручка.

Они схватили по помелу и взмыли в воздух, врезавшись в облако ключей. Зачарованные ключи ныряли и уворачивались от их рук так быстро, что поймать их было совершенно невозможно.

Однако Гарри не зря был самым юным искателем за последнее столетие - у него был талант видеть то, что другим видно не было. Полетав с минуту в вихре разноцветных перьев, он заметил большой серебряный ключ, одно крыло которого было погнуто, словно его уже один раз поймали и грубо запихнули в скважину.

- Вот он! - закричал он. - Вот этот - большой... Вон он... Нет, вон там... С ярко-синими крыльями, и перья с одной стороны все помятые. Рон помчался, куда указывал Гарри, врезался в потолок и чуть не свалился с помела.

- Надо его окружить! - крикнул Гарри, не спуская глаз с ключа с повреждённым крылом. - Рон, ты давай сверху... Гермиона, держись под ним, не давай ему нырять, а я буду ловить. Раз, два... Полетели!

Рон спикировал, Гермиона свечкой пошла вверх, ключ ловко увернулся от них обоих, и Гарри понёсся в погоню. Ключ направился к стене, Гарри наклонился вперёд и прижал его одной рукой к каменной кладке. Раздался нехороший хруст. Рон и Гермиона завопили от радости, и их крики эхом отдавались по всей комнате.

Они быстро спустились вниз, и Гарри подбежал к двери, пытаясь удержать бьющийся в руках ключ. Он засунул его в замок и повернул. Ключ сработал - замок щёлкнул, и в ту же секунду ключ вырвался и снова взлетел. Вид у него теперь был совсем потрёпанный.

- Готовы? - спросил Гарри, держа руку на ручке двери. Они кивнули. Гарри отворил дверь.

В следующей комнате было очень темно, так что поначалу им ничего не было видно, но как только они переступили порог, вспыхнул яркий свет, открыв их глазам поразительную картину.

Они стояли на краю гигантской шахматной доски, за чёрными фигурами, которые были выше их ростом и казались вырезанными из чёрного камня. На другой стороне комнаты, обратившись к ним, стояли белые фигуры. Гарри, Рон и Гермиона вздрогнули - лиц у фигур не было.

- Что делать? - прошептал Гарри.

- Ясно, что, - сказал Рон. - Мы должны играть, и так перейти на другую сторону.

За белыми фигурами проглядывала ещё одна дверь.

- Но как? - испуганно спросила Гермиона.

- Я так думаю, - сказал Рон, - нам придётся самим стать фигурами.

Он подошёл к всаднику на чёрном коне и протянул руку, собираясь до него дотронуться. Мёртвый камень сразу же ожил. Конь ударил в землю копытом, а всадник повернул в сторону Рона свою голову в тяжёлом шлеме.

- Мы... Нам... Чтобы туда попасть, надо за вас играть?

Всадник кивнул. Рон обернулся к Гарри и Гермионе.

- Тут надо подумать, - сказал он. - Нам надо занять места трёх чёрных фигур...

Гарри и Гермиона молча смотрели, как Рон думает. Наконец он сказал:

- Вы, конечно, не обижайтесь, но только вы оба в шахматы не особенно...

- Мы не обижаемся, - быстро перебил его Гарри. - Ты только говори, что делать нужно.

- Гарри, ты становись туда, где офицер. Гермиона, ты рядом с ним, на место ладьи.

- А ты?

- А я буду за коня.

Похоже, что фигуры всё слышали - не успел он закончить, как всадник, офицер и ладья сдвинулись со своих мест, повернулись спиной и ушли с доски, оставив свои клетки для Рона, Гарри и Гермионы.

- Первый ход - за белыми, - сказал Рон, вглядываясь в дальнюю сторону доски. - Ага... Смотрите!

Белая пешка продвинулась вперёд на два квадрата.

Рон принялся управлять чёрными фигурами. Они молча перемещались туда, куда он их посылал. У Гарри тряслись коленки. А что, если они проиграют?

- Гарри - перейди по диагонали вправо на четыре поля.

Когда белые взяли их коня, до них дошла серьёзность их положения. Белая королева одним жестоким ударом повалила всадника на пол и сволокла с доски; он остался лежать лицом вниз.

- Так надо было, - сказал Рон, но по нему было видно, что он тоже ошеломлён. - Гермиона, теперь ты можешь бить вон того офицера. Давай!

Когда они теряли одну из своих фигур, белые расправлялись с ней беспощадно; вскоре у стены образовалась довольно значительная куча безжизненных чёрных тел. Раз или два Рон в самый последний момент замечал, что Гарри и Гермионе тоже грозила опасность. Сам он скакал по всей доске, и взял при этом почти столько же белых фигур, сколько они потеряли.

- Отлично... Только... - пробормотал он неожиданно. - Дайте подумать...

Белая королева повернула к ним своё пустое лицо.

- Да, - тихо сказал Рон. - По-другому не выйдет. Придётся, чтобы меня взяли.

- Нет!!! - закричали Гарри и Гермиона в один голос.

- Это шахматы! - сорвался Рон. - Тут иногда приходится жертвовать! Я пойду вперёд, и она возьмёт меня, и тогда ты, Гарри, дашь мат королю!

- Но...

- Мы собираемся остановить Снейпа или нет?

- Рон...

- Слушай, если мы не поторопимся, он скоро найдёт камень!

Другого выхода и в самом деле видно не было.

- Приготовились, - сказал Рон. Он побледнел, но на лице у него была написана решимость. - Ну, я пошёл. Когда выигрываете, не торчите здесь долго.

Он прыгнул, и белая королева бросилась на него. Её каменная рука ударила Рона по голове, и он рухнул замертво. Гермиона страшно закричала, но осталась на своей клетке. Белая королева оттащила Рона в сторону. Похоже, что он был без сознания.

Гарри, дрожа, перешёл на три поля влево.

Белый король снял корону и швырнул её Гарри под ноги. Они победили. Фигуры расступились и склонились в глубоком поклоне, открыв дорогу к двери. Бросив последний отчаянный взгляд на Рона, Гарри и Гермиона помчались вперёд - через дверь и по следующему коридору.

- А что, если он...

- Всё будет в порядке, - сказал Гарри, пытаясь убедить в этом себя больше, чем Гермиону. - Ну, кто следующий?

- Сначала была Пророст - чёртов силок. Флитвик зачаровал ключи, Макгонагелл совершила превращение фигур - так, что они ожили... Остаётся заклинание Квиррела, и Снейп.

Перед ними была ещё одна дверь.

- Готова? - прошептал Гарри.

- Давай.

Гарри распахнул дверь.

Их ноздри наполнились невыносимой вонью; оба они одновременно поднесли к носам полы своих мантий. На глаза у них навернулись слёзы. Прямо перед ними, распростёршись на полу, валялся тролль – ещё больше того, что напал на них тогда в туалете. На затылке у него сочился кровью здоровенный желвак.

– Хорошо, что хоть с этим драться не придётся, – прошептал Гарри, осторожно перелезая через толстенную ногу. – Пошли скорее, а то я сейчас задохнусь.

Он потянул за ручку следующей двери, наполовину не решаясь взглянуть на то, что ждало их за ней. Однако ничего ужасного он не увидел – перед ними был всего лишь стол, на котором в ряд были выстроены семь сосудов разной формы.

– Снейпа работа, – сказал Гарри. – Интересно, что мы должны делать? Они переступили порог, и за ними на месте двери немедленно взметнулось пламя. Это был не обыкновенный огонь; он был лилового цвета. В тот же миг в проёме двери напротив появилось чёрное пламя. Ловушка захлопнулась.

– Смотри!

Гермиона схватила свиток, который лежал на столе рядом с бутылками. Гарри прочёл у неё через плечо:

Перед тобой – опасность, а позади – спасенье,
Помогут тебе двое, кого найдешь среди нас;
С одной из семерых вперед продолжишь ты движенье
Другая же назад тебя перенесёт тотчас.

В двоих из нас найдешь ты лишь крапивное вино,
А три несут погибель, стоят в ряду тайком.
Так выбирай же, из какой отведать суждено,
Для этого четыре подсказки мы даём.

Напрасно яд пытался скрыть свой смертоносный жар,
Всегда его найдешь ты налево от вина,
И знай, что те, кто по краям, различный держат дар,
Но если хочешь дальше, не поможет ни одна.

Разнимся мы размером все, от края и до края,
Сидит не в меньшей смерть твоя, но и не в большей тоже;
Вторая с правого конца и с левого вторая
По вкусу – словно близнецы, хоть с виду непохожи.

Гермиона облегчённо вздохнула; к своему удивлению, Гарри увидел, что она улыбается – чего ему в этот момент хотелось меньше всего.

– Гениально, – сказала Гермиона. – Это не волшебство – это просто логика. Головоломка. Многие известные колдуны совершенно не умеют логически мыслить. Над этим они будут биться до окончания века.

– И мы тоже, я так понимаю?

– Ни в коем случае, – сказала Гермиона. – Всё, что нам нужно, здесь уже написано. Семь бутылок; в трёх – яд, в двух – вино; одна позволит нам пройти через чёрный огонь, и ещё одна поможет вернуться обратно через лиловый.

– Чудесно, но как мы узнаем, из какой пить?

– Дай мне подумать минутку.

Гермиона несколько раз перечла свиток. Потом она прошла вдоль ряда бутылок, касаясь их и бормоча что-то себе под нос. Наконец, она хлопнула в ладоши.

– Всё ясно, – сказала она. – Самая маленькая проведёт нас через чёрный огонь – к камню.

Гарри осмотрел крохотную бутылочку.

– Тут и на одного еле хватит, – сказал он. – Всего-то полглотка.

Они переглянулись.

– Которая из них возвращает обратно через лиловое пламя?

Гермиона указала на пузатую бутылку, стоящую с правого края.

- Пей, - сказал Гарри. - Да подожди ты, послушай меня. Возвращайся, возьми Рона. Берите метлы в комнате с летучими ключами, они вас вынесут через люк и мимо Пушистика. Потом напрямик в советню, и шлите Ядвигу к Дамблдору. Нам без него не обойтись. Я постараюсь Снейпа задержать, но если честно, он мне не по зубам.

- Гарри... А что, если с ним Сам-Знаешь-Кто?

- Ну, тогда... Один-то раз я выкрутился, - сказал Гарри, указывая на свой шрам. - Может, опять повезёт.

У Гермионы задрожали губы, она вдруг бросилась к Гарри и закинула руки к нему на шею.

- Гермиона, ты что?

- Гарри... Знаешь, ты - великий волшебник.

- Да ладно, куда мне до тебя, - сказал Гарри смущённо, когда она его отпустила.

- До меня?! - вскричала Гермиона. - Это всё книжки! Горе от ума! Есть кое-что поважнее - дружба, и храбрость, и... Ах, Гарри! Умоляю тебя - будь осторожен!

- Ладно. Тогда ты пей первая, - сказал Гарри. - Ты ведь точно уверена, где что?

- Абсолютно, - сказала Гермиона.

Она сделала большой глоток из пузатой бутылки и вздрогнула.

- Что? Это не яд? - опасливо спросил Гарри.

- Нет... Просто холодно - как лёд.

- Беги - скорей, пока не выветрилось.

- Счастливо... Удачи тебе...

- Давай!!!

Гермиона повернулась и прошла через лиловое пламя.

Гарри глубоко вздохнул и взял в руки самую маленькую бутылочку. Потом он повернулся лицом к чёрному огню.

- Ладно. Иду, - сказал он, и одним глотком осушил содержимое бутылки.

Его сразу же и в самом деле пронизало холодом. Он поставил бутылку на место и шагнул вперёд. Он видел, как языки чёрного пламени лижут его тело, и весь напрягся - но ничего не почувствовал. Несколько мгновений вокруг него бушевал чёрный огонь - и вот он уже на другой стороне, в последней комнате.

В комнате этой уже кто-то был. Но это был не Снейп. И даже не Вольдеморт. Глава семнадцатая. Двуликий.

Это был Квиррел.

- Вы! - ахнул Гарри.

Квиррел усмехнулся. Лицо его совсем не дёргалось.

- Я, - спокойно подтвердил он. - Мне было даже интересно, встречу ли я здесь тебя, Поттер.

- Но... Я думал... Снейп...

- Север? - расхохотался Квиррел, но не своим дребезжащим тенорком, а жёстким, холодным смешком. - Да, верно, вид у него и в самом деле подходящий. Вечно шныряет вокруг, как раздувшаяся летучая мышь - очень полезно держать такого поблизости. По сравнению с ним - кому придёт в голову подозревать б-б-бедного з-заика К-к-квиррела, не так ли?

До Гарри всё ещё не доходил смысл происходящего. Этого не могло быть - просто не могло быть.

- Но Снейп пытался меня убить!

- Да нет же. Это я пытался тебя убить. Твоя подружка, мисс Грейнджер, неосторожно толкнула меня, когда спешила поджечь Снейпа на том матче. Мне пришлось прервать взгляд, направленный на тебя. Весьма не вовремя, надо заметить - ещё несколько секунд, и я сбил бы тебя с этого помела. Я бы сделал это и раньше, если бы Снейп всё время не бормотал противоздрав, желая тебя спасти.

- Снейп? Меня спасти?!

- Разумеется, - холодно сказал Квиррел. - Зачем бы ему ещё понадобилось судить следующую игру? Он просто хотел лично проследить, что я буду вести себя пристойно. Просто смех... Незачем было ему так волноваться. При Дамблдоре я всё равно не решился бы. Зато все остальные учителя были уверены, что он просто подыгрывает Пресмыкайсу. Особенно много друзей он себе таким образом не приобрёл... Да и напрасно старался - после всех его трудов я всё равно убью тебя. Сегодня, этой ночью.

Квиррел щёлкнул пальцами. Откуда не возьмись появились верёвки и спутали Гарри по рукам и ногам.

- Ты, Поттер, слишком любопытен, чтобы оставаться в живых. Гуляют по школе в канун Всех Святых - откуда же мне было знать, что вы там задумали? Я даже боялся, не видели ли вы, как я ходил смотреть, кто охраняет камень.

- Так это Вы впустили тролля?

- Ну конечно. С троллями у меня всегда всё было в порядке. Видел, что я сделал с тем, который валяется в двух комнатах отсюда? Однако к моему сожалению, пока все остальные носились туда-сюда, пытаюсь его найти, Снейп направился прямо на третий этаж. Вероятно, он уже тогда что-то заподозрил, и решил меня обойти. Мало того, что мой тролль не прикончил вашу компанию - это трёхголовая уродина к тому же не откусила Снейпу ногу как следует. Полежи-ка теперь тихо, Поттер. Мне нужно разобраться, как действует это преинтересное зеркало.

Только теперь Гарри обратил внимание на то, что стояло за спиной Квиррела. Это было зеркало Эйналеж.

- Зеркало - несомненно, ключ к камню, - бормотал Квиррел, постукивая по раме то там, то здесь. - Ох уж этот Дамблдор, вечно выдумает что-нибудь подобное... Впрочем, он в Лондоне. К тому времени, как он вернётся, меня уже и след простынет...

Единственное, что пришло Гарри в голову - это занимать Квиррела разговорами, чтобы помешать ему сосредоточиться на зеркале.

- А я видел Вас и Снейпа в лесу, - выпалил он.

- Да, - сказал Квиррел рассеянно, обходя зеркало и разглядывая его сзади.

- Он меня тогда уже вычислил. Всё хотел узнать, насколько я продвинулся. Вообще он меня с самого начала подозревал. Даже пробовал меня запугать - как будто я стану его бояться, когда сам Лорд Вольдеморт на моей стороне...

Квиррел вышел из-за зеркала и жадно вперился в него.

- Я вижу камень... Я преподношу его моему повелителю... Но где же он? Гарри попытался ослабить верёвки, но тщетно - они держали крепко. Во что бы то ни стало он должен был отвлекать внимание Квиррела от зеркала.

- Но я думал, что Снейп меня ненавидит.

- Без всякого сомнения, - небрежно бросил Квиррел, - и ещё как. Он учился в одном классе с твоим отцом, ты разве не знал? Они друг друга не терпели. Но мёртвым тебя ему видеть вовсе не хотелось.

- Я слышал, как Вы... плакали, несколько дней назад... Я... Я думал - Снейп Вам угрожал...

И тут по лицу Квиррела впервые проскользнула тень страха.

- Временами, - сказал он, - мне бывает нелегко исполнять приказы моего повелителя. Он - великий маг, а я слаб...

- Значит, он был тогда с Вами в кабинете? - задохнулся Гарри.

- О, он со мной везде, куда бы я ни шёл, - ровно ответил Квиррел. - Я встретил его в моих странствиях по свету. Я был тогда наивным, сентиментальным, неопытным юнцом, с головой, набитой абсурдными понятиями о добре и зле. Лорд Вольдеморт указал мне, как я ошибался. Ибо нет ни добра, ни зла - есть только власть, и есть те, у кого недостаточно сил, чтобы искать её... С той поры я верно служу ему, хотя мне случалось его подводить - и не единожды. Поэтому ему приходится весьма твёрдо обходиться со мной.

Квиррел вздрогнул.

- Он не прощает, не забывает оплошностей. Когда мне не удалось выкрасть камень из Гринготта, он был чрезвычайно... огорчён. Он наказал меня тогда... И решил, что будет следить за мной внимательнее...
Голос Квиррела перешёл на шёпот и затих. Гарри живо вспомнил свой визит в Диагонов переулок. Как он мог не догадаться? Ведь он же видел Квиррела в тот день, пожимал ему руку в "Дырявом котле"...

Квиррел выругался вполголоса.

- Я не понимаю... Может быть, камень внутри зеркала, и я должен его разбить?

Мысли носились у Гарри в голове.

"Чего я сейчас хочу больше всего на свете? - думал он. - Найти камень раньше Квиррела. Значит, если я посмотрю в А, я увижу, как я его нахожу. А это значит - я увижу, где он спрятан! Но как поглядеть в него так, чтобы Квиррел не догадался?"

Он попытался незаметно перебраться чуть-чуть влево, чтобы оказаться перед зеркалом, но верёвки слишком сильно держали его ноги; он споткнулся и упал. Квиррел не обратил на него внимания. Он продолжал говорить сам с собой.

- В чём секрет этого зеркала? Что оно делает? Как оно работает? О повелитель, помоги!

К ужасу Гарри, в ответ раздался чей-то высокий голос - и голос этот исходил от самого Квиррела.

- Мальчишку... Используй мальчишку...

Квиррел резко обернулся к Гарри.

- Да. Поттер - сюда.

Он хлопнул, и верёвки упали на пол. Гарри медленно поднялся.

- Я сказал - сюда, - повторил Квиррел. - Смотри в зеркало и говори мне, что ты видишь.

Гарри подошёл к нему.

"Я должен его обмануть, - подумал он. - Посмотреть и соврать о том, что я увижу - вот и всё."

Квиррел стоял теперь очень близко. Гарри снова почувствовал странный запах, исходящий из его тюрбана. Он закрыл глаза, встал перед зеркалом и опять открыл их.

В зеркале было его отражение. Сначала оно выглядело бледным и испуганным, но спустя несколько мгновений оно улыбнулось. Отражение сунуло руку в карман и вытащило кроваво-красный камень [52]. Потом оно подмигнуло и положило камень обратно в карман - и как только оно это сделало, Гарри почувствовал, как в его собственный карман упало что-то тяжёлое. Каким-то образом - чудесным, невероятным образом - он достал камень.

- Ну? - нетерпеливо сказал Квиррел. - Что? Что ты там видишь?

Гарри собрал всю свою смелость.

- Я вижу, как Дамблдор пожимает мне руку, - выдумал он на ходу. - Я...

Из-за меня Гриффиндор выиграл кубок школы.

Квиррел снова испустил проклятие.

- Пошёл прочь, - прошипел он.

Гарри отошёл в сторону, при каждом шаге ощущая, как камень прижимается к его ноге. Может быть, ему удастся убежать?

Но не успел он пройти и пяти шагов, как высокий голос заговорил снова, хотя губы Квиррела при этом не двигались.

- Он лжёт... Лжёт...

- Поттер, вернись немедленно! - закричал Квиррел. - Говори! Говори правду! Что ты видел в зеркале?!

И опять - высокий голос.

- Я хочу поговорить с ним... Сам, лицом к лицу...

- Повелитель, ты не должен так расходовать свои силы!

- Ничего... Для этого сил у меня достаточно...

Гарри прирос к месту, как опутанный чёртовым силком. Ему не повиновался ни единый мускул. В ужасе он смотрел, как Квиррел поднял руки и принялся разматывать свой тюрбан. Что он задумал? Тюрбан упал на пол складками

материи. Без него голова Квиррела казалась неприятно маленькой. Потом Квиррел медленно развернулся на месте.

Если бы голос слушался Гарри, он бы непременно закричал. На том месте, где у Квиррела должен был быть затылок, находилось ещё одно лицо – самое ужасное из всех, какие Гарри доводилось видеть. Оно было бледным до меловой белизны, с пронзительными красными глазами и прорезями вместо ноздрей, как у змеи.

– Гарри Поттер... – прошептало оно.

Гарри попробовал отступить на шаг, но не смог.

– Видишь, что стало со мной? – продолжало лицо. – Я всего лишь тень, ступок пара... Только в чужом теле я обретаю форму... Впрочем, желающих разделить со мной ум и сердце всегда находилось предостаточно... Кровь единорога подкрепила меня за эти последние недели... Ты видел, как мой верный Квиррел пил её – для меня – в лесу... А когда я получу эликсир жизни, я смогу создать себе своё собственное, новое тело... Ну... Отдай же мне камень – он лежит у тебя в кармане...

Он знал. Ноги Гарри внезапно ожили, в них вернулось чувство. Он попятился.

– Не упрямясь, – зарычало лицо. – Присоединяйся ко мне, и я подарю тебе твою жизнь... Иначе ты разделишь судьбу со своими родителями.. Они умерли, умоляя меня пощадить их...

– Неправда! – крикнул Гарри.

Квиррел пятился за ним, не поворачиваясь – так, чтобы Вольдемогт мог видеть Гарри. Злобное лицо его теперь усмехалось.

– Ах, как трогательно... – прошипело оно. – Я всегда ценил смелость... Да, мальчишка, ты прав – твои родители были смелыми... Сначала я убил твоего отца, он храбро защищался... Но твоя мать – ей незачем было умирать... Она пыталась спасти тебя... Давай сюда камень – если не хочешь, чтобы её смерть была напрасной.

– Нет!

Гарри бросился к двери, закрытой чёрным пламенем, но Вольдемогт заверещал: "Держи его!", и в следующее мгновение Гарри почувствовал, что рука Квиррела сжалась на его запястье. Тотчас же острая боль пронзила его лоб, как игла; казалось, его голова сейчас расколется надвое. Он закричал, изо всех сил стараясь оттолкнуть Квиррела, и, к его удивлению, тот его отпустил. Боль в голове немного утихла. Гарри безумными глазами обвёл комнату в поисках Квиррела и обнаружил его на полу, скорчившимся от боли – он в ужасе глядел на свои пальцы, покрывающиеся волдырями, как от ожога.

– Держи! Хватай его! – закричал Вольдемогт снова, и Квиррел бросился Гарри под ноги, сбив его на пол. Квиррел упал сверху и сцепил руки у Гарри на горле. Боль в шраме была невыносимая – но вместе с тем Гарри увидел, что и Квиррел взвыл от муки.

– Повелитель – я не могу... Руки... Руки мои!

Квиррел, продолжая своим весом прижимать Гарри к земле, выпрямился и отпустил его шею, изумлённо уставившись на свои ладони. Гарри заметил, что они выглядели красными и блестящими – словно опалёнными.

– Так убей его, идиот! Разделайся с ним, наконец! – проскрипел голос Вольдеморта.

Квиррел поднял руку, готовясь произнести смертельное заклинание, но Гарри, повинувшись скорее инстинкту, привстал и вцепился в его лицо.

– А-а-а-а!!!

Квиррел скатился на пол. Теперь и лицо его тоже пылало, и тут Гарри понял – Квиррел не мог коснуться его незащищённой кожи, это приносило ему ужасные мучения. Значит, единственным спасением было не отпускать Квиррела, не давать ему довершить своё колдовство.

Гарри вскочил и ухватил Квиррела за руку так крепко, как только мог.

Квиррел заорал и попытался стряхнуть Гарри. Боль у Гарри в голове всё нарастала... Она ослепляла его... Он слышал страшный крик Квиррела...

Вольдемогт визгливо требовал: "Убей его! Убей его!!!"... И ещё какие-то

другие голоса, они звали его: "Гарри! Гарри!"... Нет, должно быть, это ему почудилось...

Он почувствовал, что Квиррел сумел освободить свою руку и понял, что всё кончено. Он упал, и продолжал падать в бездонную чёрную глубину... Всё дальше... Дальше...

Прямо над ним блестело что-то золотое. Это щелчок! Он попытался схватить его, но его руки оказались слишком тяжёлыми.

Он моргнул. Это был вовсе не щелчок, а чьи-то очки. Вот странно.

Он моргнул ещё раз. В его поле зрения всплыло улыбающееся лицо Альбуса Дамблдора.

- Добрый день, Гарри, - сказал Дамблдор.

Гарри некоторое время тупо смотрел на него. Потом он всё вспомнил.

- Сэр! Камень! Это был Квиррел! Камень у него! Скорее!

- Успокойся, мой милый. Ты слегка отстал от событий, - сказал Дамблдор. - Камень не у Квиррела.

- А у кого? Сэр, мне...

- Гарри, будь добр, не волнуйся так, иначе мадам Помфри меня отсюда выгонит.

Гарри слотнул и огляделся. До него дошло, что он, должно быть, в школьной больнице. Он лежал в постели, под белой льняной простыней, а рядом с кроватью стоял столик, на котором было навалено достаточно разных сладостей для того, чтобы открыть свою собственную кондитерскую.

- Знаки внимания от твоих друзей и почитателей, - объяснил Дамблдор, сияя. - То, что произошло между тобой и Квиррелом в подземелье - полнейшая тайна, а потому, вполне естественно, об этом знает вся школа. Мне сообщили, что твои друзья, господа Фред и Джордж Уизли, взяли на себя ответственность за попытку передать тебе сиденье от туалета. Не сомневаюсь, что они полагали таким образом тебя позабавить. Однако мадам Помфри решила, что это нарушило бы правила гигиены, и настояла, чтобы оно было изъято.

- А... Сколько я здесь уже лежу?

- Три дня. Рональд Уизли и мисс Грейнджер будут весьма рады узнать, что ты наконец очнулся. Они были серьёзно обеспокоены.

- Но, сэр - а как же камень...

- Да, тебя с толку, как видно, не сбить. Ну что ж, камень. Профессору Квиррелу так и не удалось отобрать его у тебя. Я прибыл как раз вовремя, чтобы предотвратить это, хотя нельзя не отметить, что ты отлично справлялся и без меня.

- Вы... Вы там были? Вы получили сову, которую послала Гермиона?

- Вероятнее всего, мы разминулись в пути. Не успел я достичь Лондона, как мне стало ясно, что более всего моё присутствие требовалось именно там, откуда я только что отбыл. И вот - я появился как раз для того, чтобы отгасить Квиррела...

- Так это всё-таки были Вы.

- Я боялся, что могло быть уже поздно.

- Так почти и было поздно - ещё немного, и я не смог бы удержать его от камня.

- Не от камня, дорогой мой - от тебя. Твои старания дорого тебе стоили. Признаюсь, на одно жуткое мгновение мне показалось, что всё потеряно. Что касается камня, то он уничтожен.

- Уничтожен? - недоверчиво спросил Гарри. - Но... А как же Ваш друг... Николая Флямель...

- А, так ты и про Флямеля знаешь? - сказал Дамблдор удивительно довольным тоном. - Значит, у вас и в самом деле всё было схвачено! Мы с Николаем очень мило переговорили, и пришли к общему мнению: что ни делается, всё к лучшему.

- Но ведь он, и его жена - они же теперь умрут!

- У них запасено достаточно эликсира, чтобы привести в порядок остающиеся дела - но ты прав, затем они действительно умрут.

Заметив удивление на лице Гарри, Дамблдор мягко улыбнулся ему.

- Я могу понять, что такому молодому человеку, как ты, это может показаться невероятным, но для Николя и Перенеллы происходящее можно сравнить с ожидающей их в конце долгого, очень долгого дня постелью. В конце концов, смерть - это всего лишь следующее большое приключение, и для того, чтобы это понять, нужно только тщательно организовать свой ум. Если честно, камень - не такое уж благословение. Деньги и жизнь, и того, и другого - столько, сколько захочешь! Несомненно, многие люди ценили бы подобный дар превыше всего. Только вот беда в том, что люди вообще склонны стремиться в точности к тому, что для них наименее полезно. Гарри сидел, не в силах вымолвить ни слова. Дамблдор глядел в потолок, улыбаясь и что-то тихонько мурлыча себе под нос.

- Сэр? - позвал Гарри. - Я вот о чём думаю... Я понимаю, что камня больше нет, но ведь Воль... Сами-Знаете-Кто, он же всё равно...

- Зови его Вольдемортом, Гарри. Всегда старайся называть вещи своими именами. Страх перед названием только увеличивает страх перед явлением.

- Да, сэр. Так вот, Вольдемонт - он теперь будет искать какой-нибудь другой способ вернуться, ведь правда? То есть, я имею в виду - он всё равно не умер, да?

- Да, Гарри. Он всё ещё обретается где-то, возможно, даже присматривает себе очередное тело, хозяин которого был бы не прочь с ним поделиться... Поскольку он, строго говоря, не жив, полностью убить его тоже нельзя.

Покинув Квиррела, он бросил его умирать; со своими сторонниками он обращается так же безжалостно, как и с врагами. И всё-таки, Гарри, несмотря на то, что ты, вероятно, лишь задержал его приход к власти, но всё, что понадобится нам в следующий раз - это ещё кто-нибудь, кто возьмётся защищать заранее проигранные позиции. И если Вольдемонт будет задержан вновь, и ещё раз - что ж, его час может никогда не настать. Гарри обнаружил, что всё это время он сосредоточенно кивал головой, и перестал - голова у него была готова опять разболеться. Потом он сказал:

- Простите меня, сэр, но мне бы хотелось кое-что у Вас спросить, если можно... Я бы хотел узнать правду о некоторых вещах...

- Правду, - вздохнул Дамблдор. - Правда прекрасна, но она и опасна, и потому обращаться с ней надо осторожно. Тем не менее, я отвечу на твои вопросы - за исключением тех, на которые у меня есть веские причины тебе не отвечать, в каком случае я заранее прошу твоего прощения. Разумеется, обманывать тебя я не стану ни при каких обстоятельствах.

- Во первых, вот что... Вольдемонт сказал, что он убил мою маму только потому, что она пыталась помешать ему убить меня. Но... А почему ему вообще нужно было меня убивать?

Дамблдор вздохнул - на этот раз тяжело и глубоко.

- Увы. Первый же вопрос - и я не могу дать тебе на него ответа. По крайней мере, сегодня. Сейчас. Когда-нибудь ты узнаешь... но пока пусть этот вопрос не мучает тебя, Гарри. Когда ты станешь постарше... Да, да, я знаю, что ты терпеть не можешь слышать подобные слова, но всё же - ты узнаешь, когда придёт время.

Гарри понял, что спорить бессмысленно.

- А почему Квиррел не мог до меня дотронуться?

- Твоя мать погибла, спасая тебя. Некоторых вещей Вольдеморту никогда не постичь, и одна из них - это любовь. Он не догадывался, что любовь, такая сильная, как любовь твоей матери к тебе, оставляет свой собственный след. Не шрам - нет, этот след невидим... Даже когда человек, любивший тебя столь глубоко, больше не стоит рядом с тобой - любовь всё равно обволакивает, предохраняет тебя. Квиррел, разделивший свою душу с Вольдемортом, был полон ненависти, жадности и ярости, и потому не мог прикоснуться к тебе. Дотронуться до человека, навсегда отмеченного добром и чистотой, было для него настоящей мукой.

Дамблдор вдруг очень заинтересовался птицей, севшей на подоконник, и дал таким образом Гарри возможность утереть простыней слёзы. Когда его голос снова согласился его слушаться, Гарри спросил:

- А накидка-невидимка - Вы не знаете, кто мне её прислал?

- Ах, это. Стечением обстоятельств отец твой оставил её в моём распоряжении, и я подумал, что тебе она могла бы понравиться. В глазах Дамблдора зажёгся весёлый огонёк.

- Полезная штука... Когда твой отец здесь учился, он использовал её в основном для того, чтобы таскать еду из кухни.

- И ещё...

- Я слушаю.

- Квиррел сказал, что Снейп...

- Профессор Снейп.

- Ну да... Так вот, Квиррел сказал, что он меня ненавидит, потому что он ненавидел моего отца. Это правда?

- Ну, скажем так - они друг друга не очень жаловали. К примеру, как ты и господин Малfoy. А потом твой отец сделал нечто, чего Снейп так и не смог ему простить.

- Что?

- Спас ему жизнь.

- Что-о?

- Да... - сказал Дамблдор мечтательно. - Удивительно иногда работает у людей голова, ты не находишь? Для профессора Снейпа оставаться у твоего отца в долгу было просто невыносимо... Я убеждён, что весь этот год он неустанно трудился, оберегая тебя от опасности, потому что полагал, что таким образом рассчитается наконец с твоим отцом, и сможет тогда спокойно вернуться к своей привычной тихой ненависти...

Гарри попробовал осмыслить сказанное, но в голове у него снова застучало, и он бросил это занятие.

- Можно ещё один вопрос, сэр?

- Ну, разве что один.

- Как так вышло, что я достал камень из зеркала?

- А, наконец-то. Я рад, что ты меня об этом спросил. Скажу без ложной скромности - это была одна из самых блестящих идей, которые когда-либо посещали мою голову. Понимаешь ли, только тот, кто хотел найти камень - найти его, но не воспользоваться им - только он мог бы получить его. Иначе всё, что зеркало показывало бы ему - это как он делает груды золота, или пьёт эликсир бессмертия. Я иногда сам себя удивляю... Ну-с, довольно вопросов. Я считаю, что тебе пора приняться за сладости. Ах! Мармеладки Берти Боттс - на любой вкус! Помнится, в юности мне неудачно подвернулась одна вкуса рвоты, и я боюсь, что с тех пор я к ним как-то охладел. Однако с маленькой кругленькой ириской не ошибёшься, верно? Он улыбнулся и бросил в рот мармеладку золотисто-коричневого цвета. Потом скорчил ужасающую гримасу, плюнул и сказал:

- Увы мне! Ушная сера!

Мадам Помфри, медсестра, была женщиной милой, но очень строгой.

- Ну, хоть пять минут! - умолял её Гарри.

- Ни в коем случае.

- Но ведь профессору Дамблдору можно...

- Ну естественно - он же директор, ему позволено. Тебе нужен покой.

- А я в полном покое. Посмотрите - я лежу, и вообще. Ну ладно Вам, мадам Помфри...

- Ну, так и быть, - сдалась она. - Но смотрите - ровно пять минут!

И она впустила Рона и Гермиону.

- Гарри!!!

Гермиона уже приготовилась было снова закинуть вокруг него руки; Гарри обрадовался, что она сдержалась - голова у него всё же ещё болела.

- Ах, Гарри, мы уже совсем отчаялись, мы думали, что ты... Дамблдор так волновался...

- Вся школа только об этом и говорит, - сказал Рон. - Ну, рассказывай - что там в самом деле было?

Это был один из тех редких случаев, когда правда ещё страннее и увлекательнее, чем слухи и домыслы. Гарри постарался ничего не забыть:

Квиррел, зеркало, камень - и Вольдеморт. Рон и Гермиона были благодарными

слушателями – они ахали в нужных местах, а когда Гарри дошёл до того, как Квиррел открыл, что было у него под тюрбаном, Гермиона громко вскрикнула. – Значит, камня больше нет? – спросил Рон, когда история закончилась. – Флямелю ничего не остаётся, как лечь и умереть?

– Вот и я так же Дамблдору сказал, а он говорит... Как это он выразился? Для тщательно организованного ума смерть – это следующее большое приключение.

– Я всегда знал, что он чокнутый, – сказал Рон, впечатлённый очевидным безумием своего кумира.

– А с вами что случилось? – спросил Гарри.

– Да мы-то выбрались, – сказала Гермиона. – Я привела Рона в чувство – хотя это и заняло довольно много времени – а потом мы как раз собирались в совятню, Дамблдору послание отправлять, а он тут как тут, встретил нас в прихожей зале. Он уже знал – только спросил: "Гарри последовал за ним, верно?", и побежал на третий этаж.

– А вдруг Дамблдор всё так и задумал, что с тобой вышло, а? – поинтересовался Рон. – И накидку тебе специально прислал, и всё остальное?

– Ну, знаешь, – не выдержала Гермиона, – если так... Ты же чуть не погиб! То есть, я хочу сказать – тогда это нехорошо с его стороны.

– И вовсе нет, – сказал Гарри серьёзно. – Дамблдор, он странный. Я так думаю, он решил меня испытать. Дать мне возможность себя проявить. Я уверен, что он всё-всё знает, что тут делается. И знаете что – мне сдаётся, что он прекрасно себе догадался, что мы всё равно туда полезем. И вместо того, чтобы нас останавливать, он нам помог – научил, что надо делать, только не напрямую. Не может быть, чтобы я случайно наткнулся на зеркало и узнал, как оно действует. Похоже, он считает, что за мной есть какое-то право противостоять Вольдеморту, если я, конечно, к этому готов...

– Ну точно, спятил. И никаких сомнений, – гордо сказал Рон. – Слушай, ты обязательно должен к завтрашнему вечеру оклематься – банкет в честь окончания учебного года. Очки уже подсчитали, Пресмыкайс, естественно, снова выиграл. Ты пропустил последний квиддичный матч, а без тебя Враноклюв нас просто с землёй сравнял. Ну, хоть поедем порядочно. Тут в комнату снова деловито вошла мадам Помфри.

– Я вам почти пятнадцать минут дала, так что теперь прошу отсюда, – сказала она твёрдо.

На следующее утро, хорошенько выспавшись, Гарри почувствовал себя почти нормально.

– Я хотел бы пойти на банкет, – сказал он мадам Помфри, глядя, как она наводит порядок среди его коробок с конфетами. – Мне ведь разрешается?

– Профессор Дамблдор распорядился тебя отпустить, – сказала она, сердито сопя, словно по её мнению, профессор Дамблдор понятия не имеет о тех опасностях, которые подстерегают учеников на банкетах. – Да, и к тебе ещё один посетитель.

– Отлично, – сказал Гарри. – А кто?

На этих словах в дверь бочком протиснулся Хагрид. Как обычно, когда Хагрид входил в помещение, он всегда казался больше, чем было позволено. Он сел рядом с Гарри, взглянул на него украдкой и разрыдался.

– Это всё... я виноват... ах, чёртова перечница! – всхлипывал он. – Я этому прыщю злобному рассказал, как Пушистика обойти! Я! Одного только этого он и не знал – а я ему сказал! А ты чуть не умер там! И за что?! За поганое драконово яйцо! Да я в рот больше ни капли! Гнать меня надо в три шеи, вот что! Разжаловать, и отправить к муглям!

– Хагрид! – сказал Гарри, ошеломлённо глядя, как плечи Хагрида вздрагивают от горя и стыда, а из глаз катятся огромные слёзы. – Хагрид, не надо – он всё равно узнал бы, это же не кто-нибудь, а Вольдеморт, в конце концов. Правда, он бы узнал, даже если бы ты ничего и не говорил.

– Да, но ты-то едва жив остался! – хлюпал Хагрид. – И не произноси ты имя это!

- Воль-де-морт!!! - проскандировал Гарри, так поразив этим Хагрида, что тот перестал реветь. - Я его видел, и я буду называть его по имени. Хагрид, успокойся - мы спасли камень, его больше нет, Вольдеморт не сможет его использовать. Возьми... ну, хоть шоколадную жабу. У меня их вон сколько.

Хагрид утёр нос тыльной стороной ладони и сказал:

- Ага, хорошо, что ты мне напомнил. Я тебе тоже принёс кое-что. Подарок, значит.

- Только не бутерброд с бельчатиной, - озабоченно сказал Гарри, и Хагрид не удержался от слабой улыбки.

- Не. Дамблдор меня вчера даже от работы освободил - я весь день мастерил. Вообще-то говоря, выпереть бы ему меня, а не отпуск... Ну, да ладно. Вот, держи.

И он протянул Гарри ладную книжицу в кожаном переплёте. Гарри открыл её. Это оказался альбом с колдовскими фотографиями. С каждой страницы его отец и мать улыбались и махали ему.

- Я сов разослал всем ихним приятелям, которые со школы ещё, попросил фотки прислать... Я же знаю, что у тебя нет ни одной... Ну, что, нравится?

Гарри не смог ему ответить, но Хагрид и так всё понял.

К праздничному ужину в тот вечер Гарри спускался в одиночестве. Его задержала мадам Помфри - она всё хлопотала, настаивала на том, чтобы осмотреть его ещё один, последний раз, так что к тому времени, как он подошёл к Большому Залу, там было уже полно народу. Зал был убран в зелень и серебро - цвета Пресмыкайса, в ознаменование их очередной победы в кубке школы, седьмой год подряд. За Верховным Столом висело огромное, во всю стену, знамя с изображением Пресмыкайского змея.

Когда он вошёл, шум в зале неожиданно замер на мгновение, а потом все сразу стали говорить очень громко. Гарри проскользнул на своё место между Роном и Гермионой за столом Гриффиндора; он изо всех сил старался не обращать внимания, что некоторые специально встают, чтобы посмотреть на него.

К счастью, не прошло и минуты, как появился Дамблдор. Говор постепенно затих.

- Ну, вот и ещё один год позади! - радостно объявил Дамблдор. - Прошу меня извинить, я слегка обеспокою ваши уши стариковской болтовнёй, прежде чем мы все порадуем свои рты изысканным ужином. Что за год нам выдался! Надеюсь, что головы у вас за это время кое-чем наполнились... Теперь у вас в запасе целое лето, за которое вы, несомненно, снова приведёте их в прежнее блаженно-пустое состояние, и будете таким образом готовы к следующему учебному году... Так, насколько я понимаю, тут имеется кубок, который положено вручить. Очки распределились следующим образом: на четвёртом месте - Гриффиндор, триста двенадцать очков; на третьем - Фуггунт, триста пятьдесят два; Враноклюв набрал четыреста двадцать шесть, и, наконец, Пресмыкайс - четыреста семьдесят два.

Со стороны Пресмыкайского стола раздались одобрительные крики и топот ног. Гарри смотрел, как Драго Малфой колотит по столу своим кубком. Зрелище было тошнотворное.

- Да, Пресмыкайс выступил превосходно, - сказал Дамблдор. - Однако мы должны принять во внимание недавние события.

В зале воцарилась абсолютная тишина. Ухмылки на лицах Пресмыкайсов слегка поблекли.

- Хм, - сказал Дамблдор. - На мне лежит обязанность распределить некоторое количество очков, которые были решены в последнюю минуту. Куда они тут запропастились... Ага, вот. Итак... Во-первых, господин Рональд Уизли...

Рон не просто покраснел - лицо его приобрело пунцовый оттенок. Он стал похож на обгоревший на солнце редис.

-... за самую блестящую партию в шахматы, которую Хогвартсу довелось видеть за много лет, я награждаю Гриффиндорский колледж пятьюдесятью очками.

Радостные крики Гриффиндора ударили в зачарованный потолок, отчего он, казалось, словно приподнялся, а звёзды на нём задрожали. Перси гордо объяснял остальным префектам:

- Это мой брат! Самый младший! Обыграл гигантские фигуры, которые Макгонагелл заколдовала!

Снова наступила тишина.

- Далее - мисс Гермиона Грейнджер. За бесстрашное применение холодной логики меж двумя огнями, я награждаю Гриффиндорский колледж пятьюдесятью очками.

Гермиона уткнулась лицом в ладони. У Гарри было серьёзное подозрение, что она расплакалась. За столом Гриффиндора началось ликование - сто очков!

- Господин Поттер, - сказал Дамблдор. Все замерли. - За неизменное присутствие духа и исключительную храбрость, я награждаю Гриффиндорский колледж шестьюдесятью очками.

Поднялся оглушающий переполох. Те, у кого было в порядке с математикой, надрывались до хрипоты, стараясь перекричать друг друга и сообщить, что у Гриффиндора, как и у Пресмыкайса, было теперь ровно четыреста семьдесят два очка. Они сравнялись, в соревновании за кубок была ничья. Ну что Дамблдору стоило накинуть Гарри ещё хотя бы одно очко!

Дамблдор поднял руку ладонью вперёд. Крики постепенно стихли.

- Смелость бывает разная, - сказал Дамблдор, улыбаясь. - Чтобы встать навстречу нашим врагам, несомненно, храбрость требуется немалая. Однако ничуть не менее смел тот, кто решается противостоять своим друзьям. А посему, я награждаю десятью очками господина Невилля Лонгботтома.

Если бы за окнами Большого зала в этот момент кто-нибудь находился, то у него не было бы никакого сомнения, что внутри что-то взорвалось - таким невероятным шумом встретили это объявление за столом Гриффиндора. Гарри, Рон и Гермиона вскочили и кричали от радости вместе со всеми. Невиль, бледный от волнения, исчез под грудой учеников, желающих его обнять и поздравить. За весь год он не принёс Гриффиндору ни единого очка. Гарри, продолжая радостно вопить, толкнул Рона в бок и указал на Малфоя. Тот выглядел более оглушённым, чем если бы кто-нибудь применил к нему телотвердение.

- А это означает, - объявил Дамблдор, перекрывая овации (даже Футынут и Враноклюв праздновали падение Пресмыкайса), - что нам пора слегка сменить обстановку.

Он хлопнул в ладоши. Сейчас же зелёные ленты сменились алыми, а серебро обратилось в золото. Громадный Пресмыкайский змей исчез; вместо него теперь возвышался царственный лев Гриффиндора. Снейп, с жуткой, вымученной улыбкой на лице пожимал руку профессору Макгонагелл. Он встретился взглядом с Гарри, и Гарри в ту же секунду понял, что те чувства, которые питал к нему Снейп, не изменились ни на йоту. Но Гарри это не огорчило. Ему казалось, что в следующем году жизнь его будет снова радостной, всё придёт в норму - настолько, насколько это вообще в Хогвартсе возможно. Это был самый счастливый вечер в его жизни. Так хорошо ему ещё никогда не было - ни после победы в квиддич, ни во время рождественских каникул, ни когда они одолели горного тролля... Этот вечер он будет помнить всегда.

Гарри совсем позабыл, что им ещё предстояло получить отметки за экзамены, но отметки и в самом деле были вскорости объявлены. К своему великому удивлению, Гарри и Рон обнаружили, что они сдали очень прилично.

Гермиона, конечно же, получила лучшие оценки из всех первоклассников.

Даже Невиль каким-то чудом проскочил - высший балл по травоведению помог оттенить безобразное выступление на зельях. Они надеялись, что Гойл, который своей глупостью едва ли не превосходил свою злобу, наконец завалится, но и он был переведён на следующий год. Жаль, конечно, но как философски заметил Рон, всё сразу было бы даже скучно.

И вот уже их шкафы опустели, а сундуки наполнились; жаба Невилля нашлась – она пряталась в туалете, в самом тёмном углу; им раздали памятки, в которых предупреждалось, что на каникулах колдовство использовать воспрещается ("Я каждый раз надеюсь, что про них как-нибудь забудут", – грустно объявил Фред Уизли). Вот Хагрид торжественно провожает их к флотилии лодочек, которые переносят их через озеро; вот они садятся в Хогвартский экспресс; болтают и хохочут, наблюдая, как пейзаж за окном становится всё менее диким и всё более ухоженным; грызут мармеладки Берти Боттс, проносясь мимо муглевых деревушек; снимают свои колдовские мантии и переодеваются в брюки и курточки; прибывают на платформу девять и три четверти вокзала Кингс Кросс.

Прошло немало времени, прежде чем все они сошли с платформы и вышли на вокзал. У турникета стоял пожилой контролёр, который пропускал их через ворота по двое и по трое, чтобы не так привлекать внимание муглей – представьте, если бы вдруг из чугунной решётки разом вывалилась целая толпа!

– Обязательно приезжай в гости, – сказал Рон. – Вы оба приезжайте. Я вам сову пришлю.

– Спасибо, – сказал Гарри. – Мне надо запастись чем-нибудь, чего я мог бы с нетерпением ждать.

Они медленно продвигались по направлению к выходу в мир муглей. Время от времени кто-нибудь кричал:

– Пока, Гарри!

– Эй, Поттер! До встречи!

– Знаменитость, – сказал ему Рон, улыбаясь до ушей.

– Только с этой стороны. Там я никто, – отозвался Гарри.

Он, Рон и Гермиона прошли сквозь решётку вместе.

– Вот он, мама, вон там, гляди!

Это была Джинни Уизли, младшая сестрёнка Рона – но показывала она вовсе не на него.

– Гарри Поттер! – завизжала она. – Мама, смотри! Мама, а я вижу у него...

– Джинни, пожалуйста, потише. И не показывай пальцем – это невежливо.

Миссис Уизли улыбнулась им.

– Ну, дети – год насыщенный вышел?

– Ещё какой, – сказал Гарри. – Большое спасибо за свитер, миссис Уизли, и за ириски.

– На здоровье, милый.

– Готов?

Лицо у дяди Вернона было по-прежнему багровым и усатым, и по-прежнему носило выражение плохо скрываемой ярости. Подумать только, какая наглость – на вокзале полно народу, а этот мальчишка стоит тут как ни в чём ни бывало с совой подмышкой! Чуть поодаль виднелись тётя Петунья и Дадли. Казалось, сам вид Гарри наводил на них страх.

– А вы, должно быть, семья Гарри, – сказал мистер Уизли.

– В некотором роде, – буркнул дядя Вернон. – Ну, шевелись – не целый же день тут с тобой стоять.

Он отошёл.

– Значит, э-э-э... Счастливо тебе провести каникулы, – сказала Гермиона, неуверенно глядя вслед дяде Вернону. Похоже, для неё было новостью, что на свете встречаются настолько неприятные люди.

– И не сомневайтесь, – сказал Гарри, и они с удивлением обнаружили, как по его лицу расплывается радостная ухмылка. – Они-то не знают, что мне дома колдовать нельзя. Этим летом мы с Дадли повеселимся на славу...

примечания:

встречается, в частности, в "Школьных годах Тома Брауна" и книге Вудхауза "Майк в Рикине". Живые шахматы – прямая цитата из Кэрролла (как и родовое имя Почти Безголового Ника: Мюмзи – мюмзик – mimsy взято из стихотворения, которое объясняет Алисе Шалтай-Болтай). В "Песни о Нибелунгах" страж сокровищ пользуется tarnkarpe – плащом, который делает его невидимым, и который потом достаётся Зигфриду (а звать стража,

кстати, Альберих). Более мелкие ссылки - на Милна, тех же Даля (сравните хотя бы "Мармеладки Берти Боттс" с жевательной резинкой из "Чарли на шоколадной фабрике", которая меняет вкус по мере того, как её жуют, насыщая жующего целым обедом), Кэрролла (адрес на конверте - "Леди Алисиной Правой Ноге, Коврик у Камина") и Толкиена (Боромир на совете Элронда называет Саурона точно так же, как мистер Оливандер - Вольдеморта), да даже и Шекспира (ну, это уж производственная тематика: экзотические имена Гермiona и Миранда пришли из "Зимней сказки" и "Бури", соответственно) - лежат просто россыпью.

Работники народного образования по всему миру возвестили Гарри Поттера как спасителя культуры: дети впервые оторвались от экранов телевизоров и компьютеров и уселись читать. Бедолага Роулинг, мать-одиночка, сидевшая с бесполезным дипломом на пособии, не знала, куда деваться от почетных титулов, званий и призов (титульный лист первого тома перечисляет, среди прочих, "Лучшую книгу 1998 года" журналов "Publishers Weekly" и "Parenting", а также Нью-Йоркской библиотеки, "Рекомендовано редактором" обозрения "Booklist" и Национальную Премию Великобритании за 1997 год). В этом смысле для русской аудитории подобным откровением книги Роулинг не явятся - но лишь потому, что мы избалованы гениальными писателями, заставившими Карлсона, Винни-Пуха и муми-троллей изъясняться на русском, как на родном. Это не должно помешать признать мисс Роулинг как достойную преемницу Линдгрэн, Милна и Туве Янсон. Надеюсь, что моя работа в какой-то степени поможет донести эту мысль до нового читателя.

Ю. Мачкасов.

Август - ноябрь 2001.

□[1] Город Дурсли находится неподалёку от того места, где родилась сама Роулинг.

□[2] Поттер - и в самом деле очень "обыкновенная" фамилия. В юности Роулинг дружила с братом и сестрой Поттерами.

□[3] Отсылка к одному из любимых кинематографических приёмов Хичкока. В лекции студентам Университета Колумбия в 1939 году он пояснял, что Макгаффин - это персонаж, предмет или обстоятельство, вставленные в фильм исключительно с целью продвижения сюжета; как только это предназначение выполнено, сам Макгаффин никакой ценности больше не имеет, и про него можно спокойно забыть. Выражение "real McGuffin" вошло в поговорку, хотя часто используется неправильно.

□[4] Ночь на 5 ноября, английский праздник, известный также как Ночь Гая Фокса - по имени одного из участников неудавшегося покушения на короля Джеймса VI и парламент в 1604 году. В эту ночь обычно и в самом деле зажигают костры и пускают фейерверки; празднества по традиции начинаются с наступлением темноты.

□[5] Роулинг выбрала это слово (как она сама признаётся) потому, что на староанглийском dumbledore означает "шмель" (современное слово bumblebee ему, без сомнения, родственно). Albus (лат.) - "белый"; см. также комментарий 28.

□[6] По-французски "vol de mort" означает "полёт смерти (или мёртвых)"; если у имени и в самом деле французское происхождение, то последнее t не читается. Роулинг знала французский достаточно хорошо, чтобы подрабатывать уроками.

□[7] Слово "друг" звучит одинаково и по-испански, и по-португальски - то есть, на родном языке удава из Бразилии. Роулинг несколько лет прожила в Португалии.

□[8] В англоязычных странах адрес надписывается в другом порядке, чем в России - квартира (если есть), номер дома, улица, город, потом следующие административные единицы (район, графство, провинция, штат и т.п.) по возрастанию размера. Разнообразные надписи на конвертах аккуратно следуют этой схеме, несмотря на необычность адресов.

- [9] "Tiptoe Through The Tulips", популярная песенка с простенькой мелодией. Наибольшую известность получила в интерпретации Крошки Тима (Tiny Tim), который исполнял её нарочито жеманным фальцетом в собственном сопровождении на укулеле.
- [10] В Англии газеты доставляются своими издателями, а не почтой.
- [11] Rubeus по-латыни означает "красный", и часто бывает довеском (или определением) к имени, если его носитель рыжеволосый. Однако волосы у Хагрида - чёрные, поэтому см. комментарий 28 для более правдоподобного объяснения, почему Роулинг его так назвала. Hagrid является сокращением от hagridden - мучимый сомнениями, неуверенный в себе.
- [12] Если переставить слоги английского названия (Hogwarts), то получится слово warthog, то есть африканский дикий кабан (бородавочник).
- [13] All Hallows' Eve, или Hallowe'en, 31 октября, день, связанный в народных поверьях с мистическими событиями; приблизительный аналог ночи на Ивана Купалу. Ведёт своё начало от кельтских легенд, согласно которым в этот день души всех умерших за предыдущий год выходят в поисках успокоения, которое обретают в полночь, когда начинается день Всех Святых.
- [14] Увы, это то самое место, где переводчик разводит руками и прячется за знакомую формулу "непереводимая игра слов". Diagon Alley звучит как diagonally - по диагонали.
- [15] Пародия на сохранявшуюся до недавнего времени в Англии денежную систему, когда фунт стерлингов делился на двадцать шиллингов, в каждом из которых было по двенадцать пенсов (а в дополнение к ним имелась гинейя - двадцать один шиллинг). Сейчас шиллинги отменены, а фунт равен ста пенсам.
- [16] В Лондоне девять более или менее крупных вокзалов. Из Паддингтона отправляются пригородные поезда западного направления. От Кингс Кросс поезда идут на север - как местные, так и дальнего следования. Можно предположить, что Хогвартс находится где-нибудь посередине острова, в северной части Англии или в южной Шотландии.
- [17] Святая Ядвига (XIII в.) - покровительница сирот; монашки, принадлежащие к ордену её имени, работают в детских приютах.
- [18] В старых английских вагонах у каждого купе есть своя дверь не только во внутренний коридор, но и наружу, на платформу.
- [19] В некоторых привилегированных частных школах - назначаемая должность, "старший ученик". В обязанности префекта входит в основном поддержание порядка. Роулинг использует слова "head boy/girl" (староста) и "prefect", очень похожие по смыслу, делая между ними различие: Лили и Джеймс Поттер и Билл Уизли были старостами, в то время как Перси - префект.
- [20] Granger - крестьянин, фермер; таким образом подчёркивается неволшебное происхождение Гермионы.
- [21] По-английски фамилия Malfoy читается именно так, а со старофранцузского "mal fo" можно (хотя правильнее было бы mauvaise, а не mal, и современное правописание всё-таки foi) перевести как "бесчестный" (буквально - "(ему) плохая вера").
- [22] Профессор называет фамилии в порядке алфавита, но только английского - поэтому "Ф" идёт сразу перед "Г", а "З" - самой последней. Вариации в передаче английских фонем также сбивают порядок, поэтому на его соблюдение внимания лучше вовсе не обращать.
- [23] Стереотипно-типичные ирландские имя и фамилия, ирландский "Вася Иванов".
- [24] На этом месте в американском издании, с которого я работал - редакторский ляп. Следующая фраза (о Дине Томасе) в английской версии не существует, однако "троих" в предыдущем предложении тупо перенесли, не позаботившись исправить. Я восстанавливаю здесь правильное согласование.
- [25] Перекрещенные указательный и средний пальцы - суеверный жест на счастье, принятый в англоязычных странах; примерно как держать палец в чернилах.

□[26] Snake – название нескольких небольших городков в Англии. Возможно, Роулинг взяла именно это имя из-за того, что оно похоже на английское слово snake – змея. Имя Снейпа – Severus – означает "жестокий"; император Север три года провёл в Шотландии после завоевания её римской империей.

□[27] To filch (англ.) – взять без спроса, стибрить.

□[28] "Голова дракона" (лат.). Интересная деталь: этот термин является одной из фигур геомансии (западный аналог гадания по книге "И Цзин", только фигуры получают не подбрасыванием монеток, а тыканьем в землю чем-нибудь острым), наряду с фигурами "Альбус" ("белая" энергия, превращающая страдания в счастье) и "Рубеус" ("красная", необузданная, первозданная энергия). И ещё одно "совпадение" – современная версия правил геомансии, наряду с методом создания фигур с помощью листа бумаги и карандаша, были введены неким Агриппой.

□[29] Имя персонажа романа Джейн Остен "Mansfield Park" – дамы, вечно сующей нос в чужие дела. Роулинг называет Остен в числе своих любимых писателей.

□[30] Роулинг попеременно использует слова "broom" и "broomstick". По возможности сохраняя очерёдность, я буду переводить их как "метла" и "помело", соответственно.

□[31] Эту книгу, вместе с упоминавшейся ранее книгой "Небывалые твари и где их искать", мисс Роулинг и в самом деле сочинила. Они вышли вскорости после четвёртого тома "Гарри Поттера". Цена их проставлена в английской (2,50) и колдовской (14 сиклей 3 кнутса) валюте; это даёт нам возможность установить, что в одном галеоне почти точно 3 фунта стерлингов.

□[32] Фамилию "Wood" можно перевести как "полено" – Гарри, вероятно, опасается, что профессор собирается его основательно поколотить.

□[33] Фамилия школьной медсестры совпадает (за исключением первой буквы) со словом "comfrey" – окопник, растение, обладающее в фольклоре широкими исцеляющими свойствами (а в больших дозах – ядовитое), а также омонимично французскому "pommes frites" – жареный картофель (не знаю, умышленно ли).

□[34] Английский глагол "to quaff" означает "глотануть залпом, тяпнуть, упиться". Однако поскольку "quidditch" и "quaffle" имеют одинаковое начало явно не случайно, то оставив непереверждённым первое (согласно мисс Роулинг, оно происходит от топонима, Квирдичского болота, на котором состоялся первый в истории матч – хотя этот факт содержится в книге "Квиддич – многовековая история", то есть в апокрифе, поэтому упоминать его здесь, строго говоря, нечестно), необходимо так же поступить и со вторым (в отличие от остальных игровых терминов).

□[35] В оригинале – "snitch". Хотя современный перевод этого слова – "ябеда, стукач", но изначальное, более старое (а теперь утерянное) значение – именно такое, как в тексте; квиддич – игра старинная (XI века – по тому же апокрифу).

□[36] Тыква – традиционное блюдо на Всех Святых (Хэллоуин); срезав верхушку и аккуратно выбрав для готовки мякоть, оставшуюся "скорлупу" из корки прорезают в виде морды пострашнее, а внутрь помещают зажжённую свечу и ставят на пороге дома или в окне лицом на улицу. Первоначально что-то похожее (например, разведение костров) делалось, чтобы отпугнуть неприкаянные души (см. комментарий 13), но вряд ли с тыквами, поскольку вся фруктово-овощная символика пришла позже, от римлян, которые совместили языческий кельтский Хэллоуин со своим праздником урожая.

□[37] В книге, казалось бы, без всякой причины, упоминаются несколько дат. Скорее всего, они здесь не "от балды", а со смыслом. Необходимо принять во внимание, что мисс Роулинг по профессии – филолог. Дело в том, что в этом году была напечатана первая книга на английском языке, так что 1473 считается отправной точкой в истории английской литературы (этой книгой и этим годом начинается официальный "Справочник коротких заглавий", перечисляющий все известные печатные издания на английском вплоть до начала XIX века).

□[38] Существует весьма знаменитый грек, владевший весьма знаменитой трёхголовой собакой: Геракл (Геркулес), в качестве одного из своих канонических подвигов, спустился в Аид (Гадес), где поймал, посадил на

цепь и, в некоторых вариантах, увёл с собой Кербера (Цербера) - трёхголового пса, который охранял выход из ада, пока не сорвался с привязи.

□[39] Традиционные рождественские и новогодние украшения. Ветку омелы помещают обычно над дверным проёмом; если девушка и молодой человек встречаются под ней в дверях, им положено поцеловаться. Развешивать венки остролиста призывается в средневековой святочной песне (Christmas carol) - "Deck the halls with bows of holly..." - которая до сих пор очень популярна.

□[40] Pince - не как в английской монете (pence), а как первый слог в слове "пенсне" (pince-nez).

□[41] Можно только гадать, какой формы колдовские деньги, но пятидесятипенсовая монета (равно как и двадцатипенсовая, которая чуть меньше в диаметре) и в самом деле выглядит необычно - это правильный семиугольник со скруглёнными краями.

□[42] Описано обычное рождественское меню; в Америке то же самое едят и на день Благодарения.

□[43] Если Вы до сих пор не догадались, почему зеркало так называется, прочтите это слово (а также надпись на раме) задом наперёд.

□[44] Как это ни странно, Флямель с супругой являются лицами историческими. Николая Флямель (1330 - 1418?) - один из крупнейших французских алхимиков своего времени. В 1357 г. владел небольшой книжной лавкой, для которой и приобрёл известный кабалистический папирус, т.н. "Книгу Иудея Авраама". Долгое время (более 20 лет) пытался разгадать "истинный смысл" этой книги (в частности, под видом паломничества совершил длительное путешествие по еврейским общинам Испании - части папируса были написаны на арамейском, которого он не знал, а во Франции тогда евреям жить воспрещалось), положив таким образом начало мифу о том, что она в конце концов открыла ему секрет философского камня. К старости (а прожил он по тем временам неприлично долго) Флямель стал щедрым филантропом, учредил несколько фондов, вкладывал деньги в развитие искусств, что способствовало развитию легенды. Краткое изложение его научных достижений дошло до нас благодаря английскому переводу его трактата "Тайное описание благословенного камня, именуемого философским", вышедшему в 1624 г. Вокруг смерти его жены (и его собственной) рассказывали достаточно различных историй (например, что оба этих события он в точности предсказал и тщательно к ним подготовился) для того, чтобы пошли слухи, что на самом деле они инсценировали похороны и скрылись. Упоминание "оперного искусства" объясняется тем, что в 1761 Флямеля с женой якобы видели на спектакле в парижской Opera. Дом Флямеля, построенный им в 1407 году (рю Монморанси, 51), является сейчас старейшим сохранившимся зданием в Париже; в нём помещается (вполне действующая) корчма "Nicolas Flamel". Знаменитое местечко.

□[45] В этом году произошли последние в истории процессы над "ведьмами" в Шотландии (обвиняемая осуждена и заклеяена) и Америке (оправдана). Однако, если продолжать линию "значительных событий в английской литературе" (см. комментарий 37), то можно заметить, что это год рождения Сэмюэля Джонсона (автора словаря английского языка, остававшегося непревзойдённым до середины XIX века). Джонсон совершил также известное "Путешествие к восточным островам Шотландии", т.е. Гебридской гряде (см. следующий комментарий).

□[46] Соответствуют двум породам собак - велш-терьер (Welsh - уэльский) и скай-терьер (от Skye - второго по величине из Гебридских островов), выведенным в Великобритании.

□[47] Слово "гребнеспин" встречается в имени ещё одной породы собак - Rhodesian ridgeback (обычно не переводится - известна как "родезийский риджбек"), так названной потому, что у них шерсть на загривке и хребте довольно короткая и стоит "в обратную сторону", то есть, к голове.

□[48] Не просто в клетку, а из tartan, шерстяной ткани - "шотландки". Каждому клану положено иметь свой собственный рисунок-клетку, так что профессор, вероятно, носит "цвета" Макгонагелл (самым известным носителем

этой фамилии, о котором мисс Роулинг не может не знать, был поэт XIX века William McGonagall, заслуживший сомнительную славу "худшего поэта своего времени" за чрезвычайную вольность в обращении с рифмой и размером и странноватый выбор тем для своих творений - к примеру, "Крушение поезда на мосту через Тэй").

□[49] В оригинале detention, "задержание" - обычное школьное наказание: учеников некоторое время не отпускают после окончания занятий, как правило заставляя при этом выполнять какую-нибудь работу, часто занудную и бессмысленную.

□[50] С одной стороны - год издания шотландского "Молитвенника", при помощи которого Карл I пытался насаждать англиканское богослужение в Шотландии (что и привело к Пуританскому восстанию, а для самого Карла кончилось весьма плачевно). С другой (см. комментарии 37, 45), год смерти гениального драматурга Бена Джонсона (среди комедий которого, как ни странно, есть одна под названием "Алхимик").

□[51] Ещё одно подтверждение, что перед нами и в самом деле Цербер: по легенде, когда Орфей спустился в царство мертвых за Эвридикой, он сумел пройти через врата ада, которые тот охранял, усыпив пса своей игрой на кифаре.

□[52] В алхимическом каноне философский камень, собственно, вовсе не камень - скорее порошок.

□PAGE □

□PAGE □154□